

ВИКТОР
ПЕЛЕВИН

Числа

АЗБУКА-КЛАССИКА

18+

Виктор Олегович

ПЕЛЕВИН

1962

Виктор
ПЕЛЕВИН

Числа

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П 24

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-13542-0

© В. О. Пелевин, 2003
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

*Зигмунду Фрейду
и Феликсу Дзержинскому*

Окнов: Нет, пустите!.. Пустите!

Пусти... Вот что я хотел сделать!

Стрючков и Мотыльков: Какой ужас!

Окнов: Ха-ха-ха!

Мотыльков: А где же Козлов?

Стрючков: Он уполз в кусты.

Даниил Хармс

I

Идея заключить с семеркой пакт созрела у Степы Михайлова тогда, когда он начинал понемногу читать и задумываться о различиях между полами. Первые формы этого альянса были примитивными. Степа рисовал семерки разного вида на разные случаи жизни. Например, большая и пустотелая, во всю страницу, защищала от тех ребят, которые были старше и сильнее. Четыре заостренные семерки, расположенные по углам листа, должны были остановить буйных соседей по палате, которые имели привычку подкрадываться во время тихого часа, чтобы ударить подушкой по голове или положить прямо перед носом какую-нибудь гадость. Однако несколько досадных происшествий, от которых семерки должны были защитить, показали, что этот метод не подходит.

Степа решил, что семерка в единственном числе обладает недостаточной силой, и принялся покрывать крошечными синими уголками страницу за страницей, чувствуя себя завоевателем, набирающим армию для покорения мира. Но армия, как быстро выяснилось, не желала сражаться. Синяки, полученные Степой в летнем лагере после того, как семерками было исписано ровно семь тетрадей, показали это с полной убедительностью.

Бродя после уроков по тихим подмосковным рощам и полным сокровищ свалкам, Степа размышлял об этом, пока не понял, в чем дело. Почему-то он с самого начала решил, что семерка в курсе всех его планов. Казалось само собой разумеющимся, что она узнает о его мыслях в тот момент, когда они появляются у него в голове. А между тем сколько было в мире таких, как он! Степа догадался, что ему следует каким-то образом обратить на себя внимание семерки, сделать так, чтобы она узнала о союзе, который он хочет заключить, и выделила его из толпы.

На уроках в школе рассказывали, что в древние времена люди, которые хотели воззвать к богам, приносили им жертвы. Семерка, возможно, не была таким же богом, как Зевс или Аполлон, но явно обитала в надчеловеческом измерении. Поэтому забытая технология могла сработать.

Степа знал, что древним богам приносили в жертву быков, сжигая их на костре. Несколько недель он всерьез обдумывал ритуальный поджог одного из коровников в совхозе, который располагался неподалеку от их дачи. Были заготовлены бутылка с бензином и длинные полоски резины, которые предполагалось использовать в качестве бикфордова шнура. В последний момент Степа передумал. Все-таки это было слишком масштабным проектом.

Но бензин не пропал. Степа стянул из дома семь банок говяжьей тушенки — это были военного вида жестяные цилиндры с похожей на фотографию со старой могилы бычьей мордой в овале. Такое количество продукта потребовало боль-

шого костра, и он обжег руку, но в целом ритуал, который он провел в лесу неподалеку от дома, прошел гладко.

Вонь горелого мяса напомнила ему о чем-то таинственном и давно забытом (даже пришло в голову странное словосочетание — «гиена огненная»). Это переживание было слишком мимолетным для анализа — так, галлюцинация памяти, тень мысли о чем-то таком, чего с ним совершенно точно никогда не происходило. Тем не менее именно это странное полувоспоминание открыло ему глаза на его ошибку.

В чем был смысл жертвоприношения? Небу предлагалось то, чем оно наделяло, — жизнь, душа. А сероватая говядина из стратегических запасов СССР была просто упаковкой, оставшейся от давно развеянной жизненной силы — точно так же, как жестяные банки были упаковкой от сгоревшего мяса. Принести мертвую материю в жертву духу было все равно что подарить на день рождения пустую коробку от конфет. Доски старого забора, из которых он разложил костер, и то подходили лучше, потому что на них кое-где росла живая плесень.

Следующий шаг был прост и логичен. Степа свернул семь газетных листов в удобную длинную мухобойку и начал переправлять в иной мир мух, залетавших в кухню со двора. Чтобы их души доходили по нужному адресу, каждый раз после попадания Степа шепотом повторял непонятно как сложившийся в его голове стишок: «Семь осин и сосен семь, семь семерок насовсем». Было не до конца понятно, сколько именно мух следовало

отправить к семерке под эту считалку — то ли семь раз по семь, то ли семьдесят семь. Степа решил остановиться на втором варианте и уже подбирался к заветной цифре, когда внезапный удар судьбы сделал проект неактуальным.

Его нанесла книга, которую забыл на кухонном столе отец, даже не вся книга, а одна только фраза на развороте, куда Степа нечаянно опустил взгляд, — про некоего Штирлица, который так твердо верил в счастливое предназначение числа «семь», что, снабжая кого-то ложной информацией, старался, чтобы присутствовавшие в ней цифры давали в сумме семерку.

Степа понял, до какой степени он со своей мухобойкой неконкурентоспособен в мире, полном взрослых людей, разделяющих те же взгляды на чудесное. Их возможности были неизмеримо шире; некоторые могли отправить по магическому адресу много миллионов человек, не то что мух. Стоило ли надеяться, что семерка, окруженная сонмами могущественных почитателей, обратит внимание на него? Это было так же наивно, как рассчитывать, что слон, окруженный духовым оркестром, заметит жужжащего комара.

На долгое время Степа потерял веру в то, что из союза с цифрами можно что-нибудь извлечь. Даже сама мысль, что его можно заключить, стала представляться ему сомнительной.

Потребовалось несколько лет, чтобы рана в душе затянулась и Степу посетили новые идеи относительно цифр и чисел.

Семерка была всеобщей избранницей. К ней обращались все — британские суперагенты, сказочные герои, города, стоящие на семи холмах,

и даже ангельские иерархии, имевшие привязанность к седьмому небу. Семерка была избалованной и дорогой куртизанкой, и неудивительно, что скромные Степины ухаживания оставались без ответа. Но она была не единственной цифрой на свете.

Однако Степа, наученный печальным опытом, не спешил выбрать какую-то другую. Он догадывался, что, к какой цифре он ни повернись, в мире найдется много людей, сделавших тот же выбор. А чем больше у него будет конкурентов, тем меньше шанс, что выбранная цифра откликнется на его волхования или хотя бы догадается о его существовании. С другой стороны, логика подсказывала, что двузначные и трехзначные числа не так избалованы вниманием.

Степа интуитивно чувствовал, что цифры от единицы до девятки были могущественнее двузначных чисел, а двузначные — сильнее трехзначных, и так далее. Но ему запали в душу слова Цезаря, услышанные на уроке истории, — «лучше быть первым в галльской деревушке, чем последним в Риме» (учительница оговорила, сказав «лучше быть первым в Риме, чем последним в галльской деревушке», но Степа понял, что это ошибка, потому что для Цезаря это звучало бы слишком самодовольно). И он принялся подбирать галльскую деревушку поспокойнее.

После долгих размышлений он остановил выбор на числе «34». В сумме четверка и тройка давали ту же самую семерку. Это наделяло число «34» подобием небесной генеалогии, как у греческих героев, возводивших свою родословную к богам. Степа не предавал свое изначальное божество,

он находил более рациональный способ воззвать к нему. Кроме того, как и семерка, тройка с четверкой были особенными цифрами — они имели цвета. Степа помнил, что раньше, когда он был совсем маленьким, цвета были у всех цифр. Потом они стерлись, только у четверки остался хорошо различимый зеленый, у семерки — синий, и у тройки — слабые следы оранжевой краски на центральном выступе.

Было много других соображений, которые Степа принял во внимание, — например, «тридцатьчетверка» была лучшим русским танком Второй мировой, и, значит, число «34» несло на себе отраженный свет удачи и победы. Выбор, который он сделал, вызревал в его уме так долго, что было даже не до конца ясно, он ли выбрал число «34» или оно его.

Он был уже большой мальчик — школа близилась к концу и под носом у него темнели пробирающиеся усы, похожие на два минуса, которые, как он надеялся, должны были со временем дать обещанный математикой плюс. Теперь он стал осмотрительнее. Обзаведясь новым патроном в мире чисел, он не стал повторять своего жестокого мухоприношения. Числу «34» были ни к чему мертвые мухи и даже мертвые люди, он понимал это ясно. Следовало идти другим путем — не совершать невнятные магические ритуалы, а пропитать этим числом всю жизнь, слиться с ним, доказав свою преданность ежедневным усердием.

Степа начал с того, что стал вставать не в шесть тридцать, как раньше, а в шесть тридцать четыре. Так же сдвинулись все остальные точки его распи-

сания, которые зависели от него. Назначая встречу на половину шестого, он приходил на четыре минуты позже, специально задерживаясь в вестибюле метро, чтобы дать стрелке переползти на несколько делений вперед. Когда рациональная часть ума начинала нашептывать, что его поведение глупо, для нее был наготове рациональный ответ.

Все вокруг меняется каждый миг, и в каждый момент мир представляет собой сумму иных обстоятельств, чем секундой до или после. Люди, с которыми мы имеем дело, тоже постоянно меняются и ведут себя по-разному в зависимости от того, какие именно мысли попадают в моментальное сечение их умов. Поэтому, выбирая временную и пространственную точку своей встречи с миром, мы занимаемся совершенно реальной магией, может быть, даже единственно возможной магией, потому что каждый раз мы решаем, в какой именно мир нам вступить. В одном нас ждет падающий из окна горшок с бегонией или несущийся из-за угла грузовик, в другом — благосклонная улыбка Незнакомки или толстый кошелек на краю тротуара, и все на одних и тех же улицах... Эти слова Степа нашел много позже, уже тогда, когда научился превращать числа в деньги, но сама мысль, на которую они указывали, в неоформленном виде была знакома ему со школы.

Засыпая, он считал не до ста, а до тридцати четырех, потом опять до тридцати четырех, и так далее. Выбирая в кафе, за какой из столиков сесть, он начинал считать их по кругу, по несколько раз каждый, пока не добирался до тридцати четырех.

Перед тем как нырнуть в море с пирса, он делал тридцать четыре быстрых вдоха. Каждый раз, когда надо было принять решение, он тем или иным способом привязывал его к священному числу. Это давало ему чувство, что он идет по уникальному маршруту, отличному от других человеческих жизней. И, хоть внешне его судьба ничем не отличалась от судеб сверстников, маршрут действительно был необычен. Когда Степа прошел по нему достаточно далеко, он стал получать подтверждения одно за другим. Или, может быть, научился их узнавать.

Однажды в летнее воскресенье он сидел дома и рассеянно глядел в окно. Вдруг с улицы понеслись тяжелые удары — на стройке заработала машина, забивающая в грунт металлические сваи. Степа непроизвольно начал считать их. Ударов оказалось ровно тридцать четыре, потом машина остановилась и больше о себе не напоминала. В этом, возможно, не было бы ничего особенного, если бы за секунду до первого удара он не подумал, что так и не знает, удалось ли ему достучаться до сердца своего божества. Кроме того, это произошло в выходной, когда на стройках никто не работает, — последнее обстоятельство окончательно убедило Степу, что случившееся было знаком.

В другой раз, когда его посетили сомнения, он, повинувшись импульсу, включил телевизор. На экране появились титры польского фильма «Три танкиста и собака» — что означало, как он сразу догадался, «34» — три (танкиста) и три плюс один (полный экипаж). Если в таком подходе и была

небольшая натяжка, ее можно было извинить, вспомнив, что танк, на котором ездили собаколюбивые поляки, назывался «Т-34».

17

Рано с утра в свой семнадцатый день рождения — особенный, потому что семнадцать на два давало тридцать четыре, — он решил устроить окончательный экзамен себе и избранному числу. Он загадал, что этот союз приведет его к цели (правда, что это за цель, он пока не знал), если в номере билета, который он купит в кинотеатре, окажутся цифры «3» и «4». Чтобы придать событию достаточную протяженность во времени, Степа выбрал кинотеатр на другом конце Москвы. Часовая поездка на метро стала подобием восхождения к горному храму, во время которого от человека отлипают накопленные в миру грехи.

Билет был куплен ровно за тридцать четыре минуты до начала фильма. Степа вышел на улицу и, глубоко вздохнув, заглянул в него, словно игрок, открывающий карту, от которой зависит вся партия.

В шестизначном номере не оказалось ни троек, ни четверок. Номер ряда был одиннадцать. Номер места — пятнадцать. Степа почувствовал, как мир, который он столько лет создавал по кусочкам, разваливается на части. Экзамен был провален.

Купив в ближайшем магазине бутылку портвейна, он выдул ее из горлышка в подъезде, покурил

немного у заплеванного окна и пошел по купленному билету в кино — делать все равно было нечего. Усевшись на свое место, он опустил взгляд на спинку кресла впереди и почувствовал, как зал начинает крениться набок. Но дело было не в выпитом.

Перед ним чернела жирная надпись несмываемым маркером: «САН-34». Что такое «САН», он не знал — может быть, группа в каком-нибудь учебном заведении или что-нибудь в этом роде. Зато он хорошо знал, что такое «34». Степа провел по надписи пальцем. Дерматин обивки был прохладным и шероховатым. Он несколько раз моргнул, проверяя, не обманывает ли его зрение. Потом он заверещал на весь зал, и от неприятностей его спасло только начавшееся затмение перед сеансом.

После этого случая стало окончательно ясно, что пакт, о котором он мечтал с детства, заключен. Приятной новостью было и то, что у числа «34» появились союзники — «17» и «68». Степа не назначал их на эту роль — все произошло само собой. Просто в какой-то момент он понял, что эти два числа служат тридцати четырем, являясь вестниками — еще не самим солнцем, а обещанием света, сиянием на кромке расступающихся облаков.

Поняв, что услышан, Степа не только обрадовался, но и испугался. Было не очень понятно, кем именно он услышан. Иногда ему становилось жутко — он понимал, что втянулся в странную игру, выйти из которой будет непросто.

Такие попытки были. Однажды, совершая посвященный числу «34» ритуал, он отсидел в тем-

ном деревенском погребу тридцать четыре часа и натерпелся серьезного страха. Были даже галлюцинации, на редкость малоинтересные, — простоволосая баба в юбке из мешковины начинала переставлять горшки в углу каждый раз, когда он о чем-то задумывался и забывал, что никаких горшков и бабы там нет. После этого опыта он решил, что сходит с ума, и дал себе слово больше не заниматься ерундой. Но сделать что-нибудь с психическим зарядом, который он по капле влил в любимое число, было нельзя. Теперь эта энергия существовала независимо от него, или, во всяком случае, так казалось. Можно было сколько угодно убеждать себя, что «34» — такое же число, как и все остальные, и клясться, что детские игры остались позади, но глубин души это не затрагивало. Стоило ему увидеть тройку рядом с четверкой, как дрожание центрального нерва личности показывало, что его договор с числами остается в силе — и будет теперь в силе всегда.

43

Из круглолицего мальчика Степа превратился в такого же круглолицего молодого человека, словно все возрастные трансформации свелись к тому, что его накачали насосом и подкрутили вверх усы. Если бы в Степином окружении нашелся человек, знающий о его тайне, он, наверно, увидал бы в чертах его лица связь с числом «34». У Степы был прямой, как спинка четверки, нос — такие в эпоху классического образования назы-

вали греческими. Его округлые и чуть выпирающие щеки напоминали о двух выступах тройки, и что-то от той же тройки было в небольших черных усиках, естественным образом завивающихся вверх. Он был симпатичен и напоминал чем-то покемона Пикачу, только взрослого и пуганого.

Несмотря на некоторую полноту, Степа нравился женщинам. Мужчинам он нравился тоже — но по другой причине: он производил впечатление божьего одуванчика, которого можно не принимать всерьез. За такой поверхностный вывод поплатились многие недотепы брутального вида. Степа не был коварен. Но в обиду себя не давал.

Выбор профессии оказался для Степы прост — он поступил в финансовый институт. Страсти к бухгалтерскому делу у него не было, но информация об этом учебном заведении оказалась на тридцать четвертой странице пособия для поступающих в вузы.

Наблюдая за товарищами по учебе, он начал замечать, что многие из них, как и он, придают значение числам. Но они не брали на себя ответственности за то, какие именно числа управляют их жизнями, и походили на стадо баранов. Они склонялись перед избалованной семеркой и уважительно относились к троице за то, что ее «бог любит», хотя могли при этом не верить в бога. Кроме того, все боялись числа «13». Для этого страха был даже специальный греческий термин — «triskaidekaphobia». Это дикое слово было производным от греческого «тринадцать», но Степа слышал в нем что-то вроде иррационального страха отравиться треской в буфете Дома культуры.

Постепенно Степа перестал считать себя ненормальным. Особенно в этом помог фрагмент из романа Толстого «Воскресенье», который он прочел летом на даче, когда под рукой не оказалось ничего интереснее. Один из героев, член суда, проделывал операцию, которая показалась Степе настолько значительной, что он скопировал в тетрадь по военной подготовке посвященный ей абзац:

«Теперь, когда он входил на возвышение, он имел сосредоточенный вид, потому что у него была привычка загадывать всеми возможными средствами на вопросы, которые он задавал себе. Теперь он загадал, что если число шагов до кресла от двери кабинета будет делиться на три без остатка, то новый режим вылечит его от катара, если же не будет делиться, то нет. Шагов было двадцать шесть, но он сделал маленький шагжок и ровно на двадцать седьмом подошел к креслу».

Степа понимал, что вряд ли какой-то юрист взял и рассказал мятежному графу о своей привычке за рюмкой шартреза. Скорее всего, Толстой наделил героя одной из собственных тайных черт. А раз сам Толстой грешил чем-то подобным, волноваться за свой рассудок не стоило.

Когда сомнения отпали, Степина жизнь стала проще. Число «34» с железной необходимостью диктовало ему все существенные поступки. Но это не значило, что Степа с утра до вечера занимался только тем, что искал, как бы втиснуть эти цифры в реальность. Пустяковые каждодневные дела могли находиться в нейтральной зоне — там, где большинство людей проводило все свои жизни.

Но если решение, которое Степа собирался принять, могло иметь серьезные последствия, он обращался к своему невидимому союзнику.

Практически в любом событии или процессе можно было выделить область, которая находилась под согревающими лучами заветного числа. Можно было сесть на тридцать четвертое место в поезде, увозившем в новый город, отжаться тридцать четыре раза во время зарядки или выпить чай за тридцать четыре глотка. Проще всего было сосчитать про себя до тридцати четырех. По этой причине, кстати, Степа слыл человеком с железным самообладанием, который никогда не срывается и не ввязывается в склоки — даже тогда, когда не выдерживали самые непробиваемые, те, кто следовал правилу «сосчитать до десяти» перед тем, как ответить грубостью на грубость или захватить обидчику кулаком в рожу. У его выдержки было математическое объяснение: $34 > 10$.

Однако не все в жизни было гладко. Постепенно на горизонте возникла туча, которая с каждым днем закрывала все большую часть некогда безоблачного простора. И пришла она из того же измерения, откуда перед этим появилось число «34».

Дело было в том, что из тех же цифр — тройки и четверки — можно было составить еще одно число, «43». Но если «34» вмещало в себя все лучшее, что было в Степиной жизни, то «43» было его антиподом, эдаким портретом Дориана Грея. Это сравнение казалось Степе уместным, потому что Дориан Грей и «43» находились в отдаленном родстве — «D» была четвертой буквой латинского

алфавита, а согласных в слове «Дориан» было три. Степа сознательно выбрал «34» в качестве своего ангела-хранителя. А «43» влезло в его жизнь без спроса, совершенно не интересуясь, хочет он этого или нет.

Мало-помалу Степа стал замечать неприятные вещи, связанные с этим числом. То, что цифры стояли в нем в обратном порядке, делало его как бы противоречащим мировой гармонии — или, во всяком случае, той части мировой гармонии, которая работала на Степу. У этого было историческое доказательство — в тысяча девятьсот сорок третьем году произошла одна из решающих битв великой войны, Курское танковое сражение, — и число «43» было до сих пор заряжено жутковатым эхом той даты. Во время этой битвы было уничтожено огромное количество «тридцатьчетверок». Число «43», несомненно, символизировало гибель всего того, что сулило Степе удачу и свет.

Степа стал обращать внимание на то, при каких обстоятельствах «43» появляется в его жизни. Этому всегда сопутствовало что-нибудь малоприятное. Встретив это число, Степа заранее настраивался на неудачу, а четвертого марта с самого утра помнил, что в этот день его ждут одни беды.

Могло ли быть так, что он подсознательно устраивал эти беды сам? Такая возможность приходила ему в голову. Все можно было объяснить простым самовнушением. Только это объяснение на самом деле не объясняло ничего. Человеческое существование, говорил один Степин знакомый, и есть не что иное, как сеанс самогипноза

с принудительным выводом из транса. Слово «самовнушение» звучало научно, но Степа не изучал свою жизнь, а жил ее. Как бы это ни называли другие, радость, наполнявшая его душу, когда судьба посылала ему тройку с четверкой в нужном порядке, была для него совершенно реальна. Но за это приходилось платить такой же реальной тоской, которая сжимала его сердце, когда порядок цифр оказывался обратным.

Сильнее всего пугало даже не то, что в его жизни без спроса появилось число «43», вокруг которого концентрировалось зло. Он догадывался, что свет и тень нераздельны. Проблема была в другом. Иногда трудно было понять, с чем он имеет дело — с сорока тремя или с тридцатью четырьмя. Например, глядя на фотографию «Титаника», он сразу замечал четыре трубы и три промежутка между ними. Это было «43», что не требовало никаких доказательств. А если доказательства были бы нужны, судьба этого корабля говорила сама за себя.

С другой стороны, вилка, которой он каждое утро цеплял залитый яйцом бекон, тоже имела четыре зубца и три промежутка между ними. Но он с давних пор видел в этой комбинации число «34», заряжавшее позитивной энергией каждый кусок, который отправлялся ему в рот. В таких случаях искать рациональное объяснение было бесполезно.

Впрочем, логике и здравому смыслу все равно находилось место в жизни. Но в действие они вступали не тогда, когда надо было принять решение, а тогда, когда оно было уже принято.

И нужны они были только для того, чтобы подобрать этому решению убедительное обоснование.

Ладонь с поджатым большим пальцем означала «43», когда он смотрел на нее с внутренней стороны. А с внешней она означала «34». Степа видел это безо всякой логики. Но он не знал, почему это так. И тут приходил на помощь разум. Он говорил, например, следующее: ноготь чем-то похож на стекло мотоциклетной каски или забрало космического шлема. Поэтому, подавая хороший знак, ладонь как бы поворачивается к нему лицом. А когда она отворачивается, да еще становится виден скрюченный, словно побежденный большой палец, это дурное знамение — «43». Но Степа не сомневался, что если бы подсознание расставило числа наоборот, логика и здравый смысл тоже что-нибудь придумали бы. Поэтому он относился к ним с добродушной иронией, как к информационным проституткам из телевизора, и не принимал их всерьез. Возможно, именно по этой причине он добился успеха в бизнесе, где рациональность решает все только на взгляд дилетанта.

34

Степин бизнес начался обыкновенно — с торговли компьютерами в позднюю горбачевскую эру. Любимому числу было где разгуляться на этом просторе, и нелюбимому тоже. Договоры, в порядковых номерах которых выскакивало «43», Степа брал под особый контроль, а если это число по-

вторялось дважды, он вообще отказывался подписывать такую бумагу под любым, самым смехотворным предлогом — что бы ни орали партнеры и заказчики. Разбивая компьютеры на партии, Степа старался, чтобы их было именно 34 («Такая поставка, — объяснял он клиенту, заказавшему сотню „экстишек“, — завтра столько же, а послезавтра остаток»). Если партии были совсем мелкими, то он старался распределить их так, чтобы в первый день ушло три машины, а на следующий — четыре. Потом он брал паузу, чтобы случайно не получилось число «43». Таких технологий у него было много.

Поскольку весь вырабатываемый душой страх тратился у него на отношения с числами, бандитов Степа почти не боялся. Его пугала мысль, что в него могут выстрелить из «кольга» сорок третьего калибра, но такая вероятность была мала. Бывало, что очередное появление братков каким-то образом совпадало с манифестацией ненавистного числа, и тогда Степа вел себя как обычный трусливый коммерсант. Но бандиты, ошибочно принявшие это на свой счет, могли поплатиться.

Один раз на Степин бизнес наехали гастролировавшие в Москве чеченцы — некие «урус-мартанские». Проанализировав по укурке это слово, Степа путем замысловатых вычислений, связанных с номерами букв в алфавите и порядком букв в слове, нашел в нем дважды повторяющееся число «43» и согласился на все их требования. Но, повторив расчеты с утра на ясную голову, он понял, что ошибся. Проверив себя еще два раза, Степа позвонил своей «крыше», тоже чеченской, — двум

братьям с библейскими именами Иса и Муса. Когда урус-мартанские приехали за деньгами, состоялся короткий геральдический диалог, прямо в ходе которого Иса и Муса расстреляли гостей надпиленными крестом пулями из своих «стечкиных». Урус-мартанские принадлежали к враждебному тейпу.

Кресты на пулях не имели никакого отношения к христианству — такая пуля, попадая в тело, не прошивала его насквозь, а распускалась косматой свинцовой розой и отшвыривала собеседника назад, не оставляя ему тех нескольких секунд дееспособности, которые часто портят все на свете. В результате о Степе пошла слава как о расчетливом и жестоком человеке с железной хваткой, который не просто может устроить обидчику встречу с Аллахом, но способен даже сравнить чеченов друг с другом.

Эта слава оказалась кстати, когда Степа стал расширять свой бизнес. Числиться негодяем и убийцей было полезно. Это защищало от человеческой подлости: души повышенной конкурентоспособности узнавали демона старше рангом и уходили восвояси — кидать об колено тех, в ком угадывались хоть какие-то черты Спасителя. Степа по натуре был добрым человеком, склонным прощать обидчиков и помогать тем, кто попал в беду, но из-за истории с урус-мартанскими это удалось скрыть от общества.

Вскоре выяснилось, что его давнее решение поступить в финансовый институт было мудрым выбором. Пригодились не полученные знания о природе социалистических финансов (от них ни-

чего не осталось в голове), а знакомства: бывший профорг курса помог Степе зарегистрировать собственный банк. Оказалось, что многих ключевых людей он знает еще с тех времен, когда бизнес назывался комсомолом. По-настоящему сложным было только одно — придумать банку название.

Над этим вопросом он ломал голову долго. Скомканные листы бумаги, исписанные отвергнутыми вариантами («Воробьевы горы», «Волшебник Гудвин», «Великий Гермес»), заполнили сначала корзину для мусора, а потом все углы рабочего кабинета. Сотрудникам было запрещено соединять со звонящими, пока длятся муки творчества, и они уже начинали беспокоиться о состоянии шефа, когда решение нашлось.

Оно было парадоксальным. Степа вспомнил надпись на спинке кресла, увиденную в кинотеатре в день семнадцатилетия, — «САН-34». В слоге «САН» не было ничего общего с «34». С другой стороны, трудно было найти слово, до такой степени родственное главному числу Степиной судьбы. Но понять этого не смог бы даже самый проницательный недоброжелатель, и тайна оставалась тайной. Так родился «Санбанк».

Под название подобралось и поле деятельности. Естественным образом им оказались проекты, связанные с санитарией и городской канализацией. Над Степой посмеивались друзья и знакомые из банков, названия которых напоминали об оазисах в знойных пустынях или тропических орхидеях, питающихся жуками и мухами. Но Степа не обижался — от романтических имен, которыми его однокурсники награждали свои детища, за версту тянуло статьей и пулей. Было ясно, что

долго они существовать не будут. А вот «Санбанк» был чем-то настолько унылым и никому не нужным — а значит, никому и не мешающим, — что это название («несколько пованивающее имя», как выразился один эстетствующий таблоид) оказалось отличным камуфляжем. Многие сразу оценили, насколько спокойнее проводить серьезные операции через контору, которая ассоциируется с санитарным делом, чем иметь дело с каким-нибудь «Гламур-банком» или «Бони-банком». Меньше гламура, зато меньше головной бони.

Его бизнес рос и расцветал, словно гадкий утенок из сказки Андерсена, который незаметно превращался в лебедя. Этому помогла элементарная имиджевая операция — незадолго до кризиса девяносто восьмого года Степа перевел имя банка на английский как «Sun Bank». Когда эти слова засверкали рядом с русским названием на всех документах, стало казаться, что банк с самого начала имел отношение не столько к отечественной санитарии, сколько к англоязычному солнцу свободного мира, и «Санбанк» — просто русская транскрипция его настоящего имени. Не имея на это никаких прав, Степино детище стало восприниматься как ответвление сразу всех западных корпораций, в название которых входит слово «Sun». Степа сознательно сыграл на этом, содрал эмблему банка с логотипа «Sun Microsystems». Получилось похоже, только на месте стилизованных букв «s», «u» и «n» стояли цифры «3» и «4», настолько измененные художником, что непосвященный наблюдатель видел в них геометрический узор. Тех, кто помнил, с чего начиналось Сте-

пино дело, оставалось вокруг все меньше и меньше — да Степа и не особо за них держался.

Бизнес он вел так же, как во время торговли компьютерами. Разница была в том, что вместо коробок с надписью «fragile»¹ теперь отгружались и загружались огромные суммы денег, и происходило это не в области видимых и осязаемых предметов, а в смутном измерении электромагнитных зарядов и электрических цепей, про которое Степа мало что понимал.

Всеми его решениями управляли два числа — «34» и «43»; первое включало зеленый свет, а второе — красный. Несмотря на это, дела у него шли лучше, чем у большинства конкурентов. Другие объясняли это его парадоксальной интуицией; сам же Степа знал, что все дело в животворном влиянии тридцати четырех. Впрочем, иногда, особо темной и длинной зимней ночью, в нем просыпался рационалист, и он принимался соображать, как такое может быть — люди с целым штатом консультантов, референтов, аналитиков и астрологов принимают взвешенные решения и проигрывают, а он, случается, отвергает верный выигрыш только из-за того, что где-то рядом с ним мелькает «43», или, наоборот, кидается в омут, откуда ему подмигнуло «34», и *снимает банк* (не всегда, конечно, но чаще, чем те, кто руководствовался здравым смыслом). Постепенно в его голове забрезжил ответ.

Эпоха и жизнь были настолько абсурдны в своих глубинах, а экономика и бизнес до такой степени зависели от черт знает чего, что любой человек, принимавший решения на основе трезвого

---

¹ Хрупкий груз (*англ.*).

анализа, делался похож на дурня, пытающегося кататься на коньках во время пятибального штурма. Мало того, что у несчастного не оказывалось под ногами ожидаемой опоры, сами инструменты, с помощью которых он собирался перегнать остальных, становились гирями, тянувшими его ко дну. Вместе с тем повсюду были развешены правила катания на льду, играла оптимистическая музыка, и детей в школах готовили к жизни, обучая делать прыжки с тройным оборотом.

Степа же следовал закону, о котором мир не имел никакого понятия. От броуновских частиц, которые метались в поисках наикратчайшего пути и в результате проводили свой век, вращаясь в бессмысленных водоворотах, он отличался тем, что траектория его жизни не зависела от калькуляций ума. Он был как разумный человек среди диких зверей, которых гнал куда-то инстинкт. При этом дикими зверями остальных делало как раз стремление поступать как можно обдуманней, а его в разумного человека превращало то, что вместо путаных указаний рассудка он раз за разом подчинялся одному и тому же иррациональному правилу, о котором не знал никто вокруг. Это была самая настоящая магия, и она была сильнее всех построений интеллекта.

Степе исполнилось тридцать четыре года в разгар ельцинской эпохи. Степа понимал, что это центральный год его жизни — он был молод, по-

лон сил, банк крутил такие деньги, что иногда становилось страшно оставаться одному в темноте, но главным было не это. Он и число «34» на триста шестьдесят дней слились в одно целое. Степа чувствовал, что стал сакральным существом, чем-то вроде римской весталки или понтифика, и невидимое присутствие божества будет осенять каждый его шаг весь срок. Надо было использовать это время с умом, и Степа старался.

Дела шли хорошо. Он заработал много денег и спрятал часть за границей — не потому, что чего-то боялся, а потому, что так делали все. Но ему жалко было тратить этот необычный год только на материальные приобретения. Древние авгуры предсказывали будущее, наблюдая за полетом птиц с возвышенных мест. Так же и он хотел увидеть все главное про свою жизнь с вершины, на которой оказался. Степа чувствовал, что надо обратиться к какому-нибудь духовному авторитету, посреднику между хаосом жизни и вечным порядком небес. Но к кому?

Отношение Степы к религии определили впечатавшиеся в память буквы «ХЗ», которые он ребенком увидел в церкви во время Пасхи (на церковной стене должно было гореть «ХВ», но одна стойка ламп не работала). Дело, однако, было не в сходстве этого сокращения с эмблемой воинствующего агностицизма. Все было куда серьезней. Число «43» проступало сквозь четыре конца буквы «Х» и тройку «З» (а если даже и воскрес, «В» все равно было третьей буквой алфавита).

С такими рекомендациями библейский бог не имел в Степиной душе никаких шансов. После

юношеского чтения Библии у него сложился образ мстительного и жестокого самодура, которому милее всего запах горелого мяса, и недоверие естественным образом распространилось на всех, кто заявлял о своем родстве с этим местечковым гоблином. К официальной церкви Степа относился не лучше, полагая, что единственный способ, которым она приближает человека ко Всевышнему, — это торговля сигаретами.

Но это не значило, что он был вульгарным атеистом, признающим только силу денег. Он понимал, что число «34» — приоткрытая дверь, сквозь которую он общается с той же силой, которая доступна другим людям через бесконечное многообразие форм, в том числе и тех, которые пугали его своим кажущимся уродством. Но на рынке религий не было продукта, который мог бы утолить его тоску по чудесному лучше, чем общение с числами.

Во всем, что выходило за пределы его тайного завета, Степа, как и большинство обеспеченных россиян, был шаманистом-эклектиком: верил в целительную силу визитов к Саи-Бабе, собирал тибетские амулеты и африканские обереги и пользовался услугами бурятских экстрасенсов. Поэтому, когда он ощутил потребность в духовном напутствии, он отправился к болгарской прорицательнице Бинге, которая считалась в то лето в Москве хитом сезона. Говорили, что Бинга видит чужое будущее так же ясно, как обычный человек свое прошлое.

Бинга оказалась полной женщиной, одетой в ворох пестрых тряпок. В комнате, где она принимала

ла посетителей, пахло травами, пучки которых сушились на нитке под потолком. По углам стояли обломок античной колонны, почерневшая прялка, ламповый приемник «Siemens» и древняя закопченная лавка. На стене висела книжная полка с подшивками журнала «National Geographic», портрет Елены Блаватской и плакат художника Мухи, изображавший загадочную красавицу в стиле модерн на фоне раскрывшего крылья орла.

Степу разочаровало увиденное. Этнографические экспонаты отдавали какой-то дешевой декорацией. Бинга брала за свои услуги столько денег, что было понятно — ей не надо ни прясть, ни сушить травку на нитке. Ее дом окружала целая бизнес-деревня с офисом, несколькими кафетериями, гостиницей и даже магазинчиком сувениров. Но в этом, возможно, и была проблема: на Бингу мог работать персональный дизайнер, который и натаскал в комнату уродливую рухлядь.

Эти мысли пронеслись у него в голове за одну секунду, а в следующую Бинга улыбнулась, показала на стул напротив своего кресла и сказала на чистейшем русском:

— Верно, милый. Все зло на свете от них.

Степа сел.

— Вы говорите по-русски? — спросил он.

— А то, — сказала Бинга и взяла в руки картонный калейдоскоп дешевого вида. — Я кончала Харьковский педагогический. Правда, давно. Подзреваю, что с тех пор педагогическая наука ушла далеко вперед.

Степа помнил, сколько стоит каждое слово, и не стал задавать вежливых вопросов про Харь-

ковский педагогический. Бинга подняла калейдоскоп и уставилась сквозь него на Степу, словно это была подзорная труба. Поворачивая его под разными углами, она наклонилась вперед, словно увидела что-то интересное. Постучав толстым пальцем по стенке картонного цилиндра, она наморщилась, а потом захохотала — так громко, что входная дверь открылась, и в комнату заглянул испуганный секретарь. Степа ничего не сказал — перед сеансом его проинструктировали не задавать никаких вопросов, пока Бинга *смотрит*.

Отсмеявшись, Бинга минуты три-четыре молча глядела в калейдоскоп, иногда чуть встряхивая и поворачивая его.

— Фу! — сказала она не то с осуждением, не то с недоверием. — Фу!

Степа покраснел, но промолчал. Бинга отложила картонную трубку в сторону.

— У тебя в жизни есть два главных числа, — сказала она. — Лунное и солнечное.

Степа ничего не ответил, только плотнее прижался к спинке стула.

— Тебе солнечное число лет, — сказала Бинга, — поэтому ты думаешь, что это особенный год в твоей жизни. Но это на самом деле будет довольно обычный год. Ничего не случится. И следующие годы твоей жизни будут спокойными и счастливыми, примерно как этот. Но вот когда приблизится твой лунный год, вот тогда...

— Что? — дернувшись, спросил Степа. — Будет что-то страшное?

— Один день, — сказала Бинга. — Какой-то один день. Но это будет такой день, что из-за него

изменится вся твоя жизнь. Я не все разбираю — может быть, ты победишь. Может быть, наоборот, погибнешь. Может быть, и то и другое. Все будет зависеть от того, сумеешь ли ты помочь своему числу стать сильнее.

— А как я могу помочь своему числу стать сильнее? — спросил Степа.

— Я не знаю, — ответила Бинга. — Это же твое число, а не мое. Многие из того, что я вижу, от меня скрыто.

— Это как? — спросил Степа. — Как можно видеть то, что от тебя скрыто?

— Я вижу цветные мозаики, которые превращаются в рассказ о чужой судьбе, — ответила Бинга. — Но это просто картины, которые становятся словами. Я могу повторить эти слова, но не всегда сама понимаю их смысл.

— Может быть, их пойму я? — спросил Степа. — Что там такое?

— Я вижу твое будущее в трех цветах. Но все три цвета говорят разное. Когда я смотрю на синие стекла, я вижу библейскую историю. Ты возьмешь в руку копьё судьбы, постигнешь число зверя, вступишь с этим зверем в бой и пронзишь его. Но зверь тоже попытается нанести тебе удар. Кто победит, я не вижу — словно вы оба срыгаетесь в бездну и исчезаете...

Степа вспомнил, что картинка на экране телевизора складывается из трех цветов — синего, зеленого и красного. Наверно, ясновидение Бинги было основано на похожем принципе.

— А что говорит зеленый? — спросил он.

— Зеленый говорит куда яснее, — ответила Бинга. — Зеленый говорит, что у тебя есть лун-

ный брат, которого ты встретишь, и этот лунный брат и есть зверь.

— Лунный брат? — спросил Степа, замороженный странной красотой этого сочетания.

— Ты — человек солнечного числа. Твой лунный брат — человек лунного числа.

— Значит, лунное число и есть число зверя?

— Не знаю, — сказала Бинга. — Странно. Синий говорит, что это так. А зеленый говорит, что это библейское число зверя, 666, которое у твоего лунного брата на руке. Во всяком случае, две цифры из трех я вижу ясно.

— А что говорит красный цвет?

— То, что говорит красный цвет, настолько неприлично, что я не могу рассказать про это вслух, не оскорбив помогающих мне ангелов. Но это не только неприлично, это еще и смешно.

— А можно хотя бы как-нибудь иносказательно?

— Можно, — сказала Бинга, надула щеки, сделала круглые глаза и с пронзительным звуком выпустила воздух из щелочки между сжатых губ.

Открылась дверь, и в комнату опять заглянул секретарь. Убедившись, что все живы, он жестом показал Степе, что ему пора.

— Последний вопрос, — сказал Степа, вставая, — могу я верить своему числу?

— Да, — сказала Бинга. — Но тебе надо не только верить, а еще и служить ему. Тебе надо ухаживать за ним, словно это роза, которая растет в пустыне. Особенно важно это станет, когда приблизится лунный год. Если в это тяжелое время ты сумеешь сделать так, что солнечное число

станет сильнее лунного, ты победишь. Но ты обязательно должен успеть до своего дня рождения.

Степа пошел к двери.

— И еще, — окликнула его Бинга. — Солнечное число может быть любимым. И лунное тоже. Дело не в числах, а совсем в другом.

— В чем? — спросил Степа.

Бинга пожала плечами.

— Если ты сам не видишь прямо сейчас, — сказала она, — кто и когда тебе объяснит?

34

Через несколько лет после Степиного визита к Бинге в стране начался процесс, который западные социологи называют парадигматическим сдвигом. Как и все эпохальные перемены, он проходил незаметно, словно бы в каком-то другом измерении, и люди узнали о нем постепенно, по множеству мелких черт, каждая из которых сама по себе могла ничего не значить.

Первым человеком, который внятно сформулировал для Степы то, что уже давно витало в воздухе, стала Мюс, филолог из Лондона, которая кормилась на его англофилии, подрабатывая в банке референтом-переводчиком.

Мюс была очаровательной молодой женщиной, до изумления похожей на кошечку. У нее были большие, как у страха, глаза и удивительная прическа, которая состояла из короткой стрижки и шести «антенн» — пучков волос, слепленных сильнейшим гелем в длинные параллельные иглы,

парами торчавшие из ее головы вверх и в обе стороны (она даже вплетала в эти стрелки проволоку — они были слишком тонкими и длинными для одного геля). Эти покачивающиеся антенны так напоминали Степе кошачьи усы, что ему все время казалось — Мюс вот-вот мяукнет.

Кроме работы в банке, она стажировалась при университете, проедая остатки гранта, выделенного какой-то аналитической структурой на изучение современного городского фольклора (как говорила сама Мюс, такие проекты оплачивали исключительно для того, чтобы не сокращалось бюджетное финансирование разведдеятельности по России).

Мюс великолепно знала русский язык, который достался ей по наследству от эмигрантки-бабушки, но русской себя не считала. То, как она разбиралась в своей теме, наполняло Степу глубоким уважением к ее интеллекту и филологическим способностям. Он сумел помочь ей с городским фольклором только раз, сообщив чеченскую поговорку «В один пуля нет вони», которую часто слышал от Исы с Мусой. Мюс записала ее на специальную серо-коричневую перфорированную карточку, но сказала, что это, вероятнее всего, версия пословицы «Один в поле не воин», которую чеченская народная душа заимствовала у русской в те времена, когда они были мирными соседями по нарам. Словом, Мюс была умницей и настоящим профессионалом. Поэтому Степа не комплексовал, когда она объясняла ему вещи, которые, по идее, должен был объяснять ей он.

Однажды за обедом в «Гараже» (они сидели в прозрачном выступе на улице, откуда откры-

вался вид на казино «Шангри-Ла» и редакцию «Известий») Мюс коснулась его самого большого нерва.

— Все существенные социальные перемены, — сказала она, — очень быстро отражаются в фольклоре. То, что происходит сейчас в России, затрагивает один глубинный, можно сказать, архетипический пласт. Я не очень сложно выражаюсь?

— Ничего, разберусь, — отвечал Степа, подхватывая вилкой колобок риса с полоской сырой туны (он ел суши только вилкой).

— Эта тема, — продолжала Мюс, — столкновение двух исконных начал русской души. Одно из них — доброе, лоховатое, глуповатое, даже придурковатое, словом, юродивое. Другое начало — наоборот, могучее, яростное и безжалостно-непобедимое. Сливаясь в символическом браке, они взаимно оплодотворяют друг друга и придают русской душе ее неиссякаемую силу и глубину.

Степа промокнул салфеткой губы и покосился на аккуратную грудку собеседницы.

— Допустим, — сказал он. — А при чем тут перемены?

— Вот тут и начинается самое интересное, — ответила Мюс. — Лоховатое начало в русском городском фольклоре много лет было представлено разваливающимся «Запорожцем». А непобедимое начало — бандитским «Мерседесом-600», в зад которому «Запорожец» врезался на перекрестке, после чего и начинался новорусский дискурс. В чем символическое значение перекрестка, объяснять не надо — это и крест господень, и распутье, и роза ветров... Есть много причин, по кото-

рым народная душа вступает в брак с собою именно на перекрестке. Это надо раздвинуть?

Иногда Мюс все же употребляла кальки с английского.

— Нет, не надо, — сказал Степа.

Про символический брак он слушать не хотел — слова «бандит», «зад» и «дискурс» в одном предложении не особо радовали. Дело было в том, что попытки Мюс объяснить ему смысл слова «дискурс» не увенчались успехом, и единственная ассоциация, которая у него каждый раз возникала, была с болгарским словом «кур», аналогом великого русского трехбуквенника, отчего «дискурс» казался чем-то вроде дисконтного пениса из Болгарии. Из-за этого смысл фразы делался грозно-многозначительным.

— Важно здесь то, что сегодня этот символический брак происходит в новой форме. Социологи еще ничего не поняли, а фольклор уже отразил случившуюся перемену. Она видна в анекдоте про шестисотый «Мерседес» и черную «Волгу». Как следует из его анализа, оба исконных начала — лоховатое и непобедимо-могучее — получили в народной ментальности новые репрезентации. Эта революция в сознании и есть парадигматический сдвиг. Я понятно говорю?

— Нормально, — сказал Степа. — А что за анекдот такой?

— Ну как же, — ответила Мюс. — Шестисотый «Мерседес» врежется на перекрестке в зад черной «Волге» с тонированными стеклами. Бандит выскакивает из «Мерседеса», начинает прикладом крушить стекла в «Волге» и видит в ней пол-

ковника ФСБ. «Товарищ полковник, я все стучу, стучу, а вы не открываете... Куда деньги заносить?»

Степа не засмеялся, а наоборот, сразу пригрозился. Мюс добавила:

— И чем этот анекдот особенно интересен, это тем, что других после него уже не предвидится. Он, так сказать, один на всех, как победа.

— Какой же это анекдот, — вздохнул Степа. — Это жизнь...

Он и сам всей кожей чувствовал ветер перемен, хоть и не мог найти для его описания таких замечательных слов, какие были у Мюс.

Жизнь менялась. Бандиты исчезали из бизнеса, как крысы, которые куда-то уходят перед надвигающимся стихийным бедствием. По инерции они все еще разруливали по дорогам на вульгарно дорогих машинах и нюхали героин в своих барочных дворцах, но все чаще на важную «стрелку» с обеих сторон приезжали люди с погонами, которые как бы в шутку отдавали друг другу честь при встрече — отчего делалось неясно, можно ли вообще называть такое мероприятие «стрелкой». Степу эти веяния пока что не затрагивали. И вдруг ясным апрельским утром к нему прямо в офис завалилась «крыша» — страшные братья Иса и Муса.

Степа сразу понял — что-то не так. Иса и Муса пришли без звонка, и вид у них был тревожный. Оба были небриты, и если это шло молодому волку Мусе, то плейбой Иса не выигрывал от седой щетины на подбородке совершенно. Она делала его похожим на пожилого пастуха, который

нашел клубный пиджак среди обломков разбившегося в горах самолета. Кроме того, от братьев пахло потом — похоже, они не мылись уже несколько дней.

— Пойдешь с нами, Степа, — сказал Иса.

В его голосе звучал такой спокойный фатализм по отношению к чужой судьбе, что Степа только в машине понял, что мог бы, наверно, и отказаться. Или не мог? Гадать об этом было поздно — братья посадили его на переднее сиденье, сами сели на заднее и велели шоферу ехать в центр. Всю дорогу они тихо о чем-то спорили, продолжая начатый раньше разговор. Степа изо всех сил вслушивался в беседу, пытаясь догадаться, что его ждет и какие у братьев планы. Но об этом не было сказано ни слова. Он мало что понимал по словам, которые долетали до него сквозь шум движения. Иса говорил:

— Не позорь наш род, брат. Ты чечен, какой дзогчен? Нюхай их кокаин, порти их женщин, вали их мужчин. Но не ищи ничего в их душах, им туда шайтан насрал. Чего тебе в исламе не хватает?

— Говорят, — ответил Муса, — в конце этого пути можно стать радугой. А в конце твоего пути, Иса, становишься просто трупом. Ни один суфий не научит тебя стать радугой.

— Ай, радуга! — воскликнул Иса. — Я все про это знаю. Почему ты думаешь, что твой брат такой дурак? Чтобы стать радугой, надо всю жизнь сидеть в вонючей пещере. И то неизвестно, получится у тебя или нет — никто не видел ни одного человека, у которого это получилось, все видели только радугу. Ты говоришь, в исламе нет радуж-

ного тела. Это так, да. Я тебе больше скажу. В исламе нет астрального тела, нет ментального тела, нет эфирного, нет кефирного, профсоюзного и так далее. Всего этого нет. Но зато у нас есть шрапнельно-осколочное тело, которого нет ни у буддистов, ни у христиан, ни у кого. И его, брат, можно достичь всегда, даже с похмелья или на самом страшном кумаре. По милости Аллаха его можно обрести за пять минут, нужно только четыре кило хорошего пластита и три кило стальных шариков. И детонатор, понятное дело. И не надо сидеть всю жизнь в вонючей пещере, бормоча какие-то заклинания. Быстро! Красиво! А природа у этих тел все равно одна и та же!

— Это почему? — спросил Муса.

— Да потому, что другой вообще не бывает.

— Не понимаю.

— Если ты этого не понимаешь, брат, как же ты тогда собираешься стать радугой?

Иса довольно засмеялся. Муса погрузился в глубокую думу. Иса время от времени говорил шоферу, куда поворачивать, и вскоре машина выехала на Тверскую.

— Куда едем-то? — задал Степа мучивший его вопрос.

— На «стрелку», куда ж еще, — ответил Иса.

— А с кем?

— Да с одним фраером из ФСБ. Говорит, у него сразу к нам троим дело.

— А мне обязательно присутствовать? — осторожно спросил Степа. — Я же в этих делах не того... Может, вы между собой вопрос решите?

Иса пожал плечами.

— Я-то не против. Но этот, из ФСБ, настаивал. Говорил, документ какой-то подписать надо. Все уже подписали, только мы остались.

— А кто это такой? — спросил Степа.

— Какой-то капитан Лебедин.

— Я такого не знаю.

— Я тоже, — ответил Иса. — Зато он нас знает. Вот и познакомимся, время такое, что лучше дружить. Тормозни-ка у перехода, дальше пешком дойдем. Тут близко.

Последние слова были адресованы шоферу. Машина остановилась.

Степа поглядел в окно. Они находились на Тверской возле площади Белорусского вокзала. На улице была весна. Яркое синело свежевымытое небо, и даже асфальт лучился какой-то непонятной пыльной радостью. Но Степе совсем не хотелось вылезать из машины навстречу этому великолепию. Больше того, если бы в полу машины был люк, а под этим люком другой, канализационный, то Степа горлумом перелез бы из солнечного апрельского дня в темное подземное зловоние. И вовсе не из верности идеалам «Санбанка». Ему было страшно.

Сзади хлопнула дверь.

— Выходи, приехали, — позвал с улицы Иса.

Когда они спустились в подземный переход, Иса весело объяснил, что выходить из машины перед «стрелкой» следует не меньше чем за сто метров от места встречи и приближаться к нему надо рассредоточившись — «чтобы не поставили на фугас», как он выразился. После этих слов Степа несколько секунд боролся с позорным же-

ланием отойти в сторону, снять штаны и присесть прямо между лотков с криминальными романами. Он никогда раньше не ездил на «стрелку», и у него было дурное предчувствие. Но братья, казалось, совсем не были озабочены происходящим — Муса думал о чем-то своем, а Иса насвистывал, зорко поглядывая по сторонам.

— Куда идем? — поинтересовался Степа, когда они поднялись на поверхность с другой стороны Тверской.

— Уже пришли почти. Тут рядом, ресторан «Якитория».

Степа помнил из статьи в каком-то журнале, что слово «Якитория» значит по-японски что-то вроде «шашлычная».

«Вот и пустят на шашлыки, — подумал он. — Прямо сейчас».

43

Степа никогда не бывал в этом ресторане. Маленький зал с открытой кухней в центре напоминал формой букву «П». Кухню отделяла от остального помещения невысокая стенка-аквариум. За ней стояли два повара — пепельно-бледный кореец со шрамом на лбу, который резал рыбу и ловко лепил рисовые колобки, и его помощник, блондин в темных очках, который рубил водоросли большим ножом-сечкой. Зал оказался пуст, только в одном углу закусывала компания спортсменов блатного вида. Их было пять человек, и один сидел за торцом стола, занимая большим телом в тренировочном костюме весь проход.

Покосившись на них, Иса прошел в противоположный конец зала и сел у стойки, лицом к кухне. Муса вместе со Степой молча сели по бокам от него. Степа догадался, что Иса выбрал позицию таким образом, чтобы аквариум с золотыми рыбками закрывал их от спортивной компании. Кроме того, он предположил, что Иса сел за узкую и неудобную стойку потому, что из-за нее легче будет выскочить в случае опасности. Степа чувствовал себя суровым и опытным воином, только чуть тряслись руки.

Иса сделал заказ — три больших набора суши и sake. Sake принесли сразу, и все трое чокнулись.

— А как он хоть выглядит, этот Лебедкин? — прошептал Степа.

— Не знаю, — сказал Иса.

— За тем столом его, случайно, нет?

— Послушай, ну как я могу знать, есть он за тем столом или нет, если я его никогда не видел? Сам нас найдет.

Степа понял, что проявляет излишнюю суетливость, и погрузился в молчание. Братья тоже молчали — Муса все так же напряженно думал, а Иса с легкой улыбкой перебирал янтарные четки.

Прямо перед Степиным лицом была прозрачная стенка аквариума, над которым маячили головы поваров. Пепельный кореец работал, не отрывая глаз от стола. Блондин-подмастерье приветливо улыбнулся Степе.

«Знал бы ты, дурень, зачем мы здесь сидим, — подумал Степа, — в штаны б насрал».

В желтоватой воде перед Степиными глазами висела большая золотая рыбка с раздвоенным хво-

стом — покачивая плавниками, она загадочно глядела на Степу круглым глазом-кнопкой. Сквозь аквариум была видна разделочная доска, на которой руки повара нарезали одинаковые ломтики лосося. Степа подумал, что в самый раз было бы попросить о чем-нибудь золотую рыбку.

«Рыбка, рыбка, — неслышно прошептал он, — сделай так, чтобы я ушел отсюда живой и здоровый... Эх, любые деньги отдал бы».

Рыбка махнула хвостом и отвернулась.

«Ну и жизнь у нее, — подумал Степа. — С одной стороны доска, где таких, как ты, разделявают. С другой стороны стойка, где таких, как ты, едят. Куда ни погляди, или то, или это. У рыб память — три минуты. Но даже это, наверно, не спасает, потому что с одной стороны все время режут, а с другой все время едят. Все как у людей. Плавает посередине, мечет свою икорку и надеется, что дети будут жить лучше... А я еще о чем-то ее прошу».

— Эй, на кухне, поживее можно? — позвал один из спортсменов. — Уже сорок минут салат ждем.

Блондин кивнул, чуть сгорбился и принялся резать свои водоросли быстрее.

— Иними очки, дятел, а то не ту морковку нам нарежешь, — сказал другой спортсмен.

Остальные засмеялись. Ассистент повара действительно стучал своей сечкой по доске часто, как дятел, так что сравнение вышло точным.

Иса поглядел на часы.

— Опаздывает, — сказал он. — Занятый, наверно, очень.

Муса тоже поглядел на часы.

— Ты про кого, — спросил он, — про поваров? Или про того, кого мы ждем?

— Как тебе хочется, — ответил Иса. — Можно про того, кого мы ждем. А можно про поваров.

Эти слова, видимо, сдвинули думу Мусы с мертвой точки.

— Слушай, брат, — сказал он, — а что это за природа?

— Ты о чем? — спросил Иса.

— Ну ты в машине говорил, что у шрапнельно-осколочного тела такая же природа, как у радужного. А что это за природа?

— Тебе про это лучше не спрашивать, брат, — нахмурился Иса.

— Почему?

— Ты к этому еще не готов.

— Как не готов?

— А так. Был бы готов, не спрашивал бы.

— Так ты можешь ответить или нет?

— Могу. Но если ты увидишь эту природу, ты потом не захочешь смотреть ни на что другое.

— И хорошо. Объясни.

— Лучше не торопись, брат.

— Нет, Иса, не увиливай. Говори. Я хочу знать.

— Я последний раз тебя как брат прошу, — сказал Иса, — перестань.

— Та-а, — махнул рукой Муса. — Голову мне дуришь. Ты сам не знаешь.

— Я не знаю? — вскипел Иса и ударил кулаком по стойке так, что графинчик sake опрокинулся. — Я знаю!

— Тогда объясни. Я как мужчина и воин за свой базар отвечаю!

И Муса тоже ударил кулаком по стойке.

Глаза Исы превратились в две узких щелочки.

— Ну что же, — сказал он. — Ты сам попросил. Смотри теперь внимательно! Не пропусти!

Он поднялся на ноги и сдвинул в сторону два ближайших столика, опрокинув при этом несколько стульев. Встав в центре образовавшейся пустоты, он сложил руки в районе паха и легко закружился на месте, поднимая их вдоль туловища. Степа не успел налюбоваться на этот странный танец — Иса сделал всего несколько поворотов.

Когда его руки оказались на уровне груди, у Степы над головой грохнул удар такой ошеломляющей силы, что он сразу же перестал бояться чего бы то ни было.

Второй выстрел, раздавшийся следом, показался оглохшему Степе негромким — словно где-то рядом с ухом разорвали кусок ткани. Иса больше не кружился, а сползал вниз по стене, оставляя за собой широкий кровавый след.

Третий и четвертый выстрелы Степа не столько услышал, сколько ощутил и увидел — ему на ноги хлынул холодный водопад из выбитой секции аквариума, а Муса, который поднимался с соседнего стула, пытаясь вытащить руку из кармана, оказался лежащим у стены рядом с Исой в уютной позе эмбриона.

Вокруг братьев стала растекаться по полу общая темная лужа. Возле разжавшегося кулака Мусы в ней плавал маленький пластиковый кружок, в котором Степа опознал тысячедолларовую фишку из казино.

Стало тихо. Степа услышал, как на пол льется вода. Он поднял глаза. Там, где только что плавала золотая рыбка, теперь была прямоугольная пробоина — выстрелами выбило всю метровую секцию аквариума. За ней стоял ассистент повара в темных очках, сжимая в руках помповое ружье необычайно большого калибра. Самого повара видно не было — наверно, упал на пол.

За столиком, где сидели спортсмены, кто-то охнул.

— Всем сидеть! — крикнул ассистент и махнул стволом. — Спокойно! Джедай-бизнес!

Степа смотрел «Звездные войны» и догадался, что страшного больше не будет. А в следующий момент он почувствовал, что у него на коленях что-то трепыхается. В ложбинке между его мокрых ног, рядом с прядью водорослей и куском пластика, лежала золотая рыбка. Он протянул к ней руку.

— Руки на стойку! — заорал ассистент повара.

— Тут рыбка, — сказал Степа, поспешно выполняя приказ.

Почему-то эти слова произвели на ассистента впечатление. Он перегнулся через стойку и посмотрел Степе на ноги.

— Верно, рыбка, — сказал он. — Вот попала, а? Сейчас что-нибудь придумаем...

Он огляделся по сторонам, но, видимо, не увидел ничего подходящего. Тогда он положил ружье на разделочную доску, поднырнул под стойкой и подошел к столу, за которым сидела парализованная компания. Взяв лаковую ладью, в которой подавался парадный набор суши, он вывалил

ее содержимое на голову спортсмену, который пошутил насчет морковки. Тот покорно дернулся на месте, даже не закрывшись руками. Ассистент повара вернулся на кухню и налил в ладью воды из-под крана.

— Давай, — сказал он, ставя ладью на стойку перед Степой.

Степа со второй попытки подхватил рыбку в ладонь и пустил в ладью. Нервно вильнув хвостом, рыбка доплыла сначала до одного конца своей новой вселенной, потом до другого и замерла на месте. Ассистент поглядел вниз, туда, где до сих пор прятался повар-кореец.

— Слышь, любимый руководитель, — сказал он, — ты это, пусти ее потом в аквариум. А то я не пойму, как он у вас открывается...

Степа закрыл глаза.

Когда через минуту или две он немного пришел в себя и решился снова открыть их, в зале были новые посетители — трое в военной форме, еще двое в штатском. Растерянных спортсменов уже выгнали на улицу, даже не дав им забрать вещи — на окне осталась ярко-желтая теннисная сумка. Степа увидел, как ассистент повара поднимает руку с оттопыренным большим пальцем, затем медленно поворачивает палец вниз. Ему кивнул майор с петлицами войск связи, который, кажется, был у прибывших за главного. Другой офицер надел на руку прозрачный пластиковый пакет, присел на пол возле трупа Исы и откинул в стороны опаленные полы пиджака.

На черной от крови рубашке было что-то вроде упряжи, из которой торчали два вороненых

пистолета, похожих на «кольты», только больше размером. Степа понял, что это и есть знаменитые «стечкины», стреляющие очередями убивальники, из-за которых о братьях ходила такая мрачная слава.

— Те самые, отвечаю, — сказал пожилой мужчина в штатском. — Срочно на баллистическую.

Степа почувствовал, как кто-то трогает его за локоть. Рядом стоял стрелок в черных очках.

— Поговорим? — спросил он.

— Трудно отказаться, — ответил Степа, вставая.

Они устроились за столом у окна, там, где раньше сидели спортсмены. Степа сначала сложил пальцы в замок, но все равно было видно, что руки дрожат. Тогда он спрятал их под стол.

— Тебя я знаю, Степан Аркадьевич. Уже давно, — сказал блондин. — А я — скромный джедай Леонид Лебедкин. Можно просто Леон. Четвертое главное управление ФСБ по борьбе с финансовым терроризмом.

«Четвертое, — быстро подумал Степа, — это скорее ближе к „тридцать четвертое“, чем к „сорок третье“. Потому что одно слово целиком совпадает. Но с другой стороны, начинается-то с четырех! Неясно...»

— Как так может быть, — спросил он, — четвертое главное? Что их, четыре главных?

Лебедкин засмеялся.

У него была удивительная манера смеяться, которая сразу запоминалась навсегда. Сначала смех звучал искренне и заразительно, а улыбка делала курносое лицо капитана таким симпатичным, что

вспоминались романтические летчики из первых советских фильмов. Но на последних двух или трех тактах, когда смех затихал, в нем прорезалось что-то пронзительное, звонко-взвизгивающее и дребезжаще-злое — словно долетало эхо какого-то похожего по тембру, но не имеющего отношения к веселью звука. Этот звук был жуток, хотя Степа не мог сказать точно, что это такое — то ли стон, то ли вой лагерной суки, то ли визг тормозов. К тому же лицо смеющегося Лебедкина запрокидывалось вверх, и из-под темных стекол вдруг обжигали холодом два бледно-голубых внимательных глаза...

— Я объясню, — сказал он. — Вот смотри, с одной стороны, оно как бы четвертое. А с другой — для них, — он кивнул в сторону трупов, — оказалось самое главное, какое только бывает. Понял, нет?

Аргумент был простой и хрустально-ясный, Степа оценил его сразу.

— Понял, да, — сказал он. — Так это вы нам эту «стрелку»...

— Можно и на ты, — перебил Лебедкин. — Чего мы с тобой, старперы, что ли?

— Так это ты нам эту стрелку назначил?

— Я назначил. Только не тебе, а им.

— А они сказали, что вы... То есть ты... Что ты всем троим велел прийти.

— Ты больше абреков слушай, — сказал Лебедкин. — Запомни, все чеченские «крыши» берут своих коммерсантов на «стрелки» в качестве живого щита. А пятьдесят процентов московских коммерсантов, которые побывали под «крышей»

у чеченов, вообще кастрированы. Такой у них обычай. Ты про это знаешь?

Степа отрицательно помотал головой.

— И неудивительно. Кто ж в таком признается. Так что я тебе сегодня, можешь считать, жизнь спас, и не только жизнь, а еще кое-что на бонус, понял, нет? А то, что они тебе говорили... Разводить они умеют, не ссы.

— Обязательно надо было их убивать? — спросил Степа.

— Ты, я вижу, так ничего не понял. Ты хоть знаешь, кто был этот Иса?

— Кто?

Лебедкин наклонился к Степе, и тот снова увидел его холодные голубые глаза, в этот раз над стеклами.

— Вращающийся дервиш смерти.

— А что это?

— Есть такой орден вращающихся дервишей, с центром в турецком городе Конья. Они типа вращаются на месте и входят в особый мистический транс. В общем, мирные люди. Но не все. Несколько человек из ордена перебежали к Усаме бен Ладену и основали новую школу огнестрельного боя. Знаешь, есть стрельба по-македонски?

Степа кивнул.

— А это называется стрельба по-кандагарски. Такой дервиш, короче, начинает крутиться, входит в транс, вынимает стволы, руки в стороны... А дальше все как в страшном сне. Хорошо, если у него, к примеру, два «кольта» или там «глока». Это еще уйти можно, если повезет. А если два «узи» или «аграна», в радиусе сто метров хана всему, что шевелится и думает. Понял, нет?

Лебедкин взъерошил ладонью волосы.

— Этот, — сказал он, кивая в угол, где лежал Иса, — у них вообще был что-то вроде сенсея. Про него легенды ходили. Пел стихи Джалалиддина Руми и хуячил из двух стволов не глядя, как швейная машина. Ни одна пуля зря не уходила. Страшный человек. Да что я тебе говорю. От него сам Саша Македонский как заяц бегал, когда Даниловский рынок делили. Правда, Михалыч?

Майор связи, который прислушивался к разговору, утвердительно кивнул.

— Так он что, — спросил Степа, — стрелять собирался?

— А ты думал. Он уже руки к груди поднял, еще секунда, и здесь все в дырах было бы.

Майор сел рядом с Лебедкиным и положил на стол черную папку с маленьким латунным замком. Степа посмотрел в его равнодушное, как у каменной бабы, лицо и вздохнул.

— Неужели нельзя было... Ну, договориться?

— Договориться? Хе-хе-хе-хе... Михалыч, он нам не верит. Покажи ему.

Майор открыл папку и вынул из нее лист бумаги с картинкой, похожей на фотографию луны в телескоп.

— Что это?

— Спутниковая съемка. Тренировочный лагерь суфийского диверсионно-штурмового батальона вращающихся смертников под Кандагаром. Вот в этом кружке — видишь, пипочка в центре? — палатка Исы и Мусы Джулаевых. Снимок сделан в момент, когда Иса говорит по спутниковому телефону с передвижным заводом по производству рицина в Панкисском ущелье. Понял, нет?

— Понял.

— Видишь в углу снимка цифры? Четырнадцать тридцать пять, шестое августа. Это чтоб сомнений не было. У нас и разговор записан, будь уверен.

— Круто, — сказал Степа.

— И ты таким людям платишь, Степан Аркадьевич. Как же так?

Степа виновато развел руками.

— Я не знал, — сказал он. — Откуда мне было знать, что они эти... вращающиеся финансовые террористы.

Лебедкин опять засмеялся, и Степе снова стало не по себе.

— Нет, Степан Аркадьевич, — сказал Лебедкин. — Финансовые террористы не они. Финансовый террорист у нас ты.

— Это как?

— А так. Подумай.

Степа начал думать. Ясность в уме наступила довольно быстро.

— Ага, — сказал он. — Ага... Кажется, понимаю. Я ведь правильно понял?

— Правильно, — кивнул Лебедкин.

— И как теперь, если да?

Лебедкин поглядел на майора связи.

— Ну как на такого парня злиться. Правильно сказал русский классик, «быть можно дельным человеком, ни разу срока не мотав».

— Там не так, — сказал майор связи. — Там кончается «ни разу зону не топтав».

Возникла пауза. Степа заметил, что у него почти полностью восстановился слух. Он слышал доносящийся с улицы шум машин. Детский го-

лос прокричал «Дура! Не хочу!». Где-то далеко-далеко гудел самолет.

— Ну что, простим на первый раз? — спросил наконец Лебедкин.

Майор почесал голову.

— Простим, — сказал он. — Если перестанет терроризмом заниматься.

— Слышал, Степан Аркадьевич? — строго глянул на Степу Лебедкин. — Чтоб больше никакого терроризма у нас не было. Я не шучу.

— Понимаю, — скромно сказал Степа. — Постараюсь. Научите жить по-новому.

— Встречаться будем раз в месяц, — сказал Лебедкин. — Как говорил государь Александр Павлович, при мне все будет как при бабушке. А как при бабушке было, я видел в дырочку, хе-хе-хе-хе... Так что расслабься, Степан Аркадьевич, расслабься. *Business as usual*. Я, как тебя увидел, сразу понял, что ты к этим говнюкам никакого отношения не имеешь. Так что, если проблемы будут, с законом или наоборот, звони. Вот мой мобильный.

Лебедкин уронил на стол маленькую карточку.

— Вроде все у нас? — спросил он дружелюбно.

Степа кивнул.

Лебедкин взял папку, из которой перед этим вынырнула спутниковая фотография, и вынул из нее другой лист.

— Тогда подпиши, — сказал он, кладя его перед Степой. — Чтобы я в арбитраж мог пойти в случае чего, хе-хе-хе-хе...

Степа поглядел на стол. Перед ним лежал гербовый бланк с коротким печатным текстом:

Меморандум о намерениях

Я, Михайлов Степан Аркадьевич, все понял.

Подпись:

Степа хотел было спросить, каким образом у Лебедкина оказался с собой лист с его впечатанным именем, если он действительно не приглашал его на встречу. Но он не задал вопроса. Отчасти потому, что не хотел лишний раз услышать странный смех капитана. А отчасти потому, что такой поступок вошел бы в противоречие с духом меморандума о намерениях, показывая, что он чего-то до сих пор не понял. А ясно было все. Он вздохнул, поглядел на стойку, где так и стояла лаковая лодка (отчего-то показавшаяся похожей на чеченскую погребальную ладью), и вынул из кармана перьевой «Montblanc».

34

Бойня в «Якитории» наполнила Степину душу ужасом и омерзением, которые любой нормальный человек испытывает от близости насильственной смерти. Несмотря на это, он вынырнул из кровавой купели полный сил и оптимизма. Причина была простой: смена «крыши» произошла третьего апреля, то есть третьего числа четвертого месяца. Яснее число «34», наверно, не могло себя явить, разве что воплотиться в мессии с тремя ногами и четырьмя руками. Поэтому добравшийся наконец до него парадигматический сдвиг вызвал в Степе то же восторженное чувство, которое поэт Маяковский в свое время выразил в словах: «Сомнений не было — моя революция!»

Новое пришло к Степе с большим опозданием. Постоянная близость Исы и Мусы мешала поверить в реальность происходящих в стране перемен. Теперь, когда главную занозу вынули из мозга, горизонт показался безоблачно-чистым. Но сомнение все равно мелькнуло на дне души: Степа помнил, что за границей при написании даты сначала ставят месяц, а потом уже число, и тогда выходило, что жизнь по новым порядкам сулит ему самое настоящее «43». Но с этой мыслью жить было нельзя, и Степа не хотел даже начинать ее думать.

Ветер смерти, подувший совсем рядом, временно сделал его смелым человеком — он понял, что боялся не того, чего следовало, и, как часто бывает, до следующего сильного испуга перестал бояться чего бы то ни было вообще. Этим и объяснялся тот безрассудный привет, который он послал новой эпохе. У Мюс был знакомый рекламщик, которого она называла «циничным специалистом» и очень хвалила в профессиональном смысле. Степа проплатил рекламную плоскость на Рублевском шоссе, как раз в том месте, к которому выводила тропинка с его дачи. На этой плоскости поместили огромную эмблему ФСБ — щит и меч — и придуманный специалистом текст: «ЩИТ HAPPENS!»¹

Через несколько дней ему позвонил Лебедин.

— Слушай, — сказал он, — я тут по Рублевке проезжал. Где твоя наружка стоит... Насчет картинки все ништяк. Вот только текст какой-то...

---

¹ От английского «shit happens» — «проблемам свойственно возникать».

— А что такое? — спросил Степа.

— Ты закон о языке знаешь? Ну вот. Чтоб это английское слово убрал на хуй. Что у нас, русских мало? Подумай, Степа, подумай. Картинку не трогай, а надпись подлечи. Понял, нет?

Степа понял. Пришлось снова обратиться к циничному специалисту. Тот придумал новый слоган, которым заклеили старый: «Все БАБы суки!» Этот вариант Лебедкину понравился гораздо больше.

— Вот! — сказал он, позвонив прямо с Рублевки. — Чувствуется человек, небезразличный к судьбам страны и мира. Не зря я тебе жизнь спас, Степа...

Самое интересное, что Лебедкин говорил сущую правду. Он действительно спас Степину жизнь.

Бизнес шел совсем не так гладко, как в дни, когда Степе исполнилось солнечное число лет. Сложности, начавшиеся после кризиса, не уходили, а все накапливались, постепенно сгущаясь в непробиваемую стену напротив его лба. Это тоже в некотором роде было связано с парадигматическим сдвигом.

В финансовом пространстве России оседала муть, в которой раньше могли кормиться небольшие хищники вроде «Санбанка». Все становилось прозрачным и понятным. Серьезные денежные реки, попетляв по Среднерусской возвышенности, заворачивали к черным дырам, о которых не принято было говорить в хорошем обществе по причинам, о которых тоже не принято было говорить в хорошем обществе. Степин бизнес

в число этих черных дыр не попал по причинам, о которых в хорошем обществе говорить было не принято, так что Степа постепенно начинал ненавидеть это хорошее общество, где всем все ясно, но ни о чем нельзя сказать вслух. Он даже переставал иногда понимать, что, собственно говоря, в этом обществе такого хорошего.

Но волновали его не столько общественные проблемы, сколько профессиональные. А они заключались в том, что мелкие банки вымирали. Здравый смысл подсказывал, что это когда-нибудь может произойти и с опорой священного числа — «Санбанком», — но защитные механизмы Степиной психики не пропускали это понимание в область осознанного, что приводило к ночным кошмарам и дневным депрессиям.

Банкиры Степиного калибра решали проблему, ложась под крупные фирмы реального сектора. Они становились так называемыми «карманными банками». Перейдя на обслуживание одного главного клиента, они повисали в его финансовом потоке, как пловец, гребущий навстречу струе воды в бассейне с джет-тренажером. При этом они могли по-прежнему заниматься другими операциями, просто у них появлялась опора. Степа давно мечтал о таком варианте, но его пронзительная чеченская крыша, наследие эпохи первоначального накопления, отпугивала возможных партнеров. К сожалению, эту проблему было сложно объяснить Мусе с Исой. Степе достаточно было представить контуры будущего разговора (выражение удивления на небритом лице Мусы, сменяющееся недоверием, а потом гневом), чтобы у него пропало желание предпринимать хоть что-то.

Но стоило его крыше потерять свой острый национальный колорит, как подходящий партнер нашелся сам. Через пару месяцев после знакомства с Лебедкиным на Степу вышли люди, представлявшие русско-французскую нефтяную фирму «Ойл Эве». Она была зарегистрирована на территории Эвенковского национального округа (налоговая льгота, сразу понял Степа), а ее центральный офис находился в Париже (красное и белое, как говорил великий Стендаль). Они предложили Степе именно тот вариант, о котором он мечтал уже давно, — превратиться в «карманный банк» (такая операция на европейской банковской фене назвалась «merder» — гибрид слов «merger» и «tender»).

Степа проанализировал название «Ойл Эве». Первое слово состояло из трех букв. Второе — тоже из трех. Это походило на неустойчивое равновесие. Степа истолковал свои ощущения следующим образом — благоприятным или неблагоприятным союз станет в зависимости от его действий. Возражений со стороны чисел не предвиделось.

Была только одна проблема. О фирме «Ойл Эве» никто ничего толком не знал, из чего следовало, что это какая-то подставная структура. Степа сразу понял, в чем дело. Это был *семейный бизнес*. Такой внезапный и высокий взлет вызывал приятную щекотку под ложечкой. Условия, которые предложили загадочные нефтяники, заставляли вспомнить о божественной любви, бесконечном милосердии и Махатме Ганди. Они даже брали на себя часть долгов, которые, если честно, у Степы к этому времени уже имелись. Им просто нужен был свой банк в Москве, на счет которого

можно было бы перекачивать деньги из Парижа, хотя Степа не очень понимал, зачем им понадобилось идти против мирового порядка вещей — все стремились делать прямо обратное, уводя деньги из России как можно тише и дальше. Но ничего незаконного, как Степа ни вглядывался, во всем этом не было.

Единственное условие, которое он поставил новым партнерам, заключалось в том, чтобы они не меняли названия банка. Они согласились. Степа не верил, что его главная проблема решилась так просто вплоть до момента, когда все требуемые бумаги были подписаны. Когда он наконец в этом убедился, он позволил себе забыть о делах и расслабиться на целых тридцать четыре дня. Именно в это время и произошли события, превратившие его дружбу с Мюс в роман.

69

В сезон слива компроматов несколько московских таблоидов напечатали телефонный разговор Степы с неидентифицированным собеседником, которого он называл «дядя Борь». Разговор публиковался как компромат исключительно по той причине, что Степа матерился через каждое слово. Текст в газетах выглядел так:

Собеседник: (неразборчиво).

Степа: «Меня вообще ломают такие названия, дядя Борь. Что это такое: вилла „Лук Эрота“, павильон „Раковина Венеры“, пансион „Тс-с-с“. Мне как потребителю не нравится. Вводят в заблуждение».

Собеседник: (неразборчиво).

Степа: «Да потому что там ни х#я такого не будет».

Собеседник: (неразборчиво).

Степа: «Как честно? А вот так: агентство „Пи#да за деньги“, клуб „Разводка х#я“. Или салон „Бл#ди раком“».

Собеседник: (неразборчиво).

Степа: «Да какая чистота языка. Они просто хотят торговать пи#дой вразвес, а числиться купидонами. Вот и весь х#й, дядя Борь».

Степин имидж не пострадал от этой публикации совершенно. Наоборот, скандал придал ему респектабельности. Раньше у него был не тот статус, чтобы московские таблоиды подавали распечатки его разговоров в качестве острого блюда. Акулы покрупнее презрительно называли таких, как он, «карманниками» — конечно, имея в виду не карманное воровство, а «карманный банк». И прослушивали в тот раз не его, а собеседника. Но собеседник применил хай-тек-примочку, которой не было у ФСБ, и все, что он говорил, не прописалось на пленке. Поэтому, чтобы хоть чем-то порадовать читателя, распечатали Степу, после чего он на целый месяц попал в список «Сто ведущих политиков России».

Его даже сравнили пару раз с Жириновским. Степе это было приятно — Жириновский был единственным русским политиком, которого он уважал. Дело было не в политической платформе (про это в хорошем обществе не говорят), а в его высоком артистизме: разница между ним и остальными была такая же, как между актрисами-одно-

годками, одна из которых все еще пытается петь, а другие, уже не скрываясь, живут проституцией.

Кроме того, смущенные сотрудники «Санбанка» получили некоторое представление об интимной жизни шефа.

Большинство женщин в Степиной жизни были профессионалками — они появлялись из специальных агентств, стоили освежающе дорого, были дивно красивы и в конечном счете рождали в клиенте чувство, которое Степа однажды выразил в следующих словах: «Какая, если вдуматься, мерзость эта красота». Некоторые из них были моделями, то есть стояли в иерархии ступенью выше, поскольку, как язвительно говорил Степа, торговали не только телом, а еще и сделанными с него фотографиями. Были и профессионалки самого высокого ранга — актрисы, которые специализировались на фотографиях подразумеваемой души.

Степины отношения с ними обычно не выходили за рамки оговоренного контрактом и длились недолго. Степа проверял их на причастность к числам без особой веры в то, что среди них отыщется его избранница. Интуитивно он чувствовал, что их отношения с его тайным миром просты как мычание: чем больше нулей, тем лучше.

Встречая девушку, которая ему нравилась, Степа старался выяснить, что она знает о числах и что числа знают о ней. Но он никогда не спрашивал об этом прямо. Окольных путей было много. Обычно Степа отправлялся с новой подругой куда-нибудь на далекое море. Романтическая поездка на острова давала много возможностей приглядеться к другому человеку. Степа устраивал так, что

тридцать четвертый и сорок третий номера в гостинице были свободны. Портье был заранее проинструктирован и проплачен — стоило все это, конечно, довольно дорого, но на своей судьбе он старался не экономить.

Первый тест выглядел так: на стойку ложился лист бумаги со списком свободных номеров, и Степа со словами «Выбирай, дорогая» передавал его подруге. В списке всегда было шесть вариантов, независимо от количества свободных мест в гостинице. Четыре были произвольными числами, которые представлялись Степе подобием пустых гнезд в барабане револьвера. Два гнезда были заряжены. Под влиянием наружной рекламы московских интернет-провайдеров Степа про себя называл этот аттракцион «летка.ги».

Если девушка выбирала сорок третий, дальнейшего развитие событий было неумолимым. Степа вынимал из кармана мобильный и имитировал тревожный разговор о делах. Выяснялось, что ему надо срочно навестить американского партнера по имени Доу Джонс, который упал с лестницы и сломал ногу. Девушке предлагалось подождать в гостинице день-два и ни в чем себе не отказывать. Сам Степа немедленно улетал чартерным рейсом, даже не попросив спутницу последний раз протрубить в его рог.

Подруга проводила несколько дней в неге и роскоши, а затем возвращалась к своим баранам, начиная догадываться, что Степа уже никогда не станет одним из них. Можно было, конечно, устраивать все и дешевле, отшивая несчастную прямо у стойки, но Степа был галантен с карьерными девушками и не экономил на их простых

радостях, понимая, что, кроме быстро разрушающегося физиологического ресурса, у бедняжек нет других активов и их прогноз на длительную перспективу ничуть не лучше, чем у инвесторов, целиком вложившихся в интернет-проекты.

Если первый тест оказывался пройден, наступала очередь второго, такого же по сути, но иного по форме. Подруге предлагалось взять машину напрокат. Она отправлялась на стоянку выбрать автомобиль, который придется ей по душе, — ей надо было всего-навсего записать его номер. Вслед за вторым тестом шел третий — заполнение карточек лото. За ним четвертый, пятый и так далее — рано или поздно экзамен проваливали все, поэтому женщины не удерживались рядом со Степой дольше нескольких месяцев.

При этом набор его ожиданий, не связанных с числами, был довольно скромным. «She doesn't have to be a movie star»¹, — тихонько напевал Степа вслед за Родом Стюартом и действительно имел это в виду — ему достаточно было элементарной привлекательности. Он не ждал от избранницы, что она будет высокоточной секс-бомбой или бывшей шпагоглотательницей, перековавшей мечи на орал.

Но у него была одна маленькая стыдная тайна. Степа иногда страдал тем, что на языке уголовной медицины называется «расстройством в сфере влечения», а на бытовом языке не называется никак, потому что о таких вещах люди друг с другом не разговаривают. Впрочем, на извращение это не тянуло — так, пустячок, ничего глубокого

---

¹ Ей необязательно быть звездой экрана.

или сверхчеловеческого. Эта его особенность давала о себе знать редко и, как правило, не причиняла его спутницам неудобств.

Временами, когда он чувствовал, что скоро не сможет, так сказать, удержать чашу наслаждения, не расплескав ее, Степа проделывал одно странное действие. Он быстро слезал на пол, садился на корточки спиной к партнерше и заводил согнутые руки как можно дальше назад, стараясь ткнуться локтями прямо в ямочку между ее ягодицами. Он делал это потому, что при взгляде на воображаемое сечение этой композиции получалось «тридцать четыре»: тройку давал контур женского зада, а четверку — его торс и выброшенные назад локти. Это был его способ слиться с любимым числом не только умственно, но и телесно: после этого движения Степе не нужна была никакая дополнительная стимуляция, чтобы чаша наслаждения опрокинулась прямо на пол (в особо знойных случаях — вместе с партнершей, а один раз было, что и вместе с кроватью).

Степа был в курсе, что коллеги капитана Лебедкина провели много часов в просмотрном зале, ломая голову над этой особенностью его личной жизни. Было непонятно, могут ли считаться компроматом видеопленки, на которых под разными углами заснят этот однообразный и несколько суетливый маневр. Выглядело это очень странно, да. Но с другой стороны, в этом не было ничего предосудительного или попадающего под описание осуждаемых обществом секс-гештальтов. Во всяком случае, после моральной реабилитации онанизма, которую Мюс называла величайшим

духовным завоеванием рыночной демократии. Поэтому Степа не переживал, считая, что трудно будет использовать против него такую ничтожную странность поведения в качестве компромата.

Вот если бы он имперсонировал в этой ситуации число «37», тогда можно было бы опасаться, что его позу истолкуют как нацистский салют, который его неудержимо тянет отдать сумрачной тени фюрера в момент оргазма. Это имело бы тяжелые последствия для банка, тут все было ясно на уровне корпоративной телепатии. А так — ну лыжник и лыжник, даже модно. Кому какое дело? Другие и не такое вытворяют.

Степа знал, что женщинам несложно смириться с такой его особенностью, напоминавшей о себе в дни, когда он чувствовал смятение и неуверенность в себе. Только этого, как заметил поэт Арсений Тарковский, было мало. Девушка его мечты должна была не просто принимать его странности, она должна была разделять его... его... Степа даже не знал, как это назвать. Выражение «духовные запросы» не подходило — он ничего ни у кого не запрашивал, запрашивали чаще у него. «Интересы»? Тоже не годилось. «Религию»? Звучало слишком пафосно. «Суеверие»? Слишком презрительно и бескомпромиссно.

В общем, его спутница должна была чувствовать его душу, но не лезть в нее слишком далеко. Ей следовало знать о его отношениях с числами, но не все. Кроме того, она должна была быть вовлечена в магию чисел сама. Иначе Степа не смог бы довериться ей до конца — ему казалось бы,

что она мирится ради денег с тем, что считает патологией и сумасшествием. Понятно, что найти такого человека было нелегко даже с его финансовыми возможностями, поэтому он сделался почти циничен. Женщины проходили по подиуму его души, не задерживаясь надолго, — покачивали бедрами, поправляли шляпки, улыбались, замирали на прощание в картинной позе и исчезали за кулисами, радуясь, если, кроме денег, им удавалось утащить чулки и пару туфель.

Мюс имела мало общего с этим типом связей. Ей было двадцать семь лет, что выходило за границы возрастной зоны от девятнадцати до двадцати пяти, в которой Степа подбирал своих нимфет. Общение с ней позволяло не только улучшить разговорный английский, но и расширяло его интеллектуальный горизонт. Мюс была эффектной спутницей — народ оглядывался на торчащие из ее прически «антенны». У нее была смешная привычка покусывать кончик карандаша, когда она над чем-нибудь задумывалась, и Степу волновали полоски помады на желтом карандашном лаке. Ритуал ухаживания, который обычно занимал у него около часа (ужин, коктейль, душ), в этом случае оказался очень необычным и даже сделал Степу духовно богаче.

Все случилось во время мероприятия, которое даже самый утонченный развратник не смог бы отнести к области возбуждающего чувственность.

Это было заседание литературного семинара, где Мюс выступала с докладом на тему «Новорусский дискурс как симулякр социального конструкта». Мюс посещала эти заседания по профессиональным соображениям, а Степа отправился с ней просто из интереса, как мог бы пойти на женский рестлинг в жидкой грязи или петушиные бои под «Хорошо темперированный клавир». Кроме того, ему хотелось заглянуть в мир, где Мюс проводит свое время.

Семинар проходил в здании одного из московских вузов, и темные пещеры пустых коридоров, по которым Мюс провела его к месту, несколько раз заставили его пожалеть, что он оставил шофера-телохранителя в машине.

На второй минуте доклада он начал раскаиваться, что согласился на это приключение. В том, что говорила Мюс, он узнавал только слово «дискурс», относительно которого уже твердо для себя выяснил, что не в состоянии понять его смысл. Поэтому он перестал слушать и начал листать художественные журналы, которые стопками были разложены по партам — их принесли с собой собравшиеся на семинар. Сначала Степа взял альманах с ярко-оранжевой обложкой, раскрыл его наугад и прочел:

«Говоря о читателе и писателе, мы ни в коем случае не должны забывать о других важных элементах творческого четырехугольника, а именно читателе и питателе...»

Помотав головой, как вылезшая из воды собака, Степа перелистнул несколько страниц.

«...встречаются фразы, каждой из которых мог бы всю зиму питаться у себя в норке какой-ни-

будь мелкий литературный недотыкомзер, — например, такое вот: «На дворе стоял конец горбачевской оттепели».

Было непонятно, что особенного в этой фразе и почему мелкий литературный недотыкомзер должен питаться ею всю зиму. Вместо того чтобы разделить сарказм автора, Степа вспомнил горбачевские времена, когда «Санбанк» делал первые шаги в клубах конопляного дыма, к которому еще не успел примешаться пороховой.

«Действительно ведь была оттепель, — подумал он с ностальгией, — а мы не понимали».

И ему до слез стало жалко свою растраченную юность, а заодно и неведомого недотыкомзера, которому нечем было закусить в зимней норке, кроме сырого повествовательного предложения.

Через несколько страниц после недотыкомзера в альманахе размещалась большая поэма какого-то уголовного авторитета, посвященная, как следовало из предисловия, могуществу человеческого разума, которое автор со свежей силой осознал во время одного из своих таежных побегов. Она так и называлась — «Человек» и начиналась со строки:

Я развел и лису, и медведя, и волка.

Степа не смог читать дальше — ему представился голый Березовский с калькулятором в руке, озаренный прыгающим светом костра.

Отложив альманах, он принялся за журналы. Под их обложками догорал закат эпохи, которая представлялась современникам такой бесчеловечно-жестоккой и хищной, а была на самом деле такой наивной, жалкой и простодушной — как всегда в истории. Это трогало, но все равно жур-

налы были неудобоваримы, как серая бумага, на которой их печатали. Почти на каждой странице в них упоминались какие-то «эстеты» и «высоколобые интеллектуалы», которые презрительно морщились от чего-то одного и восторженно аплодировали чему-то другому. Степа вдруг понял (это было головокружительное умственное сальто), что собравшиеся в аудитории люди, похожие не то на рассредоточившуюся очередь за пивом, не то на участников спартакиады по зимним шахматам, и были теми эстетам и высоколобыми интеллектуалами, о которых шла речь.

«А ведь в эту самую минуту, — подумал он с эйфорией, которую вызывало в нем постижение тайн мироздания, — кто-то сидит и волнуется — что же скажут эстеты и высоколобые интеллектуалы? Будут восторженно аплодировать или нет?»

Занятнее остальных ему показался журнал «Царь Навухогорлоносор». Как следовало из аннотации, это был *«орган лингвистических нудистов, которые не признают лицемерных фиговых листков на прекрасном зверином теле русского языка»*. Журнал был малоинтересен, потому что его главным содержанием был мат, от обилия которого делалось скучно (хотя выражения вроде *«отъебись от меня на три хуя»* или *«иди ты на хуй и там погибни»* приятно удивляли, пробуждая надежду, что русский народ еще не сказал последнего слова в истории). Степа мат не любил и матерился только тогда, когда думал, что это полезно для бизнеса, — как, например, в распечатанном таблоидами разговоре с «дядь Борей». Вокруг него тоже ругались мало. Исключением, пожалуй, был только капитан Лебедкин. Но в речи

джедая мат воспринимался как элемент репрессивной государственной атрибутики, что-то вроде бряцанья служебной сабли.

В журнале были напечатаны отрывки из «современного эквивалента „Божественной комедии“ Данта — первого русского романа, написанного на народном языке» («Возле охуительного двухэтажного особняка, прятавшегося в тени старых лип, резко затормозил невъебенный „Бугатти“ цвета маренго»). Роман Степу тоже не заинтересовал.

Все эти поиски жанра компенсировались тем, что на последних страницах журнала был напечатан тест, который не имел прямого отношения к прекрасному звериному телу. Ознакомившись с ним, Степа понял, до какой степени смутные и эфемерные издания-однодневки ненавидят друг друга. Но тест был интересен и другим — похоже, он основывался на серьезном анализе работы человеческого мозга. Так следовало из вступления, где цитировалась научная работа:

«Как известно, базовым механизмом взаимодействия полушарий человеческого головного мозга является их функциональная асимметрия. Лауреат Нобелевской премии R. Sperry (1982) так обобщил результаты исследований функциональной асимметрии полушарий: „В каждом полушарии представлены свои функции. В левом — речь, письмо, счет. В правом — восприятие пространственных отношений и не идентифицируемое словами опознание. Каждое из полушарий имеет, по видимому, отдельное «самосознание». На этом и строится наш двухэтапный тест на проверку их функционирования».

Оба этапа, для левого и правого полушарий, были основаны на сравнении пар фотографий. Сначала шел тест для левого полушария. Читателю нужно было сравнить два снимка, подписанные: «*мужской половой член*» и «*огурец „Мичуринский“*» (они изображали именно то, что обещали подписи).

Предлагалось найти максимальное число различий между изображениями, начисляя себе пять очков за каждое. На обороте страницы был комментарий: «*Ваше левое полушарие работает нормально, если в сумме у вас получилось пять очков, так как отличие только одно — справа хуй, слева огурец*».

Тест для правого полушария основывался на двух фотографиях, изображавших бутылку софтверинка и газету с голой бабой на обложке. Снимки были подписаны: «*бутылка пепси-колы*» и «*альтернативный контркультурный англоязычный революционно-антизападный таблоид „eXile“¹, издающийся в Москве группой американских нонконформистов*».

Надо было повторить опыт. «*Если в сумме у вас вышел ноль очков, — поясняла надпись на обороте страницы, — ваше правое полушарие тоже работает нормально и вы способны к опознанию, которое не поддается словесной идентификации*».

На этом тест не кончался. Следом предлагалось провести опыт по определению способности полушарий к взаимному замещению. Надо было разделить зрительное поле надвое, взяв лист плотной бумаги и поставив его перпендикулярно стра-

---

¹ Изгнание.

нице, так, чтобы правый глаз видел только правый снимок, а левый глаз — только левый. Посмотрев таким образом на фотографии десять секунд, надо было повернуть журнал на сто восемьдесят градусов и повторить опыт так, чтобы правый глаз видел только левый снимок, а левый глаз — только правый.

Сначала надо было проэкспериментировать с первой парой фотографий. Если испытуемому приходила в голову мысль: *«Огурец можно иногда использовать вместо хуя, но хуй никогда нельзя использовать вместо огурца»*, считалось, что его правое и левое полушарие способны полностью замещать друг друга.

Тест на взаимодействие полушарий заключался в том, что предлагалось повторить тот же опыт со второй парой снимков. Правое и левое полушарие тестируемого взаимодействовали между собой нормально, если в голову ему приходила мысль: *«Альтернативный контркультурный англоязычный революционно-антизападный таблоид „eXile“ издается в Москве на деньги ЦРУ»*.

Пока Степа возился с тестом, роняя журнал на пол и шелестя на всю аудиторию вырванной из оранжевого альманаха страницей (в нем была самая плотная бумага), на него косились все присутствующие, а одна важная дама, похожая на Снежную королеву в отставке, даже несколько раз кашлянула в кулак. Степа не сдавался, решив пройти испытание до конца.

Тест дал интересные результаты. Как оказалось, и правое и левое полушария Степиного мозга не выполняли своих функций. Зато они были спо-

собны замещать друг друга примерно на пятьдесят процентов. А взаимодействовали между собой они просто отлично, хотя до этого Степа ничего не знал про газету «eXile».

Отзывы прошедших тест показали, что Степе не следует расстраиваться из-за таких результатов. Полушария других людей взаимодействовали между собой куда более странными способами:

«Дело не в позорном листке „Хуйло молоХа“ (a.k.a. „eXile“), который все годы реформ объяснял заезжим педофилам, как надругаться над голодным русским тинейджером, угостив she or he эстонским „порошком горячих парней“. Дело в нынешней российской власти, которая давно проделывает то же самое со всем русским народом. Только вместо шприца у нее Останкинская телебашня. Малюта, PR-технолог и русский интеллигент».

«Господа, не возьму в толк, для чего обижать издателей-нонконформистов. Неужели вам не видно, что они искренне хотят создать что-то непохожее на пепси-колу в лаборатории своего коллективного разума? Если в их ретортах раз за разом получается кока-кола, это не злой умысел с их стороны, а настоящая трагедия духа, ницшеанский сумрак, глумиться над которым так же позорно, как смеяться над катастрофами шаттлов. Татьяна Абакус, студентка филфака».

«Словосочетание „огурец «Мичуринский»“ искрится двойными, даже тройными аллюзиями. Но когда рядом появляется бутылка пепси-колы, это, друзья, уже символическая тавтология. Переборчик-с. Тариэл, Бирюлево-Товарная».

«Деньги ЦРУ? А что же делать, если больше ни у кого их нет? ЦРУ не Талибан. Свои люди. Семёнов, пограничник».

В надежде, что со второго раза полушария все-таки начнут выполнять свои функции, Степа снова вооружился страницей, по которой полз куда-то на черных лапках букв мелкий литературный недотыкомзер. Но повторить эксперимент не удалось.

Степа почувствовал, что в аудитории происходит что-то не то. Стало тихо — Мюс больше не бубнила свою абракадабру про конструкты, парадигмы и дискурсы. Подняв глаза, он увидел, что она стоит возле кафедры и молча глядит на него. И все остальные, кто был в аудитории, тоже глядели на Степу. Он отложил свои бумажные инструменты и принял задумчивый вид, чтобы показать присутствующим, что ему глубоко интересен происходящий пир духа и отвлекся он только на секунду. Но это не помогло. Мюс подхватила папку с текстом доклада, прошла через аудиторию, сняла куртку с крючка и вышла прочь.

Присутствующие начали бичевать Степу взглядами, но ему было не до них. Схватив пальто, он побежал вслед за Мюс. Когда он выскочил из аудитории, она была уже в самом конце коридора. Добравшись до поворота, Степа увидел, что Мюс исчезла.

Лежавший перед ним коридор напоминал мемориал советской науки — космические мозаики на стенах постепенно растворялись в густеющем мраке, а кончалось все черной дырой. Там, видимо, была лестничная клетка, где свет вообще не го-

рел. Ответвлений у коридора не было. Мюс не могла так быстро добраться до лестницы, даже если бы бежала со всех ног. Это значило только одно — она была в какой-то из аудиторий.

Он медленно пошел по коридору. Через несколько шагов он понял, в какой комнате прячется Мюс. Помогла в этом не открытая дверь — вокруг были и другие. Просто это стало ясно, и все, словно он поймал сигнал, который она послала ему своей антенной. Он вошел в аудиторию и прикрыл за собой дверь.

Мюс сидела у окна в бледном свете уличного фонаря и беззвучно плакала. Он подошел к ней и сел рядом. Она никак не отреагировала на его появление.

— Эй, — сказал он тихо, — ну зачем же так.

— Я думала, что тебе интересна эта тема, — ответила Мюс. — Я очень старалась. Вчера весь день репетировала. И вовсе не для них. Ты же сам постоянно об этом расспрашивал... Если бы я знала, я никогда, никогда не взяла бы тебя с собой.

Он неловко обнял ее за плечи. Мюс дернулась, как от удара током, но не отстранилась. Они оба поняли, что сейчас произойдет.

— Ты совсем не слушал, — сказала она жалобно. — А у меня здесь много нового материала... Другой парадигматический анекдот про рояль в форме кобуры... Не надо... И его кросс-культурный анализ... Я же говорю, не надо... *No always means no, you Russian swine!*¹ Пусти... Пусти же... Ах, Пикачу...

---

¹ «Нет» всегда значит «нет», русская свинья.

Мюс оказалась совсем не такой, как гламурные шлюшки. Она не воспринимала Степу в качестве клиента, которого следовало профессионально обслужить, начиная протяжно стонать после третьей фрикции. Она была настолько требовательна, что это сперва шокировало его, а потом наполнило забытым энтузиазмом. То, что к нему относятся как к источнику наслаждения, а не денег, настолько польстило его мужскому самолюбию, что он решился подвергнуть Мюс обычному тесту с неохотой, боясь неблагоприятного результата. Он даже специально облегчил его условия.

Степа повез Мюс на Бали. Это было уже после взрыва, отели пустовали, и вместо обычных шести номеров в списке было целых тридцать четыре. Но Мюс, услышав просьбу выбрать номер, даже не посмотрела в лист.

— *Is number sixty six vacant?*¹ — спросила она.

Степа наострил уши. Он, разумеется, был не так прост, чтобы спросить Мюс о роли числа «66» в ее жизни. Если бы кто-нибудь заговорил с ним о числах «34» или «43», Степа в ответ недоуменно пожал бы плечами или покрутил пальцем у виска. Было понятно, что и Мюс не станет распространяться о тайной бухгалтерии своей души. Но Степа запомнил это число, попутно позавидовав такому мудрому выбору. Мюс могла вообще не иметь ахиллесовой пяты — такой, как его «43». Это означало бы невозможное — свет без тени,

---

¹ Свободен ли номер шестьдесят шесть?

добро без зла, радость без печали. Но Степа догадывался, что в такой ситуации могут быть свои сложности.

Первым делом он попытался выяснить все возможное о числе «66». Пошарив по интернету, он узнал, что в Библии 66 книг, в мире есть 66 видов зубастых китов, самый большой метеорит на Земле, найденный в Намибии, весит 66 тонн и 66 процентов австралийских аборигенов живут в городах. Подобная информация расширяла кругозор, но имела мало практической ценности.

Тогда он начал экспериментировать, подстраивая Мюс мелкие ловушки. В ресторанах она предпочитала блюда, отмеченные двумя шестерками, — одна могла быть в номере, другая в цене. В длинном меню она нередко выбирала номер «66», даже если это были какие-нибудь жареные тараканы с гарниром из одуванчиков или другая неудобоваримая экзотика. Но она никогда не говорила «принесите шестьдесят шестой номер», а всегда произносила название блюда. Это доказывало, что Мюс скрывает. В номере ее мобильного было четыре шестерки; в номере ее «Гольфа» их было две. Однако три шестерки, похоже, казались ей дурным знаком.

Число «66» ничем не успело зарекомендовать себя в глазах Степы. Оно состояло в визуальном родстве с нулем, что делало его не до конца понятным. Кроме того, «66» приходилось родственником другому известному числу, «666». Иного это напугало бы, но Степа гораздо сильнее опасался числа «661», которое делилось на «43» без остатка.

Две шестерки упоминались Бингой, когда она говорила о числе зверя на руке его лунного брата. Но в нем было три цифры, он помнил это точно. В конце концов он одобрил число «66» — правда, с некоторым скрипом, но этот скрип означал, что проверка была серьезной и опасаться нечего.

На ощупь приближаясь к тайному нерву возлюбленной, он наткнулся на болевую точку случайно. Это произошло, когда он подарил ей изумрудные сережки с узором, похожим на знак рака. Степа купил их из-за дивных камней, вставленных в голову каждому из зодиакальных головастиков. Мюс, выражавшая в таких случаях свою радость довольно шумно, побледнела, как только открыла коробочку.

— Что такое? — спросил Степа.

— Так, — ответила она, — закружилась голова.

Человек с другими жизненными ориентирами мог бы предположить, что дело в неверно выбранном знаке зодиака, но у Степы что-то щелкнуло в мозгу, и он понял, что Мюс боится числа «69»: знак рака выглядел в точности как его зеркальное отражение.

Через пару недель он пригласил Мюс на встречу с индийским духовным учителем Свами Маканандой, гостившим в Москве. Не то чтобы к махатме были какие-то вопросы, просто к нему ломился весь город, а Степа мог купить место в очереди.

Встреча произошла в номере «Мариота». Свами Макананда был похож на пожилой просветленный баклажан. Поджав босые ноги, он сидел на диване и, пока Мюс мрачно листала дамские

журналы, объяснял почтительному Степе систему упражнений, целью которых было полное раскрытие Аджня-чакры, психического центра, расположенного между бровей. Услышав, что у этого центра имеется девяносто шесть лепестков, Мюс нахмурилась и уронила журнал на прозрачный столик.

На обратном пути он решился спросить Мюс, отчего она проявляла такие явные признаки раздражения во время беседы. Мюс нахмурилась.

— Ну, Степ, — сказала она, — ты сам подумай, что он говорит. Если раскрыть эту чакру, то можно, во-первых, оставаться вечно молодым, а во-вторых, мумифицировать свое тело после смерти, чтобы оно могло храниться тысячу лет. Я не пойму — если ты можешь оставаться вечно молодым, зачем тебе мумифицировать свое тело после смерти? И потом, что это за имя — Макананда? Или эти журналы на столике — как в парикмахерской. Какой-то макдоналдс духа. *You know, I hate spiritual fast food*¹.

Теперь Степа знал, что Мюс боится не только числа «69», но и числа «96». Кажущаяся защищенность от темной стороны чисел обернулась удвоенной уязвимостью.

Что касалось перевернутого «66» — числа «99», — то к нему Мюс, похоже, была равнодушна. Степа проверил это во время благотворительной акции по уходу от налогов под названием «99 детей Нечерноземья», которую Мюс помогла организовать. Ни позитивной, ни негативной реакции он не засек. Это радовало. Будь у Мюс

---

¹ Ты знаешь, я ненавижу духовный фастфуд.

проблема с числом «99», витрина любого магазина, где идет распродажа, ввергала бы ее в депрессию. Шагать по жизни рядом с таким уязвимым человеком означало бы сделаться уязвимым самому.

Мюс была удивительно многомерным существом. Помимо коробок с собранием городского фольклора на перфорированных карточках, она украсила Степину дачу множеством картинок с покемонами, симпатичными магическими зверьками.

Степа давно привык, что его называют Пикачу из-за необыкновенного внешнего сходства с одним из них. Но он не знал, что слово «покемон» происходит от «rocket monstaa», японской транскрипции английского «карманный монстр». Его расстроила такая издевательская игра слов («карманный банк» — «карманный монстр»), но на приколы судьбы обижаться было глупо.

Страсть к покемонам у Мюс была нешуточной. Но она лежала очень близко к ядру ее *identity* и раскрывалась только при интимном знакомстве. Это делало Мюс невероятно сексапильной, добавляя в волшебный коктейль ее свойств что-то от запретной прелести нимфеток.

— Запомни, — говорил Степа, сжимая ее в руках и думая о том, что выражение *feline grace* нельзя перевести на русский, поскольку «кошачья грация» заставляет задуматься о седенькой покровительнице пятнадцати кошек, а вовсе не о хищной кошачьей красоте, — запомни, пожалуйста, Мюс. Я не покемон. Я покебан. И никогда не путай. Понятно?

— Пикачу, — шептала Мюс и проводила острыми коготками по его груди, — Пикачу.. Мюс знала, что когда-нибудь тебя встретит..

Несмотря на очарование игры, желание Мюс видеть в нем Пикачу порой бывало обременительным. По ее упорной мысли, он должен был больше всего на свете любить жареные орешки, и ему иногда приходилось съесть целый пакет фисташек перед тем, как Мюс подпускала его на расстояние вытянутой руки (если она не хотела, она начинала так больно царапаться, что Степа неизменно отступал). Степа же не особо любил орехи, которые были ему вредны из-за полноты. К счастью, Мюс допускала альтернативный вариант — ягоды. Вместо пакета фисташек можно было откупиться половиной упаковки клюквы «Osean Sprau», и, хоть она была очень кислой, процедура завораживала, потому что Мюс разрешала есть ягоды прямо из теплых ложбинок своего тела:

— *My hungry little beast... No, you can't do that! You shameless little pig!*¹

Кроме того, Мюс требовала, чтобы любая кровать, на которой они спят, была привязана проволокой к батарее и его «excessive electricity» уходило в землю. Степа не понимал, что это за «избыточное электричество», но предполагал, что оно как-то связано с ролью, которую Мюс заставляла его играть.

Лень мешала ему выяснить, каким должен быть образцовый Пикачу. Он совершенно не интересовался покемонами, посмеивался над происходящим и считал его невинным рецидивом

---

¹ Мой голодный зверек. Нет, что ты делаешь! Бесстыжий поросенок!

младенчества, чем-то вроде привычки играть в куклы, которая сохраняется даже у некоторых мам, пока Мюс не объяснила, насколько все глубже. Объяснение последовало за одной из нотаций, которые Мюс любила читать ему в кровати, пока они набирались сил для следующей прогулки в рай. Началось все со спора о группе «Тату».

— Запомни, свинка, — сказала Мюс, — чтобы ты никогда больше не смел так выражаться! *I was born in a gay and lesbian family*¹, это как у вас раньше было рабоче-крестьянское происхождение, и если ты еще раз скажешь при мне слово «ковырялки», я уйду от тебя навсегда... Понял?

Степа испуганно кивнул — он уже жалел, что необдуманные слова сорвались у него с губ.

— Вы вообще не понимаете, что такое терпимость к чужому образу жизни. Тем более что такое *moral tolerance*. Погляди на эту демонстрацию, — Мюс кивнула на телевизор, передававший новости Би-би-си в которых мелькнул поп-дуэт. — Наше общество стремится обеспечить потребителю не только дешевый бензин, но и моральное удовлетворение от протеста против метода, которым он добывается. В эфире постоянно идут раскаленные теледебаты, где происходит срывание масок с разных всем известных фарисеев, и так каждую войну. И все спокойно живут рядом. А у вас все стараются перегрызть друг другу глотку. И при этом ни теледебатов, ни протеста, так, дождик за окном. Потому что общество недоразвитое, *understand*?² Просто какое-то убожество. Вот почему вы не выражаете протест против Чечни?

---

¹ Я родилась в семье гомосексуалиста и лесбиянки.

² Понимаешь?

Степа вспомнил Мусу с Исой.

«Ну да, — подумал он, — попробуй вырази, когда один на кокаине, а другой на героине. Такие качели будут, что мало не покажется. Если б не джедаи, так и банка, наверно, уже не было бы».

— Почему? — повторила Мюс. — Ведь самим потом будет интереснее телевизор смотреть!

— Так, — мрачно ответил Степа. — Свиньи потому что.

— Вот именно. А еще говорите про какую-то духовность. Это еще ладно. Вы, русские, при этом постоянно твердите про бездуховность Запада. Про его оголтелый материализм, *and so on*. Но это просто от примитивного убожества вашей внутренней жизни. Точно так же какой-нибудь *Afro-African* из экваториальных джунглей мог бы решить, что Ватикан совершенно бездуховное место, потому что там никто не мажет себе лоб кровью белого петуха.

— Я никогда ничего не говорил про бездуховность Запада, — попробовал Степа уклониться от коллективной русской вины. Но Мюс не обратила на его слова внимания.

— Вас только что выпустили из темной вонючей казармы, и вы ослепли, как кроты на солнце. *You totally miss the point*¹. Секрет капиталистической одухотворенности заключен в искусстве потреблять образ себя.

— Че-чего? — спросил Степа.

— Ты, наверно, думаешь, что я покемон, потому что я — инфантильная дурочка, которая никак не может забыть свое детство? *Don't even hope...*²

---

¹ Ты совершенно упускаешь главное.

² Даже не надейся...

Чем сильнее Мюс возбуждалась, тем больше она начинала употреблять английских слов.

— Все наоборот. Инфантильный дурачок — это ты. За исключением тех редких минут, когда я помогаю тебе побыть Пикачу, ты просто дикарь и *nonentity*¹, *understand*, нет?

— Нет, — сказал Степа. — Можно яснее?

— В цивилизованном мире человек должен поддерживать общество, в котором живет. Интенсивность потребления сегодня есть главная мера служения социуму, а значит, и ближнему. Это показатель... Как это по-русски... *social engagement*². Но в постиндустриальную эпоху главным становится не потребление материальных предметов, а потребление образов, поскольку образы обладают гораздо большей капиталоемкостью. Поэтому мы на Западе берем на себя негласное обязательство потреблять образы себя, свои *consumer identities*, которые общество разрабатывает через специальные институты. Понимаешь?

— Нет, — честно признался Степа.

Мюс несколько секунд щелкала пальцами, подыскивая слова.

— Вспомни свой накрученный и навороченный «Геландваген», — нашлась она.

— Какой «Геландваген»? Я что, полковник ГАИ? — обиделся Степа. — У меня «спецбрабус», пора бы привыкнуть.

— Ага! Вот видишь? Ты ведь потребляешь не его. Ты потребляешь образ себя, едущего на нем...

---

¹ Ничтожество.

² Социальная вовлеченность.

Только тут Степа понял, что она хотела сказать. Она была права. Как всегда, он чувствовал что-то подобное, но не мог облечь в слова.

— Но это, извини, уровень *spiritual mediocrity*, — продолжала Мюс. — Это потребление образов, связанных с материальными предметами. Если вы, русские, хотите когда-нибудь по-настоящему влиться в великую западную цивилизацию, вы должны пойти гораздо дальше. Ты спросишь, как это сделать? Посмотри на меня. Посмотри на мир вокруг. Послушай, что он тебе шепчет... Я — покемон Мюс. Только что с тобой говорил по телефону твой друг Лебедкин — он джедай. А из телевизора нам улыбается Тони Блэр — он премьер-министр. В эту секунду в мире нет ни одной щели, ни одного изъяна. Но ты? Могу я верить тебе до конца? Настоящий ли ты Пикачу? Или это просто маска, муляж, за которым пустота и древний русский хаос? Кто ты на самом деле?

В Степе дрогнул ответ. Но, досчитав до тридцати четырех, он решил на всякий случай промолчать. Вместо этого он приподнялся на локте и потянул на себя одеяло, под которым пряталась его подруга.

Степа был счастлив с Мюс. Как только ее фольклорный грант кончился, он взял ее на ставку, придумав для нее должность «первый референт с правом финансовой подписи». Это, как заметил бы покемон-аналитик, было весьма прозрачным

символом: Пикачу давал подержаться за свой большой толстый «Montblanc» и даже доверял выпустить из него струйку жидкости.

Оказалось, что знакомство с современным городским фольклором — лучшая школа бизнеса. Мюс хорошо понимала, что требуется от бизнесмена в России — быть немного вором, немного юристом и немного светским человеком. У нее была прекрасная деловая хватка, и ей можно было доверить любую работу.

Банк работал как часы. На память о чеченской «крыше» остался только подарок Мусы — сделанная из крупнокалиберного патрона настольная зажигалка с выгравированной сурой из Корана. Все в Степиной жизни, казалось, было устроено для счастья.

Кроме одного.

Ему исполнилось сорок два года. А следом, как подсказывала логика, должно было исполниться сорок три.

Чем ближе становилась страшная дата, тем чаще Степа вспоминал слова Бинги, пытаясь найти в них смысл, пропущенный прежде. Постепенно в его уме созрел план, который, как казалось, способен был решить его проблемы. План был лукавым и казуистическим. Но мог и сработать.

Бинга ничего не говорила ни про «43», ни про «34». Она говорила только про лунное и солнечное числа. И ужас, который она напороочила, должен был начаться тогда, когда Степе исполнится лунное число лет.

Болгарская ясновидящая сказала:

«Солнечное число может быть любым. И лунное тоже. Дело не в числах, а совсем в другом».

В чем дело, она не объяснила. Но это, предполагал Степа, могли быть сила воли, решимость, бесстрашие — или что-нибудь вроде того. А если, думал он, проявить эти качества и на год подменить числа силы другой парой, лишив «43» лунного статуса, а значит, и возможности вредить? А потом тихо вернуться в лоно старой веры... Эта мысль была заманчива до головокружения.

И Степа решился. Дождавшись момента, когда в делах наступило затишье и никаких серьезных операций не предвиделось, он совершил простой ритуал, который, однако, заставил его сердце биться так, как если бы это была черная месса. Записав числа от одного до девяносто девяти на кусочках бумаги, он кинул их в пустую сахарницу. Повернув лицо к люстре, он умоляюще сказал:

— На время, только на время, клянусь!

Вселенная промолчала, и Степа вытянул жребий. Выпало «29». Лунным числом, соответственно, оказалось «92». В новом числе семерка тоже присутствовала — как разность входящих в него цифр. Степа перевел дух. Похоже, это был знак.

Он начал жить по-новому. Внешне все оставалось прежним, но выстроенные вокруг числа «34» ритуалы и священнодействия, из которых складывалась его жизнь, уступили место новым, обращенным к числу «29». Первые несколько дней, прожитых по новым правилам, были наполнены ужасом, смешанным с эйфорией, — словно в Степину душу мелкими дозами поступало то чувство, с которым самоубийца-оптимист шагает из окна в лучший мир.

Все вокруг было непредсказуемым и новым. Выходя в зимний сад пить кофе, он подозрительно оглядывался по сторонам, словно ожидая удара молнии возмездия. В саду играла тихая музыка — Филип Гласс, любимый Степин композитор. Опера «Эхнатон», посвященная египетскому фараону-реформатору, который сверг старых богов и провозгласил нового, казалась Степе историей про него самого. Тем более что помимо личного бесстрашия, необходимого для радикальных духовных разворотов, были и культурные параллели: Эхнатон поклонялся солнечному диску, а Степа руководил «Sun-банком».

Катастрофа произошла, когда Степа уже решил, что эксперимент удался. Однажды, доедая за завтраком тост с клубничным джемом (теперь он совершал двадцать девять движений челюстями вместо тридцати четырех, отчего казалось, что пища попадает в желудок недожеванной), Степа протянул к хрустальной розетке вилку и вдруг увидел, что она означает не «34», как это было всегда, а «43».

— Что случилось? — испуганно спросила сидевшая напротив Мюс.

Трудно было сказать, что именно произошло. Даже не трудно, а невозможно, потому что на самом деле не случилось ничего — у вилки были те же четыре зубца, под которыми начиналась ручка с серебряными завитками в виде морских волн. Но первым, что бросалось в глаза, были зубцы. И только потом внимание перемещалось на три просвета между ними. Было непонятно, как Степа вообще мог когда-то видеть в этом сочетании

выступов и пустот число «34». Если бы «43» было вырублено перед ним на дубовых досках стола раскаленным топором, даже тогда оно не было бы таким отчетливым.

Степа понял, что такое небесная кара. Теперь он лучше любого египтолога представлял, какая сила заставила египтян бросить построенную в пустыне столицу вместе с солнечным культом и вернуться к прежним богам, умоляя их о прощении. Этот же древний ужас поглотил его душу, и Степа первый раз в жизни осознал, как ничтожен человек перед лицом невидимых надмирных сил, с которыми он шутит и играет, как идиот с высоковольтными проводами.

Степа чувствовал, что искупить вину будет трудно — но другого пути не было. Он начал с того, что отбил тридцать четыре раза по тридцать четыре поклона. С непривычки на это ушло почти два дня — боль в коленях заставляла делать долгие паузы. Затем в ход пошли другие ритуалы, как бы вернувшие его в детство, — он чувствовал, что чем наивнее и чистосердечнее будут его поступки, тем легче отпустят ему грехи силы, перед которыми он провинился. Он дал клятву, что никогда, никогда больше не изменит числу, выбранному раз и на всю жизнь, что бы ни принес ему надвигающийся день рождения. В его душе происходило что-то похожее на реставрацию опрометчиво скинутой монархии. Слава богу, монарх был еще жив — и после недельного покаяния Степа понял, что прощен.

Но в его душе появилась новая стигма — рядом с ненавистным «43» зажглось другое прокля-

тое число — «29». Против него теперь было два числа, а за него — одно. И винить в этом было некого.

Степа принял экстренные меры. Во-первых, он установил на участке перед своей дачей уменьшенную в два раза копию танка «Т-34», купленную в захиревшем музее боевой славы. Танк выглядел грозно, и Степа рядом с ним чувствовал себя спокойнее. Затем он вспомнил, что лучшая оборона — это наступление, и перешел в атаку. Несколько дней он расстреливал из охотничьего ружья тарелки, помеченные числами «29» и «43», и хохотал, когда заряд дрови разносил в пыль очередной диск, косо летящий над кромкой леса. Часть его гнева приняли на себя кефирные пакеты, датированные числом «29», — они, бывало, подолгу хранились в холодильнике, безобразно распухали, словно в них действительно вселялся дух зла, и лопались под Степиным свинцом, как гнойные бомбы.

Затребовав к себе в кабинет личные дела сотрудников, Степа провел над ними несколько дней и без объяснения причин уволил часть персонала. Ничего общего между уволенными не было — кроме того, что все они были отмечены каким-нибудь из чисел зла: кто-то жил в доме номер 29, кто-то на станции «Сорок третий километр», другие имели родителей 1943 или 1929 года рождения, и так далее. Никто из них не понял, в чем дело.

Постепенно к Степе вернулась уверенность в себе и спокойствие. Он знал, что может выбирать повороты жизненного пути, отмеченные прежним

знаком, и все будет хорошо, если он сам не совершит какой-нибудь глупости. Откуда он это знал, сказать было трудно — все опиралось на таинственное мистическое чувство, присутствие которого он стал хорошо ощущать после того, как оно на время покинуло его из-за проклятого эксперимента.

Однако эта история оставила одну рану, исцелиться от которой он не смог. Вилка, которая раньше благословляла каждый отправляемый в рот кусок пищи, стала отравлять его своим невидимым проклятием. Он стал хуже выглядеть, появились проблемы с пищеварением. Иногда начинались беспричинные тошнота и понос — беспричинные, по мнению медиков, сам же Степа причину знал. Слушая доктора, гадающего, где и чем он мог отравиться, Степа чувствовал, что мог бы многое рассказать о том, как действует самый страшный на земле яд — ум.

Мюс видела, что с ее Пикачу творится что-то нехорошее, но не могла понять, в чем дело. По ее настоянию Степа поехал на обследование в Германию. В результате он разуверился в медицинской науке: он понял, что разница между дешевым русским доктором, недоуменно разводящим руками, и дорогим немецким, делающим то же самое, заключается в том, что немецкий доктор может перед этим послать говно пациента в специальной двойной баночке авиапочтой в другой город, а затем получить оттуда сложную диаграмму на пяти страницах с какими-то красно-зелеными индикационными полосками, цифрами, стрелками и восклицательными знаками. Разница в деньгах

уходила на оплату труда людей, занятых в производстве этого глянцевого высокотехнологичного продукта, а само движение докторских рук было одинаковым. К тому же в обоих случаях речь шла о самых лучших докторах, поскольку они недолго разводили руками, вместо того чтобы назначить курс каких-нибудь губительных процедур.

Степа нашел выход сам. Возвращаясь в гостиницу после визита к врачу, он зашел в русский ресторанчик «Сакура» на Курфюрстендам (раньше он обедал в экзотическом армянском погребке «Donskoj Kazachok Rebroff» на Вестфалишерштрассе, а тут захотелось простого московского сашими). Кивнув, как знакомым, трем берлинским браткам, он устроился в уголке для некурящих и сделал заказ. Когда перед ним поставили деревянный эшафотик с расчлененной туной, он немного подумал, отодвинул вилку с ножом и первый раз в жизни взял в руки палочки.

Оказалось, что это несложно — все получилось с первого раза. За едой он раздумывал о символизме происходящего. Палочки могли означать «11» или римское «II». Это, конечно, не было «34», но это не было и «43». После обеда Степа ощутил беспричинную эйфорию, какой не чувствовал уже давно. Официантка получила на чай сто евро.

Степа съел гостиничный ужин принесенными из ресторана палочками, а ночью ему в первый раз за много лет приснилось, что он куда-то летит невысоко над землей. На следующий день он поехал в антикварный магазин и купил сразу несколько китайских столовых наборов.

Среди них оказались палочки из слоновой кости, выточенные в начале века в Шанхае. Они становились приятно гибкими, полежав в воде. Их покрывала тонкая раскрашенная резьба: каждую украшало 34 цветка сливы (так, во всяком случае, можно было сосчитать, принимая за скрытые цветки семь лепестков на заднем плане). Палочки хранились в резном футляре из красного дерева, который был настоящим произведением искусства.

Прошло всего несколько дней питания по-новому, и недомогание, поставившее в тупик столько докторов, исчезло само. Мюс была счастлива.

— Я же говорила, *you just needed a good doctor*¹. Глупый смешной Пикачу...

Мюс думала, что все прошло. Она не знала, что после «катастрофы 29» (так Степа называл про себя неудачный эксперимент) ему приходилось вести себя в два раза осмотрительнее. Степа никогда не садился в машину, в номере которой были двойка и девятка рядом. А двадцать девятое число стало для него опасной датой — у Степы было чувство, что мировое зло, бессильное пробить его защитные поля, доходило в это время до пика могущества и делалось способным ужалить. В этот день он не выходил из комнаты, почти ничего не ел и не снимал телефонную трубку.

Сотрудники банка и партнеры по бизнесу, которые научились уважать Степу за его непостижимую интуицию, почувствовали вызванную «катастрофой 29» перемену в его подходе к делам. Степа стал осторожнее, хотя никакой ясной логики в его решениях по-прежнему не прослежива-

---

¹ Тебе просто был нужен хороший врач.

лось. Многие связали это с мировым фондовым кризисом и еще с тем, что у Степы появились новые источники инсайдерской информации. Но люди, которые пытались копировать Степины действия, попадали впросак. Это было неудивительно. Например, покупая и сбрасывая акции, он руководствовался не диаграммами роста и предсказаниями аналитиков, а тем, что в цифровых последовательностях на экране компьютера возникали числа «43», «29» и, конечно, «34» — причем ему было совершенно не важно, до запятой или после. Брокер часто бывал в шоке от его распоряжений. Но тем сильнее уважал Степу, видя их результат.

II

Меня какую-то одну привычку, человек часто не осознает, что расстается с привычным укладом жизни. Начав есть палочками, Степа почувствовал, что будет смотреться гораздо уместнее, если станет приверженцем азиатской кухни. Это оказалось несложно — она ему в общем нравилась. Став адептом темпуры и супа из акульих плавников, Степа понял, что эту трансформацию было бы в самый раз запить хорошим чаем. Он начал пить зеленый чай, с которого перешел сначала на белый, а потом на улун.

Чай приносили из расположенной на территории парка Горького конторы со странным названием «ГКЧП». Этими буквами, стилизованными под китайские иероглифы, был украшен каждый

пакетик с «Железной Гуанинь» или «Большим Красным Халатом», его любимыми сортами. Пакетики украшал золотой иероглиф «Путь», и рядом с ним грозный четырехбуквенник воспринимался как конкретизация расплывчатого философского понятия.

Когда Степа спросил, что все это значит, ему объяснили, что сокращение расшифровывается как «Городской клуб чайных перемен». Название было интригующим и подвигало на дальнейшие расспросы. Так состоялось Степино знакомство с гадателем Простиславом, который был в клубе за главного консультанта и духовного учителя.

Внешне Простислав напоминал Кощея Бессмертного, переживающего кризис среднего возраста. Все в нем выдавало осведомителя ФСБ — восемь триграмм на засаленной шапочке, нефритовый дракон на впалой груди, расшитые фениксами штаны из синего шелка и три шара из дымчатого хрусталя, которые он с удивительной ловкостью крутил на ладони таким образом, что они катались по кругу, совсем не касаясь друг друга. Когда он взял в руки гитару и, отводя глаза, запел казацкую песню «Ой, то не вечер», Степа укрепился в своем подозрении. А когда Простислав предложил принять ЛСД, отпали последние сомнения.

Уверенность была полной и до такой степени иррациональной, что Степа долго не мог понять, откуда она. Ответ появился, когда Степа позвонил Простиславу сразу после разговора с Лебедкиным. Простислав смеялся совсем как Лебедкин, только останавливался за секунду до момента, когда в смехе капитана порезалось что-то ледяное и

жуткое, — так, что на это слышался только намек. Тем не менее сходство было настолько явным, что Степа с самого начала смотрел на Простислава умудренными жизнью глазами.

Степа никогда не боялся людей этой ориентации, потому что не имел порочных привычек, на которых они могли бы сыграть. Наоборот, он старался чаще бывать в их обществе, чтобы власть как можно большим количеством глазенок видела, что ему нечего скрывать. Поэтому он продолжал встречаться с Простиславом, и между ними вскоре установилось что-то вроде дружбы, которая очень шла к Степиной привычке есть палочками.

У Простислава была самая большая в Москве коллекция буддийского порно, «стрэйт» и «гей». Оно отличалось от стандартного тем, что все действие происходило в горящем доме, который символизировал недолговечную земную юдоль. Метафора трогала Степу, однако в фильмах к ней подходили довольно формально: партнеры елозили друг по другу на фоне пылающего комода или созревшего для свалки дивана, дававшего вместо огня скудный серый дым. А то и вообще все ограничивалось групповухой на фоне коптящей промасленной простыни, растянутой на сушилке для белья. Степе как раз хотелось, чтобы духовности в этих фильмах было больше, а хлюпа меньше, но их создатели, видимо, стремились занять рыночную нишу самым экономным способом.

Имелось у Простислава и более традиционное порно, которое не стыдно было посмотреть утонченному и культурному человеку. Например, стиль-

ная экранизация «Ромео и Джульетты», где Джульетта приходила в себя в склепе сразу после того, как Ромео выпивал яд над ее неподвижным телом. У героев оставалось всего сорок минут времени, но уж его-то они использовали по полной, не теряя ни секунды на сентиментальную болтовню. А другой фильм начинался так: камера показывала сидящую на дощатом полу ящерицу, затем долетало девять далеких ударов колокола... На то, что начиналось вслед за этим, глаза смотрели уже совсем иначе.

Простислав познакомил Степу с «Книгой перемен». Степу не волновали эзотерические глубины этого текста, о которых Простислав постоянно толковал. Интересно было другое. Оказалось, что числам от одного до шестидесяти четырех соответствуют гексаграммы, состоящие из непрерывных мужских и прерывающихся женских линий. Каждая из них описывала ситуацию, в которой может оказаться человек. Услышав это, Степе понадобилось напрячь волю, чтобы сразу не заговорить о главном.

Выждать случая пришлось долго. Сначала Степа гадал вместе с Простиславом. Нужные номера никак не желали появляться. Скоро Степа научился составлять гексаграммы сам. Способ гадания, в котором использовались стебли тысячелистника, показался ему слишком муторным. В нем было что-то безнадежное, напоминающее о принудительных сельхозработах в Северной Корее — нужно было сидеть на полу и долго-долго сортировать пучок черных высохших стеблей. За это время Степу посещали мысли о голоде, неурожая,

тяжести крестьянского труда, об особом пути России и так далее. Кроме того, начинали сильно болеть ноги.

К счастью, существовал другой способ — его изобрели современники Конфуция и Лао-Цзы, решившие приспособить архаический оракул к убыстряющемуся темпу жизни. В нем использовались три монеты, которые надо было кидать вместе шесть раз, по числу линий в гексаграмме. Степа стал пользоваться этим методом, и каждый раз после гадания вез полученный результат в ГКЧП. Клуб представлял собой лабиринт закопченных благовониями темных комнаток с такими низкими дверями, что приходилось передвигаться скрючившись, в постоянном полупоклоне то ли Комитету госбезопасности, то ли небесным наставникам из даосского пантеона, и эта процедура смиряла и исцеляла разуверившуюся в святых душу.

Чтобы в ФСБ не догадались, на чем держится его тайный мир, Степа не стал выпрашивать у Простислава, какие гексаграммы имеют номера «29», «34» и «43», и честно гадал по любому поводу, дожидаясь дня, когда числа сами выйдут ему навстречу, чтобы открыть свои древние лица.

Сначала «Книга перемен» пожелала разъяснить Степе число «29». Когда он принес очередную гексаграмму в ГКЧП, Простислав покачал головой и надолго замолчал.

— Дело-то серьезное? — спросил он наконец.

— А что? — переспросил Степа.

— Да то, — скрипуче ответил Простислав, — что хуже ентого самого только она же сама, роди-

мая, и есть. Номер двадцать девять — «Повторная опасность».

С трудом выцеживая смысл из его слов, Степа выяснил следующее: номер «29» был символом удвоенной опасности — пропастью внутри пропасти. Смысл этой ситуации отлично выражала поговорка «Лиха беда — начало». Внутри одной проблемы была скрыта другая, за ужасом таился ужас, и, кроме скудного тюремного рациона, ожидать было нечего. Гексаграмма была симметричной и изображала как бы два клыка в зияющей пасти — они были обозначены двумя сильными линиями среди четырех слабых. Увернуться было невозможно, и оставалось только ждать, питаясь слабой надеждой, что судьба подбросит веревку, по которой удастся выбраться из бездны. Две слабые черты в центре напоминали поток, текущий между Сциллой и Харибдой, — можно было проскочить, а можно было и не успеть. Словом, если бы кто-нибудь попросил Степу изложить все мрачные ассоциации, которые после известного опыта вызывало у него число «29», вышло бы очень похоже.

Гексаграмма за номером «43», которая появилась через несколько дней после этого, называлась «Прорыв». Простислав охарактеризовал ее коротко:

— Фильтруйте базарчик!

Степа понял четко: сорок третья позиция подразумевала, что надо помалкивать. А если уж человек открывал рот, говорить ему следовало строго по делу, не отвлекаясь на риторические фигуры, за которые можно было ответить. Все остальное,

о чем толковал Простислав, — дождь, под который попадает одинокий путник, ночное применение оружия и так далее — было таинственным и напоминало волшебную китайскую сказку о бесах и студентах. Степа все брал на заметку, но ничего не понимал, пока не услышал сжатого объяснения всей гексаграммы.

— Короче, так. Здесь у нас пять сильных линий снизу и одна слабенькая сверху. То есть снизу как бы сильно пучит и распирает, а сверху уже начинает от такой силищи понемногу и расступаться. В общем, типичный перитонит от бараньего супчика со шпинатом. Прорыв, одним словом.

Этот образ показался Степе очень доходчивым — слово «перитонит» вполне соответствовало тому, что он ожидал услышать про этот номер.

«34» появилось не скоро, после долгой возни со всякими «Стиснутыми зубами», «Разладами» и «Войсками». Заветное число словно испытывало Степину верность — и решилось вознаградить его, только когда сомнений в ней не осталось.

— У, тридцать четвертая, — проблеял Простислав. — Во мощща-то прет. Пруха, одним словом. «Мощь великого». Значитса, собрались вокруг тебя, грешного, темные силы и говорят: «Ну ты, козел!» А ты им: «Кто козел? Да вы все сами козлы, поняли, нет? Сейчас вы мне тут реально за козла ответите!» И темные силы встают раком и реально отвечают, с первой по шестую позицию. Только рога им отрывать надо осторожненько, чтобы не застрячь на третьей черте, она всегда кризисная. В общем, гуляй, Вася. Благоприятна

стойкость — это и понятно, оно хорошо, ежели стоит. Особенно когда он у тебя как тележная ось, хе-хе...

Знакомство с «Книгой перемен» потрясло Степу. Оказалось, что тайный смысл чисел, знание которого он полагал своей привилегией, был известен китайцам древности ничуть не хуже. Какое там. Степа, изучивший только три числа, не смог бы ничего добавить к тому их описанию, которое встретил. А в «Книге перемен» таких чисел было шестьдесят четыре!

Степа чувствовал себя ужасно, словно кто-то распахнул настежь все его тайные дверцы. Ему даже приснилось, что он стоит голый перед глядящей на него толпой. Но вскоре его настроение изменилось. Он понял, что тайна по-прежнему оставалась тайной. Из-за принятых мер предосторожности он мог быть уверен, что в ФСБ по-прежнему ничего не знают. А совпадение того, что было ему известно про числа «29», «43» и «34», с тем, что говорила о них «Книга перемен», было хорошим знаком: он сам, в одиночестве, сумел расшифровать часть тайного уравнения Вселенной.

Его знание не было шизофренией. Оно было объективным, общедоступным и поддавалось проверке. Но это вовсе не значило, что он разжалован в рядовые люди. Было одно отличие между ним и любым другим читателем «Книги перемен». Степа не просто знал свойства числа «34», а еще и находился с ним в особых отношениях с самого детства. Именно это и было его самым главным секретом.

Лунный день рождения приближался, и Степа думал о том, как ему быть. Он вспоминал слова Бинги:

«Все будет зависеть от того, сможешь ли ты помочь своему числу... Если в это тяжелое время ты сумеешь сделать так, что солнечное число станет сильнее лунного, ты победишь».

Бинга не сказала ни слова о том, как этого добиться. Сказала только, что за числом надо ухаживать, словно это растущая в пустыне роза. Именно эти слова и навели Степу на мысль о Мюс — потому что в некотором роде она и была розой, растущей в пустыне его жизни. Если за солнечным числом надо было ухаживать, как за ней, это означало только одно...

Когда он первый раз решился проделать свой магический ритуал с ее помощью (вернее, с помощью ее тела), Мюс не обратила на это внимания. Когда он вступил в связь с числом «34» во второй раз, Мюс тоже не возразила против своего использования в качестве медиума. Но когда он в третий раз ткнулся локтями в очаровательную ложбинку под ее позвоночником, она не выдержала:

— *What the hell is this?*¹

— А что? — невинно спросил Степа.

— Ты как Саддам Хусейн. *Cooperating on the procedure, but not on substance*². Зачем ты каждый раз слазишь на пол?

---

¹ Что это за чертовщина?

² Сотрудничаешь по процедурным вопросам, но не по существу.

Степа меньше всего на свете хотел пускаться в объяснения — тогда объяснять пришлось бы абсолютно все, а это не входило в его планы.

— Пикачу играет, — сказал он довольно сухо.

— Это я понимаю, — ответила Мюс, глядя на него своими огромными глазами, которые, как Степе иногда казалось, светились в темноте. — Я не понимаю, *во что* играет Пикачу!

— В Пикачу.

— А разве Пикачу такой? — недоверчиво спросила Мюс.

— Да, — с достоинством ответил Степа. — Такой вот Пикачу.

Степа вышел из положения так элегантно, потому что знал — у самой Мюс были причуды интимного толка, связанные с числом «66», о которых она ничего ему не говорила. Например, проследив связь между зодиакальным знаком рака и числом «69», он догадался, почему некоторые позиции казались его подруге непривлекательными, и любая попытка подвести к ним действие вызывала у нее раздражение. Понимание скрытых пружин чужого либидо давало Степе ощущение всемогущества. Но он долго не мог понять, почему Мюс каждый раз настаивает, чтобы они ложились ногами к окну.

Ясность появилась после того, как он тайно проконсультировался с дорогим аналитиком (Степа уважал психоанализ, считая его чем-то вроде рыночной экономики души). Аналитик принимал, сидя на велотренажере, и был похож на старого мудрого козла, из милосердия говорящего людям только часть страшной правды. Выяснилось, что

все просто — направление, откуда приходил свет, транслировалось в подсознании Мюс как «верх». Чтобы ощутить себя частью числа «66», а не «99», ей необходимо было, чтобы к источнику света были обращены именно ноги. Этим же объяснялась, как Степа догадался сам, и ее любовь к модному развлечению, прыжкам со специальной вышки на резиновом канате, прикрепленном к ногам (сам он ни разу не отважился на такое, хотя Мюс много раз пыталась уговорить его прыгнуть, — ему мерещилось в этом занятии что-то жуткое, имеющее равное отношение к сексу и к смерти).

По всем этим причинам Степа приступил к плану Маршалла для числа «34» с уверенностью в своем моральном праве на это таинство. Всего он планировал провести тридцать четыре сеанса энергетической связи. После его короткого, но самоуверенного объяснения Мюс стала относиться к происходящему терпеливо и больше не проявляла никаких признаков раздражения, словно все Пикачу в ее жизни на каком-то этапе отношений начинали проделывать то же самое.

— Пикачу меня проверяет, — шептала она. — Глупый Пикачу!

Иногда она пробовала принять участие в Степиной мистерии — заводила руку назад, ловила локоть, упертый в ее копчик, и начинала успокаивающе гладить его, словно помогая содрогающемуся Степе расслабиться и прийти в себя. Степе не особо нравились эти попытки. Ему было приятно прикосновение Мюс, но он боялся, что из-за него может нарушиться связь с сакральным числом. Отчего-то приходила на ум история Сам-

сона, потерявшего свою силу после того, как Далила обрила ему голову, и, хоть ничего похожего на бритье головы не прослеживалось, ему трудно было избавиться от опасений. Слишком высоки были ставки.

Однажды, дождавшись, когда он закончит свой ритуал (тридцать первый по счету), Мюс спросила:

— Почему Пикачу все время так делает? Он не хочет детей?

Степа издал что-то среднее между утвердительным мычанием и отрицательным кряхтением.

— Не бойся, — продолжала Мюс, — об этом я позабочусь сама. Неужели так будет всегда? Пикачу, ну давай хоть разик как раньше...

Степе трудно было ответить отказом.

— Давай, — буркнул он, — только не сегодня. Я устал.

Но следующий раз все равно наступил.

Мюс помнила о своей просьбе — ее пальцы впились в него в момент, когда он уже готов был перелезть через нее и спрыгнуть на пол. Мюс не отпускала. Он мог, конечно, высвободиться силой. Но она была как счастье, как весенняя ночь, как сон о самом главном... И Степа смирился, решив, что за один раз ничего страшного не случится. Закрыв глаза, он прижался к ней и забыл обо всем на свете. Мюс взяла его руку, и он вдруг понял, что висит внутри остановившейся секунды, в самом центре которой была небольшая капелька вечности.

Он увидел свое «34» — оно было ярко-белого цвета и парило в пространстве, окруженное со всех сторон огромным красным «66», как Луна, видная из космоса на фоне Земли. Степа сложил

эти числа и в первый раз понял, что в сумме они дают ровно сто.

Это было похоже на вспышку перед глазами. Бесконечные смыслы, прятавшиеся в числе «100», раскрылись, словно у Степы появилось несколько сознаний, которые могли воспринимать их одновременно. «Сто» состояло из бытия и небытия, которые были представлены нулем и единицей. Эти же цифры намекали на роли, которые Степа и Мюс исполняли в этот миг в великом театре жизни. А второй ноль был дверью, из которой они вышли на сцену, чтобы отыграть положенное. И в ту же дверь им предстояло вернуться, чтобы вновь стать ничем, растворившись в окружающей, замыкавшей бытие с небытием. Но это должно было произойти не скоро, а пока два нуля глядели на них, словно глаза вечности, и у этой вечности были личность и воля, представленные единицей, соединявшей все многообразие сущего в одно целое, которое находилось сейчас совсем близко, готовое надеть новую жизнь. Как всегда, оно пришло на зов стонущего двухголового животного, одного из невероятных существ, которые и населяли эту самую вечность... Степа испугался и попытался заслониться от того, что он, как ему показалось, не вправе был знать. Но страх оказался лишним: бесконечность исчезла, растворилась в себе, и рядом осталась только быстро дышащая Мюс. Придя в себя, она легонько куснула его за губы.

— Пикачу, — прошептала она.

Степе было хорошо и грустно. Хорошо из-за того, что он уже давно не испытывал ничего подобного. Грустно было потому, что он понимал —

в волшебной вспышке сгорела вся накопленная перед этим энергия. Работы по плану Маршалла надо было начинать с нуля.

3

Уже перейдя на палочки, Степа иногда думал, что проблему можно было решить другим путем — обзаведясь набором вилок с тремя зубцами. Такие попадались ему время от времени в кофейнях — обычно их подавали вместе с пирожным. Крайний зубец у них был шире остальных и образовывал что-то вроде лезвия, которым можно было резать пирожное. Теоретически, атаку числа «43» можно было отразить и такой вилок. Но при этом возникало много вопросов.

Во-первых, Степе пришлось бы есть в ресторанах и гостях обычными вилками: банкир в шелковой китайской куртке, который носит с собой палочки для еды, — это очаровательный оригинал, совсем не испорченный деньгами, а вот банкир, который носит с собой собственные вилки, — уже параноик. Во-вторых, такой путь был равнозначен капитуляции: словно он признавал победу числа «43» и покорно соглашался на все продиктованные условия. Вариант с палочками был лучше — он не только снимал проблему, но и радовал свободой маневра. Кроме того, именно благодаря палочкам в Степину жизнь вошли Восток и Простислав.

Мюс болезненно переживала дружбу Степы с Простиславом. Она чувствовала, что в его вселен-

ной появился другой духовный авторитет, и ревновала, хотя ни за что в этом не призналась бы.

— Сколько раз повторять, — говорила она, — весь этот *Far Eastern crap does not work in the Occident!*¹ Это попытка уйти от реальных проблем, которые ставит жизнь...

Степа залез в словарь посмотреть, что значит этот термин. Там было написано, что латинское «occident» (от глагола «occidere») переводится как «опускающийся», «идуший вниз». Возможно, это редкое слово было дипломатическим ходом со стороны Мюс, распиской в готовности временно признать условную принадлежность России к Западу в обмен на Степино обещание не уходить слишком далеко на Восток. Но времена, когда с русским человеком можно было расплатиться запахом несвежего чизбургера, прошли. Волшебный призрак Китая манил своими красно-желтыми огнями. Люди, с которыми Степа общался у Простислава, вызвали в нем глубокий интерес, и он не собирался отказывать себе в их обществе только из-за того, что они не нравятся Мюс.

Правда, не все с Востоком обстояло так гладко, как хотелось бы. Один раз Степа приехал к Простиславу рано утром и попал на брифинг, который тот проводил для нескольких таинственных блондинов в штатском, похожих на капитана Лебедкина. Начал Простислав с вдохновенного монолога про Евразию, во время которого он то и дело заглядывал в книгу с надписью «Three who made a revolution»² на обложке. Но даже если

---

¹ Эта дальневосточная фигня не работает на Западе.

² Три творца революции.

слова, которые он говорил, были чужими, чувство, которым звенел его голос, было личным и неподдельным:

— На великой Евразийской равнине почти нет препятствий для мороза, ветра и засухи, для марширующих армий и мигрирующих орд. Когда-то здесь простирались огромные азиатские царства — Иранское, Монгольское... Когда они ушли в прошлое, их место заняла Московия, которая расширялась несколько столетий, пока не стала крупнейшей в мире империей. Подобно приливу, она растекалась сквозь леса и бесконечные степи, кое-где заселенные отсталыми кочевниками. Встречая сопротивление, она останавливалась, как это делает прилив, чтобы набрать сил, и затем продолжала свое неостановимое наступление...

Степа подумал, что метафора чем-то напоминает историю ваучерно-залоговой приватизации.

— Только у далеких границ это плато опирается в горные барьеры, — продолжал Простислав. — Снежные вершины Кавказа, Памир, крыша мира, — (Степа представил себе огромного капитана Лебедкина из снега, гранита и льда), — Алтай, Саяны и Становой хребет, которые формируют естественную границу Китая. Разве может народ, чей горизонт так же бесконечен, как Евразийская равнина, не быть великим и не мечтать о величии?

Простислав положил книгу на стол, взял чашечку с чаем и сделал глоток, чтобы смочить горло. Затем он повернулся к доске, взял мел и стал молча рисовать какие-то иероглифы (он то ли действительно знал китайский, то ли талантливо

делал вид, что знает). Степе было приятно — в первый раз за долгое время кто-то вспомнил про величие русского народа. Но это чувство прожило в его душе недолго.

— На современных китайских картах, — заговорил Простислав, указывая на покрывающие доску знаки, — примыкающая к Поднебесной территория Сибири и Дальнего Востока, а также Россия в целом обозначаются тремя иероглифами:

— «двадцать»,

— «вспотеть, запыхаться»,

— «жулик, вор, нечестный коммерсант». Эти же три иероглифа служат для описания существующего в России политического строя. Правительство России обозначается в современном китайском языке четырьмя иероглифами:

— «временный, быстротечный»,

— «начальник»,

— «труба, нефтепровод»,

— «север». Сейчас в Китае дожидаются момента, когда временная администрация северной трубы снизит численность населения прилегающих территорий до пятидесяти миллионов человек, после чего великое учение о пути Дао придет наконец на бескрайние просторы Евразии в полном объеме...

Слова Простислава вызвали в Степе сложное чувство. Что касалось существа вещей, то здесь все было нормально: числа «двадцать» и «пятьдесят» не содержали в себе угрозы, хотя и не обещали ничего особо хорошего. При подробном анализе можно было обратить внимание на то, что «пятьдесят» отделено от «сорока трех» се-

меркой, но было неясно, что это сулит — то ли непроницаемую защиту от зла, то ли, наоборот, короткое замыкание. Лучше было не гадать.

Проблемы возникали не с существом, а с частностями. Некоторая странность проглядывала в том, что Простислав рассуждал о «временной администрации северной трубы» в лекции, которую читал персоналу этой временной администрации. Еще страннее ситуацию делало то, что он и сам явно относился к тому же ведомству. Но Степа давно догадывался, что в подобных парадоксах и заключена соль русской жизни.

Он не испытывал праведного гнева по поводу снижения численности населения, потому что знал — дело здесь не во временной администрации северной трубы. Во всем мире белые конsumer-христиане прекращали рожать детей, чтобы поднять уровень своей жизни. Причем от уровня жизни это не зависело, а зависело только от навязчивого стремления его поднять. «Вот так бог посылает народы на хуй», — шутил по этому поводу один его знакомый, придумавший даже специальный термин для обозначения этого процесса — «конsumerки души». Но если уж идти в этом направлении, думал Степа, то хотя бы в хорошем обществе. Хотя опять-таки было не очень понятно, чего в нем такого хорошего. Словом, это была непростая тема.

Приезжая в ГКЧП, Степа встречал там самых разных посетителей. Один раз, дожидаясь Простислава, он разговорился с тремя молодыми людьми, одетыми в такие же китайские куртки, как на нем. Эта деталь сразу расположила его

в их пользу. А глаза молодых людей, горевшие неземным огнем, заставили Степу предположить в них людей высокодуховных.

«Наверно, — подумал он, — какие-нибудь особенные мистики».

Двое высокодуховных мистиков были художниками-оформителями, а третий — ландшафтным дизайнером. Желая сказать что-нибудь приятное, Степа вежливо заметил, что на огромных просторах России для человека с такой профессией работы, наверное, непочатый край. После этого ландшафтный дизайнер почему-то помрачнел. Но кончилось знакомство хорошо — Степа и оформители обменялись визитными карточками.

— Эти-то? — переспросил Простислав, когда Степа решил навести справки. — Сурьезный народ...

И добавил какое-то слово — что-то вроде «амитафинщики».

Степа раньше не встречал этого термина, но сразу догадался, что он означает. От гостей Простислава он слышал про будду Амида, владыку мистической Западной Земли, где возрождаются праведники, чтобы за один короткий марш-бросок достичь окончательной нирваны. Для того чтобы родиться в Западной Земле, японцы повторяли заклинание: «Нама Амига Буцу», что означало «Вижу Будду Амида». Китайцы же сжимали все в одно слово — «Амитафо». Видимо, загадочные «амитафинщики» и были праведниками на пути к Чистой Земле — а то, что Степа сумел понять это сам, по одному только блеску глаз, наполнило его самоуважением и подтвердило, что и сам

он — не последний человек на духовном пути (догадываться об этом он начал после знакомства с Простиславом).

Вскоре Степа прочел в журнале заметку про дзенский сад камней. Написано было немного: что есть-де такой тип сада, который разбивают при монастырях, так как он способствует успокоению сознания. Степа подумал, что вполне можно устроить что-нибудь похожее на даче — например, на месте теннисного корта, которым никто не пользовался с тех пор, как Ельцин вышел из моды. Это очень пошло бы и к палочкам, и к общей восточной ориентации. Он вспомнил про ландшафтного дизайнера, пробивающегося к Западной Земле сквозь вихри сансары, и решил позвонить.

— Дзенский сад? — энергично переспросил ландшафтный дизайнер. — Знаем. Сделать можем. Но стоит будет дорого...

Степа решил не мелочиться. Он как раз уезжал на финансово-экономический форум, совмещенный с десятидневным морским круизом, — и ландшафтный дизайнер с друзьями получили карт-бланш.

Мюс, оставленная на делах, проводила часть времени в банке, а часть на даче, наблюдая за ходом работ. Она позвонила ему на мобильный, чтобы поделиться сомнениями. О том, что именно строили привезенные молодыми людьми рабочие, она не говорила, считая, видимо, что сфера искусства вне ее компетенции. Ее подозрения вызвало другое:

— Они какие-то странные. Бледные, ночью не спят. Глаза навывкате, и челюсти трясутся, как будто они что-то постоянно жуют или бормочут...

«Вот ревнует, а? — подумал Степа. — Все-таки в главном все бабы одинаковы».

— Эх, Мюся, — откликнулся он, глядя на красную полосу заката за кормой, — я тебе так скажу. Нам с тобой тоже не мешало бы так бормотать. Родились бы на блаженном Западе.

— Я и так родилась на Западе, — с достоинством ответила Мюс.

— Это не тот Запад, — сказал Степа, припоминая слышанное в лавке у Простислава. — Там, где ты родилась, воплощаются убитые людьми животные, главным образом быки, свиньи и тунец, чтобы в качестве компенсации некоторое время смотреть фильмы Дженнифер Лопес, слушать вокально-инструментальные ансамбли «Мадонна» и «Эминем» и размышлять, как сэкономить на квартирном кредите. Это как отпуск. А потом опять придется много-много раз рождаться животными. Ну и затем опять можно будет ненадолго вынырнуть — послушать, что тогда будет вместо «Эминема» и Джей Ло. И так без конца. Это называется сансарой, чтоб ты знала. А есть настоящий Запад — чистая земля будды Амида, где... где... В общем, словами про это не скажешь. И вот эти ребята, которые сейчас у нас работают, собираются в следующей жизни родиться именно там. Поэтому и бормочут. Понятно?

— Понятно, — сказала Мюс. — Значит, у нас рождаются быки и свиньи. А у вас в России кто рождается?

— У нас? — Степа изо всех сил напряг память, вспоминая, что по этому поводу говорилось у Простислава. — У нас рождаются побежденные боги. Небесные герои, совершившие военное преступ-

ление. Асуры, чью ярость не могут вместить небеса...

Мимо по палубе прошел босой браток в белом костюме, со стратегической цепью типа «голда меир» на шее. У него была крохотная голова, мощные надбровные дуги и рябое лицо монгольского палача. Он что-то тихо разъяснял переводчику в полосатом костюме-тройке, который шустрил рядом, с энергией ретранслируя это в прижатую к сизой щеке трубку:

— *Absolutely! The fact that he ain't no pig no more is exactly the shit that pisses everybody here the fuck off!*¹

Поглядев на Степу, браток кивнул ему, как старому знакомому, и ухмыльнулся во весь рот.

«Клиент, что ли? — озабоченно подумал Степа. — Вроде не помню такого».

— Остальное потом расскажу, — сказал он в трубку, радуясь, что так удачно и красиво закрыл сложную тему, — он дорожил не только мнением Мюс о себе, но и крохотным плацдармом духовной независимости, отвоеванным у нее с такими усилиями. — Главное, Мюся, ты делай все, что эти ребята просят.

— Они спрашивают, какой сад камней делать — с лингамом?

— А?

— Они сказали, что бывает два вида дзенского сада камней — со священным лингамом победы и без.

— Я это и без них знаю, — бросил Степа.

---

¹ Именно! То, что он больше не является сотрудником правоохранительных органов — как раз та самая проблема, которая вызывает здесь наибольшую озабоченность.

— С лингамом на пятнадцать тысяч дороже. Они просят сейчас решить, потому что в смету вносить надо.

— Ну конечно с лингамом, — сказал Степа. — Пора бы тебе, Мюся, научиться самой такие вопросы решать. Все, отбой.

Вернувшись домой, Степа с головой нырнул в дела и первые несколько дней провел в Москве, думая о совсем других вещах. Сумма в счете, который Мюс положила ему на стол, заставила его поднять брови, но он ничего не сказал. Вместе со счетом на стол легла продолговатая коробка, обитая узорчатым желтым шелком, — в таких, только размером поменьше, лавка Простислава продавала чайные наборы.

— Что это? — спросил Степа.

— Это священный лингам победы, — ответила Мюс. — Он отдельно.

— Ясное дело.

Дождавшись, когда Мюс выйдет из кабинета, Степа открыл коробку. Внутри, в аккуратных углублениях, лежали три пластиковых члена — синий, красный и зеленый. Они были сделаны с соблюдением всех анатомических подробностей — с точностью, которая переходила в непристойность. Их покрывали надписи мелкой вязью — не то санскрит, не то тибетское письмо. Степа взял один член в руку. На нерабочем торце у него была круглая дырка, похожая на дуло.

«Можно туда карандаш засунуть, — механически подумал Степа. — На всю длину, чтобы этот елдак не думал, что он тут самый фаллический... Так. Они что, издеваются? Или я чего-то не дожняю?»

Положив член назад в коробку, он еще раз оглядел всю композицию, и заметил по углам четыре одинаковых медных кружка с изображением китайского символа «Инь-Ян» (у Степы был собственный «Инь-Ян», цифровой — «343/434»). Три лингама, четыре кружочка... Степа почувствовал, что от сердца у него отлегло.

В конце концов, говорил один из гостей Простислава, в этом мире каждый всю жизнь общается только с небом, а другие — просто вестники в этом общении. Степа ясно видел перед собой число «34». Могли ли последователи будды Амида послать ему знак лучше? Вряд ли. Но на всякий случай он решил позвонить Простиславу.

— Простислав, мне тут лингам победы принесли...

— Лингам-то? — отозвался Простислав. — И чего?

Степа замялся. Было непонятно, откуда начинать.

— Где его хранить?

— А где душа пожелает. Чтобы было не очень холодно, но и не очень жарко. Не очень сыро, и енто, как его... Не очень сухо.

— А зачем он вообще?

Простислав помолчал.

— А сам ты, ето, как думаешь? — спросил он.

Степа напряг душевные силы.

— Ну, наверно, это что-то вроде... Что-то вроде магического жезла? Или ключа? Раз он отдельно?

— Ты смотри, угадал, — с легким удивлением ответил Простислав. — На глазах растешь, Степа, на глазах. Скоро в ученики к тебе пойду...

— А почему их три?

— Три? Ну а как. Ты когда дверь новую ставишь, сколько тебе ключей дают? Один вроде мало, десять уже как бы и много. Чего ты меня-то спрашиваешь? Ведь сам все интуичишь...

Как обычно, беседа с Простиславом укрепила Степину уверенность в себе. Разобравшись с делами, он поехал на дачу, предчувствуя, что его ждет что-то очень необычное. И это предчувствие не обмануло.

Вместо корта Степа увидел перед собой каток. Так, во всяком случае, можно было решить, глядя на борта со скругленными углами и маленькой дверкой. Эти борта были украшены множеством надписей и рисунков самого разного вида, словно кто-то покрыл обычный рекламный ассортимент несколькими слоями уличных граффити, а затем для остроты добавил пару флуоресцирующих цукатов (особенно выделялся оранжевый зигзаг «мочи ГадоВ!», который отозвался мгновенным эхом в самой глубине Степиной души).

Сходство с катком ограничивалось формой бортов. Вместо льда под ногами была трава — ленты японского дерна, то перекрывающиеся, то, наоборот, не дотягивающиеся друг до друга. Не знай Степа, сколько стоит такая продуманная небрежность, он бы, наверно, решил, что здесь работали похмельные стройбатовцы за день до демобилизации. Но поскольку это был дзенский сад камней, он догадался, что к кажущимся недоделкам следует отнести так же, как к следу кисти, на которой почти не осталось краски: никому ведь не придет в голову считать это недостатком при ана-

лизе каллиграфии, хотя, безусловно, такое было бы недоработкой при покраске забора.

Ни одного камня на всем огороженном пространстве Степа не увидел. Вопросов по этому поводу у него не возникло — точнее, они появились, но одновременно в голове мелькнул и вероятный ответ: мол, дзенский сад камней с камнями — это уже не дзенский сад камней. По этому поводу можно было не звонить Простиславу и другим людям знания, а обслужить себя самому.

Вместо камней его ждало другое. В центре огороженного пространства из дерна торчали три пластмассовые пальмы. Врытые в землю на расстоянии в несколько шагов друг от друга, они отчетливо выделялись на фоне бледного подмосковного неба. Их было три, а кусков неба, нарезанных их прямыми стволами, четыре — два между, и два по бокам. И это нежданное «34» так приветливо раскрывало перед Степой свою знакомую, но заново новую суть, что все его сомнения исчезли. Он почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Сложив ладони перед грудью, он поднял глаза к небу и тихо-тихо прошептал:

— Амитафо! Амитафо! Амитафо!

А потом, после паузы, быстро добавил:

— Амитафо! Амитафо! Амитафо! Амитафо!

Англофилия казалась Степе почтенным и даже в некотором смысле патриотичным культурным изыском — она как бы устанавливала родст-

во между ним и Набоковыми петербургского периода, которые весело плескались в надувных резиновых ваннах в своем гранитном особняке на Морской, обсуждая на оксфордском диалекте связь между подростковой эрекцией и смертью графа Толстого. Кроме того, Степе очень нравился английский язык — его идиомы указывали на высокий и веселый ум, хотя этот ум очень трудно было встретить в англичанах проявляющимся иначе, кроме как в самой идиоматике языка в тот момент, когда англичане ею пользовались.

Кончилась англофилия просто и быстро. Однажды Степа решил выяснить, чем живет народ его мечты, взял номер самой популярной британской газеты, «The Sun», и со словарем прочел его от корки до корки (если бы не мистическое совпадение с названием банка, его вряд ли хватило бы на такой подвиг). Дочитав последнюю страницу до конца, он понял, что больше не англофил.

Какое там. У него было чувство, что его только что заразили коровьим бешенством посредством анального изнасилования, но сразу же вылечили от него, отсосав вакуумным шлангом все мозги, на которые мог подействовать страшный вирус. Однако англофобом он тоже не стал — это подразумевало бы высокую степень эмоциональной вовлеченности, а она теперь отсутствовала начисто. Все было предельно скучно и предельно ясно, и *снежные плечи отчизны* казались куда привлекательнее, чем час назад (впрочем, Степа знал, что такое чувство обычно длится до первого к ним прикосновения). Степино отношение к Мюс, конечно, не пострадало — к этому времени он

уже любил ее всерьез. Затронутой неожиданно оказалась другая фундаментальная константа. У него впервые появилось желание переименовать «Санбанк».

Но сначала Степа решил поделиться своим открытием с Мюс.

— А, «The Sun», — сказала она. — У нас ее никто не читает.

— Как так? — спросил Степа. — Как никто не читает, когда это самая популярная газета?

Мюс посмотрела на него с надменной гордостью.

— *To understand this you have to be British*¹, — сказала она.

Все-таки был в британцах какой-то внутренний стержень, что-то такое, что внушало уважение. Этого нельзя было отрицать. Но с англофилией после чтения «The Sun» было покончено навсегда. С тех пор Степа посылал иногда курьера в центр Москвы, где можно было купить эту газету, и в шутку подкладывал ее Мюс. Та делала вид, что ничего не замечает, но между ее бровей на несколько секунд появлялась складочка, которая каждый раз заставляла Степу таять от нежности.

Желание переименовать «Санбанк» давало о себе знать еще долго после этого случая. Пережитый шок открыл Степе глаза на то, что никакой существенной связи между числом «34» и названием не было. Если эта связь существовала вообще, то исключительно благодаря тому, что он создавал ее сам. Точно так же можно было связать «34»

---

¹ Понять это может только британец.

и с названием кинотеатра, где он получил в день своего семнадцатилетия решающий мистический знак. Нет, название определенно могло быть и лучше.

Это делалось особенно актуальным в дни, когда ему надо было срочно зарядить число силы той самой силой, числом которой оно должно было быть. А где было ее взять, как не в самом этом числе?

Он много думал на эту тему, что давало интересные побочные результаты. Один раз он отследил жизнь идеи с начала до конца. Это было поучительно. Все в ней было как в человеческой: зачатие, рождение, мучительная битва за существование и нелепая гибель.

Зачатие произошло во время поездки на Канарские острова (банковский симпозиум, на делах в Москве снова осталась Мюс). Поездка была интересной, но ознаменовалась одним крайне неприятным происшествием.

Развлекаясь у себя в номере с проституткой, вызванной по телефону с виллы «Cosmos» (опять вранье), Степа лениво поглядывал на экран телевизора, поглаживая кудри кислотного цвета в районе своего живота. По телевизору шел фильм про инквизицию — он был на испанском языке, но в нижней части экрана бежали английские титры, что позволяло Степе понимать происходящее. Толстый монах-капуцин, которого волокли куда-то стражники в кирасах, молился:

— *Take this cup away from me...*

«Да минет меня чаша сия...» — механически перевел Степа и вдруг обнаружил удивительное

совпадение между словом, стоявшим в начале этого выражения, и делом. Значит, искусство действительно отражало жизнь! Может быть, и не так примитивно прямо, как думали русские реалисты, но в конечном итоге все равно отражало.

Кислотная труженица отражала очень умело, и чаша уже вырисовывалась на горизонте событий. Степа ощутил ту разновидность когнитивного диссонанса, которую народ отразил в поговорке «хоть иконы выноси», — происходившее в комнате не соотносилось с высокой духовностью драмы на экране. Он щелкнул пультом, и телевизор показал ту самую чашу, о которой он только что думал. Это была плоская хрустальная рюмка, полная желтоватой жидкости.

В следующую секунду все и случилось. Рюмка отъехала в сторону, а ее место заняла бутылка вроде коньячной с крупной цифрой «43» на этикетке. Степа так дернулся, что девушка чуть не повалилась на пол, подвергнув его здоровье серьезному риску.

Это была реклама испанского алкогольного напитка «Liqor 43», который уже попадался ему в здешних барах и ресторанах, портя настроение на весь вечер. Картуш с проклятыми цифрами наехал на камеру, потом на комнату, потом на Степу, потом на всю Вселенную. «Liqor 43, — услышал Степа голос из динамика, — nobody knows the night better!»¹

Испортить такую секунду... Степа почувствовал, как его глаза набухают слезами, совсем как в те далекие дни, когда исписанный разноцвет-

---

¹ Никто не знает ночь лучше.

ными семерками лист бумаги, подложенный под матрац, оказывался не в состоянии защитить от самого страшного, что только могло случиться, — ночной лужи во всю простыню. Чем ближе становился сорок третий день рождения, тем наглее вело себя число «43». В окружающем сумраке, замаскированном под ясный солнечный день, вызревало что-то страшное, холодное, направленное против него своим ядовитым острием, и надо было действовать, пока это острие не впилося ему в мозг.

Надо было что-то делать. Но что?

Пролетая на следующий день над Гран Канария на арендованной «сессне», он заметил нечто, показавшееся ему огромными солнечными панелями. На самом деле это была пленка, защищавшая растения от солнца, своего рода парники наоборот. Но Степа не стал отвлекать пилота расспросами и узнал об этом только после посадки. Его воображение поразили образ огромных солнечных батарей.

«Солнце в небе каждый день, — думал он, глядя на синий океан с белыми штрихами барашков. — Но пока не подставишь солнечную панель под его лучи, электричества не будет».

Число «34» даже превосходило солнце, потому что светило из своего идеального мира днем и ночью. Чтобы воспользоваться его могуществом в полном объеме, надо было придумать нечто вроде солнечной батареи, которая впитывала бы его целительные эманации. Такой солнечной батареей могло бы стать, например... например...

Шум самолетного мотора мешал Степе думать. Единственный вариант, который снова и снова

приходил ему в голову, — это новое название банка. Но он помнил, как трудно зашифровать в нем число «34». Вздохнув, он перевел взгляд с антипарников, которые он принимал за солнечные батареи, на желтое пятнышко далекого виндсерфера, которое он принимал за швартовочный буй. Примерно посередине между ними белел след только что развернувшегося катера, похожий с высоты на греческую букву «Гамма». В следующий миг Степины мысли перескочили на другое. Но зачатие уже произошло.

Родилась зачатая на Канарах мысль в России. Степа ехал в машине по мгlistой и депрессивной Москве. Тихо играло радио — гей-звезда Борис Маросеев в своей неповторимой манере исполнял песню «Сурок всегда со мной». Степа знал из новостей, что артистом плотно занимается молодежное движение «Эскадроны жизни», убеждая его уделять больше внимания патриотической тематике. Видимо, песня про сурка по какой-то причине попала в эту категорию.

Степа задумался, почему, несмотря на продуманно-порочный имидж исполнителя и яростные оргиастические вопли, которыми Борис взрывался после каждого куплета, сквозь музыку просвечивает высокая грусть, от которой на душе становится светлее. Через минуту он понял, в чем дело. Борис был подлинным артистом — в его голосе звучала то прорвавшая преграды страсть, то глухой минор раскаяния, то шепот соблазна, и все вместе неведомо как создавало у слушателя чувство, что сурок, о котором он поет, — это совесть, господний ангел, тихо парящий над плечом ли-

рического героя, записывая на небесную видео- пленку все его дела. Сплав порока и покаяния в одно невозможное целое делал песню шедевром.

Вдруг Степины мысли по какой-то причине переключились на половую жизнь приматов. Он вспомнил любопытный рассказ Мюс: оказывается, в стаде шимпанзе было три вида самцов — Альфа, Бета и Гамма. Самыми сильными были Альфа-самцы. Бета-самцы были послабее, но совсем чуть-чуть, поэтому все время соревновались с Альфами. А Гамма-самцы были настолько слабее, что никогда не лезли в драку. В результате получалась интересная картина: пока Альфы с Бетами мочили друг друга в кустах, выясняя, кто круче, Гаммы оплодотворяли большую часть самок в стаде.

У Степы екнуло в груди. Он почувствовал, что в аквариум на его плечах заплыла золотая рыбка, и, может быть, не одна. Первые четыре буквы греческого алфавита были «альфа», «бета», «гамма» и «дельта» — это он помнил из институтского курса математики, где так обозначались неизвестные в уравнениях.

«Гамма-банк»! Ну конечно же! «Гамма-банк». Греческая буква «гамма» давала тройку, а слово «банк» — четверку, поскольку в нем было четыре буквы. Здесь, правда, имелась небольшая натяжка — тройка из одной оперы, четверка из другой. Но число «34» можно было без всякой натяжки представить буквами «гамма» и «дельта». Они не соединялись в одно слово, но могли появиться в нужной последовательности в рекламном слогане, который стал бы чем-то вроде магической

мантры, крутящейся в ветряном барабане купленного эфира. Это и стало бы мистической электростанцией, способной зарядить число силы необходимой энергией.

И новое название, и PR-концепция родились в Степиной голове за долю секунды — во время паузы между двумя хриплыми стопами лирического героя Бори. А может, его сурка — сказать наверняка было сложно из-за большого количества электронных примочек.

«Гамма-банк» следовало противопоставить «Альфа-банку». Контрпозиционирование было самым эффективным видом раскрутки. И нечего было бояться, что его примут за Моську, лающую на слона. Смелость города берет. Кто помнит имя слона, на которого лаяла Моська? Никто. А Моську знают все.

Число «34» можно было прописать, например, так:

«Пока Альфа старается быть круче Беты, а Бета пытается стать круче Альфы, Гамма-банк снимает вашу Дельту!»

Или, пожалуй, еще агрессивней:

*«Альфа-банк надежен, как танк,
А Гамма-банк надежен как банк!»*

Это было совсем хорошо, только здесь выпадала «дельта». Можно было заменить в первой строке «надежен» на «стучит», тогда получалось вообще расчудесно, если не считать того, что пропадала вся игра слов, а вместо них начинало поигрывать очко: все-таки Степа знал, что Гамма-самцам лучше не наезжать на Альф без крайней

необходимости. И напоследок ассоциативные сети притащили еще одного мертвеца — строчку «*Банки грязи не боятся*».

Писать слоганы было не его делом, это Степа чувствовал. Но было ясно, что профессионалы, хотя бы тот циничный специалист, которого Мюс привлекала для оформления плоскости на Рублевке, сумеют правильно расположить гамму и дельту множеством разных способов.

Боря Маросеев наконец добился от сурка всего, чего хотел, и успокоился. После короткого рекламного блока анонимные итальянцы запели про ад — так, во всяком случае, казалось по припеву «*бона сера, бона сера, синьорита*». Это было мрачновато.

— Радио замучило, — сказал Степа шоферу. — Поставь-ка «*Von Jovi*».

Он часто слушал эту группу — не потому, что любил их музыку, а по гораздо более серьезным причинам. Шофер загнал компакт-диск в приборную доску, и вместе с первыми гитарными риффами в Степин аквариум всплыла мурена сомнения. Слово «гамма» точно не встречалось в бизнесе, это он помнил. А вот «дельта»... Что-то такое было. Этим термином, взятым из институтского курса математики, еще во времена компьютерной лихорадки называли разницу между затратами и прибылью. Комсомольцы восьмидесятых и девяностых молились на «дельту» примерно так, как он — на число «34». Не может быть, чтобы никто из них до сих пор не вооружился этим словом.

Степа вынул мобильный и набрал номер Мюс.

— Мюсюсь, это Пика. Узнай-ка, есть в России банки, в название которых входит слово «дельта». И какие у них PR-слоганы. Сразу перезвони.

Мюс перезвонила через пятнадцать минут. Дельта-банков в России существовало около двадцати, а с учетом тех, которые успели исчезнуть с лица одной шестой, их набиралось около сорока. Насчет слоганов Мюс просила дать ей время — пока она выяснила только один, которым был вооружен московский «Дельта-кредит»:

«Дельта-кредит. Полная гамма услуг».

Дельта, потом гамма. Четыре, за ним три. Мало того, еще одно «43» было заключено в словосочетании «Дельта-кредит»: буква «дельта» давала четверку, а буква «к» — тройку, поскольку в ней было три угла. Степа застонал, словно в спину ему вонзилось зазубренное копьё, и повалился на сиденье. Водитель испуганно поглядел назад и затормозил.

— Ничего, — сказал Степа чуть слышно, — ничего. Сейчас.

Вот так, подумал он, когда предсердечная тоска отпустила. Пока «Альфы» с «Бетами» мочат друг друга в кустах, а «Гаммы» имеют всех самок в стаде, «Дельты» открывают свой бизнес на соседней поляне. И поделаться с этим ничего нельзя. Капитализм.

Вечером Степа принял снотворное, и ему приснились похороны. Он стоял возле могилы, на дне которой лежал розовый пластмассовый гробик. В нем была идея, которая родилась у него днем. Степе хотелось вскрыть гробик, чтобы посмотреть, как выглядят мертвые идеи, но он не решался, потому что был в этом печальном месте не один.

На другом краю могилы сидел пьяный сурок в шапке-ушанке, на которой сверкала начищенная кокарда с буквой «альфа». Оправдываясь, сурок что-то лопотал в мобильный и моргал красными глазами. На шее у него виднелись два больших фиолетовых засоса. Степа, чтобы не обидеть его, делал вид, что слушает через прижатую к уху расческу. Но думал он совсем о другом — о том, что не будет менять названия своего банка, просто станет относиться к планете, на которой живет, немного хуже. И все.

Утром Степа проснулся разбитый и отменил обе назначенные на день встречи.

43

Через несколько дней на стол перед Степой легла красная сафьяновая папка со справкой по «Дельта-кредиту», которую подготовила Мюс. В папке была большая цветная фотография и девять покрытых мелким шрифтом страниц. От каждой из них у Степы осталось такое чувство, будто ему дали кулаком по роже — причем каждый раз удар наносился под другим углом, чтобы он не привыкал.

Президента банка звали Георгий Варфоломеевич Сракандаев. Он происходил из старообрядческого рода, где мужчин несколько веков подряд называли только именами «Георгий» и «Варфоломей». Не надо было быть индейцем-следопытом, чтобы распознать в имени «Георгий» то же число, которое, злобно хохоча, заявляло о себе

в слогане «Дельта-кредит. Полная гамма услуг!». Первой шла четвертая буква алфавита, в слове было три гласных. Вопросы есть? Нет. Но этим не ограничивалось: инициалы Георгия Варфоломеевича, «Г» и «В», тоже давали «43»! Мало того, Степа ясно слышал в слове «Сракандаев» чуть искаженный корень «сорок», а в конце, чтобы не оставалось никаких сомнений, снова стояла третья буква алфавита. Тройное зло — очевидное, наглое, жирное, самодовольное, уверенное в своей безнаказанности и даже не думающее скрываться.

В справке говорилось, что друзья и партнеры по бизнесу называют Сракандаева Жорой, и в светской хронике он фигурирует только под этим именем.

ЖОРА СРАКАНДАЕВ... Степа долго-долго вглядывался в это странное словосочетание, похожее на червя. Буква «Ж» напоминала челюсти-жвала, следующая за ним «о» — ротовое отверстие, а конечная «в» — округлые мягкие ягодицы. Первое слово как бы ело; второе — оправлялось; все остальные буквы были органами пищеварительного тракта. Это словосочетание медленно двигалось влево, в область непожранного, а то, что стояло в строке справа от него, казалось выброшенным из организма калом... Но Степа понимал, что такое восприятие могло быть обусловлено его предубежденностью и другой человек не заметил бы ничего подобного.

В те времена, когда Степин «Sun-bank» был еще «Санбанком», сракандаевская «Дельта» называлась «Мунспецбанком». Прочитав это слово, Степа почувствовал томление в груди и несколь-

ко секунд дожидался, пока оно пройдет. Из дальнейшего следовало, что это — сокращенное «муниципальный» и не имеет никакого отношения к английскому «Moon». Но ведь и «Sun» из его собственного логотипа когда-то означало не солнце, а санитарию. Выходила странная вещь: фирма, начинавшая когда-то с тех же форм социальной мимикрии, что и «Санбанк», была с самого начала абсолютным антиподом его солнечного детища. Такое, Степа чувствовал, не могло быть простым совпадением.

Перевернув еще одну страницу, он получил новый удар. Адрес «Дельта-кредита» был такой — улица Курской битвы, дом сорок три. Еще одно совпадение? Степа криво ухмыльнулся. Не просто Курская улица, *улица Курской битвы*.

Он хорошо помнил, каких трудов стоило найти подходящий особняк за номером тридцать четыре для здания «Санбанка» — были проверены все улицы внутри Садового кольца, а потом на взятки ушло столько денег, что ими можно было бы серьезно поддержать отечественное ракетостроение. Его лунный брат (а в этом Степа уже не сомневался) оказался куда удачливей — боги зла послали ему не просто дом номер сорок три, а *дом номер сорок три на улице Курской битвы*. Степа не мог подкрепить свою догадку ни одним рациональным аргументом, но был уверен, что Курская битва 1943 года занимала в личной мифологии Сракандаева такое же место, как и в его собственной, только с обратным знаком.

Больше того, «Дельта» была таким же карманым банком, как и Степино детище (может, чуть посерьезней), и тоже была некоторым образом

связана с нефтью и трубой, только обслуживала русско-немецкий консорциум «Айн Нене», зарегистрированный для ухода от налогов на территории Ненецкого автономного округа. Про «Айн Нене» удалось узнать на удивление мало — концы были спрятаны в воду так хорошо, что это тоже походило на семейный бизнес. Если так, Сракандаев был серьезным врагом, очень серьезным.

Но Степа не собирался сдаваться без боя. После заключения контракта с «Ойл Эве» он и сам предполагал, что работает на семейный бизнес (поэтому, попав в компанию, где кто-нибудь начинал высказываться про Татьяну Дьяченко или Романа Абрамовича, он вставал и с гордо поднятой головой выходил из комнаты). Так что весовая категория была одна.

Еще про Сракандаева было известно, что в свободное от работы на главного клиента время он занимался тем, что помогал надежно уводить из страны деньги — но проценты за это брал огромные, около пяти-шести. Кроме того, ходили слухи, что в бурные девяностые он заказал нескольких человек — но доказательств, естественно, не было.

В остальном бизнес Сракандаева строился вдоль тех же силовых линий, что и Степин. Удивляться тут было нечему: других в природе уже не встречалось. Может быть, их вообще никогда и не существовало, просто раньше, в романтические времена первоначального накопления, казалось, что они есть? Это был вопрос отвлеченный и философский, а такие, Степа знал, внятных ответов не имеют.

В практической области ответа тоже не ожидалось, но по другой причине: там уже давно не возникало никаких вопросов. С первого взгляда было ясно, что схемы, которые применял «Дельта-кредит», ничем не отличались от бизнес-технологий «Санбанка». И Степа, и Сракандаев были маленькими живыми винтиками в двигателе непостижимого уму «Мерседеса» — березового «Геландвагена» с тремя мигалками, который сменил гоголевскую птицу-тройку и так же неудержимо — чу! — несся в никуда по заснеженной равнине истории.

У каждого из них имелось свое уникальное место на общенациональной экономической синусоиде, но функция была одна и та же — сама синусоида, и это не могло быть иначе, потому что в любом другом случае мест на ней у Степы со Сракандаевым уже не оказалось бы. Чисто тригонометрия. В среду наступала Степина очередь перевести, обналить, снять, откинуть, отмазать, отстегнуть, отогнать и откатить, а в четверг приходила очередь Сракандаева, и в эти минуты каждый из них был, возможно, самым важным для страны человеком. Но этим календарным сдвигом разница между двумя банками по большому счету и ограничивалась — в остальном они были экономическими близнецами, и даже «крышевал» их, как выяснилось, один и тот же джедай — Леня Лебедкин.

Зато как люди Степа и Сракандаев отличались очень сильно. Так, во всяком случае, следовало из досье.

Сракандаев слыл покровителем изящных искусств и имел множество друзей среди московской

богема. Степа эту публику презирал, полагая, что богема существует главным образом для того, чтобы скрашивать досуг дорогих адвокатов.

Сракандаев собирал картины современных художников. Степа считал всех их без исключения наперсточниками духа, причем нечистого.

Сракандаев проводил ночи в элитных ночных клубах. Степу туда было не заманить.

Сракандаев ездил на «астон-мартине» (модели «Vanquish 12», как у Джеймса Бонда, только у Бонда не было мигалки, а у Сракандаева была). Степа предпочитал солидно-патриотичный «Русич-V700», сделанный на основе классического «Геландвагена» (у него была одна из первых моделей штутгартского бюро по доводке «Брабусов» для клиентов из России, и он страшно ею гордился, хоть купил машину не новой).

Сракандаев любил водить сам. Степу, который терпеть не мог сидеть за рулем, возил шофер.

Словом, разница между ними была такая же, как между числами «34» и «43», — вся возможная плюс еще немного.

В справке приводилось два странных факта со ссылкой на «конфиденциальные источники». Во-первых, рабочий кабинет Сракандаева в «Дельта-кредите» был обит пробкой для звукоизоляции. Зачем, было непонятно. Во-вторых, в богемных кругах Сракандаева называли Ослик Семь Центов. Почему ему дали такое прозвище, Мюс не смогла установить.

Степа в десятый раз поглядел на фотографию. На него смотрело глуповато-добродушное лицо с рыжеватыми усами и чуть косыми щелками хит-

реньких глаз. Захлопнув папку, Степа уставился в окно.

«Ослик, — подумал он, — но почему ослик? При чем тут ослик? Может быть, так: ноги дают цифру четыре, а уши плюс хвост дают три, итого получаем известно что... Но почему сначала ноги? И почему хвост надо считать с ушами, а не с ногами? Он ведь ближе к ногам. Одни загадки. Что это за „семь центов“? Наверно, сначала тоже был пакт с семеркой. А потом — четыре плюс три? Вместо моих три плюс четыре? Похоже. Правильно говорят, что зло — это просто зеркальное отражение добра. Но почему центы? Ах, если б знать, если б только знать».

43

Офис «Дельта-кредита» размещался в довольно странном здании. Это была полуразрушенная церковь, не представлявшая, видимо, ни исторической, ни архитектурной ценности: патриархия не предъявила на нее прав. Архитектор восстановил ее необычным способом: в завершенном виде здание выглядело не как отреставрированный храм, а как странный гибрид — модерновая конструкция, встроена в чуть укрепленные стальными стяжками развалины. Небольшая пирамида из графитового стекла, вписанная в кирпичные руины, читалась как буква «дельта» — в общем, вышло стильно, остроумно и в меру святотатственно. Степа испытал зависть — его собственный офис, располагавшийся в *солидном особняке*, выглядел

по сравнению с этим авангардным шиком по-купечески пошло.

Несколько раз проехав мимо «Дельта-кредита» на машине, Степа решился наконец проникнуть на враждебную территорию. Перед этим он в первый раз в жизни загримировался.

У него уже много лет пылилась в шкафу пегая борода, купленная спьяну в лондонском театральном магазине вместе с тюбиком спецклея. Она сделала его похожим на чеченского полевого командира. Немного подумав, он натянул свитер крупной вязки а-ля Хемингуэй, чем окончательно закрепил сходство с сепаратистом в поисках жанра.

Возможно, именно по этой причине охрана пустила его внутрь без расспросов, хотя у Степы наготове был проспект «Дельта-кредита» и вопросник по поводу кредитования — в крайнем случае он собирался выдать себя за ходока от бизнесменов из Сибири.

В приемной дожидалось несколько человек. У двери в кабинет Сракандаева сидела секретарша. Степа быстро сел в кресло возле входной двери, закинул ногу за ногу и закрылся потрепанным номером «Коммерсанта» с большим портретом Березовского на первой полосе.

Этот камуфляж не был случайной импровизацией. Степа знал, что в мозгу любой секретарши имеется область, по функциям близкая к определителю «свой — чужой» на станции противоздушной обороны. Как именно этот определитель работает, Степа не имел понятия. Зато он знал, как его обмануть. Это был, можно сказать, боевой

опыт — именно так один сумасшедший, точно знавший, где находится вход в Шамбалу, целый день прятался в его собственной приемной прямо напротив стола Мюс, которая потом долго не могла понять, откуда он выскочил при появлении Степы.

— Прямо из воздуха, — говорила она, разводя руками. — *Incredible!*¹ Может, он и правда знает, где эта Шамбала?

Теперь у Степы в руках была та самая газета, конфискованная у сумасшедшего охраной (он не знал, что именно ставит такую надежную помеху вражеским радарам — портрет Березовского, слово «Коммерсант» или вся икебана, поэтому решил не рисковать). Все произошло, как Степа и надеялся: секретарша Сракандаева подняла на него глаза, увидела фото на первой полосе и тут же о чем-то задумалась. Вопросы о цели визита не последовало.

Оглядывая приемную из-за газеты в крошечный японский монокуляр, Степа словно открывал карты адского пасьянса. Они ложились одна к одной. На стене висели две картины — маленькая и большая. Обе на военную тему, по последней моде, но Степа быстро понял, в чем их подлинный смысл.

Первая, очень старая, изображала отряд гусар, несущийся куда-то сквозь клубы голубого перистого дыма (в небе над ними висела аккуратная красная надпись: «*Семену Кожеурову на память от бойцов четвертой Гвардейской орденоносной штрафной бронетанковой дивизии*»). Вроде бы во

---

¹ Невероятно!

всем этом не было никакого криминала, но картина называлась «Прорыв». Сорок третья гексаграмма «Книги перемен» — комментарии были излишни.

С большой картиной дело обстояло еще мрачнее. Ее автором был некий Лукас Сапрыкин — видимо, кто-то из богемных приятелей Сракандаева. Она называлась «Курская битва». Одного этого было достаточно, чтобы испортить Степе настроение на весь день. Но то, как именно Лукас Сапрыкин увидел Курскую битву, вызвало у Степы спазм предсердечной тоски. Картина изображала розовую «тридцатьчетверку», стоящую посреди поля, по которому бродили огромные тигры. На башне танка сидел на четвереньках голый человек в маске Бэтмана и гадил прямо в открытый люк.

После этого удара под дых Степа уже не удивился, опознав истребитель «МиГ-29» в модели самолета, стоявшей на столике в углу приемной. Это было естественно — число «29» являлось главным союзником сорока трех, и где же было обретаться его ядовитым щенятам, как не в логове зверя. Дальнейший осмотр помещения, возможно, открыл бы Степе новые сближения и смыслы, но тут в приемную вошел раскрасневшийся с холода Сракандаев.

Он был такой же, как на фотографии, — похожий на хитрого хомячка, знавшего что-то такое, что делало его главнее не только лисы, волка и медведя, но и голого Березовского с калькулятором в руке.

— Вы ко мне? — спросил Сракандаев, пальцем отводя Степину газету.

Секретарша изумленно поглядела на Степу, потом — испуганно — на босса, потом опять на Степу.

— Я... — начал Степа, складывая газету. — Я...

— Придется часик подождать. У меня одно дельце... Зоя, угости господина чаем, — сказал Сракандаев и прошел в кабинет. Степа успел заметить необычайно толстый дверной торец.

— Простите, — вставая из-за стола, заговорила секретарша, — господин... э-э-э... А вы, собственно, по каком вопросу?

— По личному, — тоже вставая и пятясь к выходу, ответил Степа. — Одну секундочку. Пидараску в машине забыл... То есть, извините, барсетку.

Закрыв за собой дверь, он со спокойным достоинством дошел до ворот, у которых стояла будка с охранником, вышел на улицу и легко, как во сне, понесся по улице вниз.

10 000

Степу восхищала принятая в восточной поэзии форма хайку. Их было очень легко писать — за триста долларов его обучил этому Простислав. Не надо было подыскивать рифмы, мучаться с размером. Достаточно было разбить спонтанно родившиеся в сердце слова на три строчки и проверить, не встречается ли среди них слово «километр». Если оно встречалось, надо было заменить его на «ли». После этого можно было целую минуту ощущать себя азиатом высокой души, что

Степе очень нравилось, несмотря на косые взгляды Мюс.

Обдумав свой визит в «Дельта-кредит», он сложил следующие строки:

Десять тысяч ли за спиной.
Иные птицы поют в ночи,
А грабли все те же.

Что это за иные птицы и десять тысяч ли, Степа сам не понимал, поскольку написал про них просто для красоты. Зато он хорошо знал, что это за грабли.

Пытаться выполоть ростки числа «43» было бесполезно, он понял это еще в те дни, когда расстреливал тарелки и кефирные пакеты у себя на даче, а потом увольнял меченых злом сотрудников. Лезть в нору Сракандаева было еще глупее. Вроде бы это было ясно. И вот он чуть не попал в расставленный самому себе капкан. Даже думать не хотелось, что за скандал случился бы, задержи его охрана Сракандаева для установления личности...

Правильный путь лежал в диаметрально противоположной стороне. Что делал Сракандаев, вешая у себя в приемной картину «Курская битва»? В полном соответствии с учением Бинги, он укреплял позиции того числа, которому служил (после визита в его офис никаких сомнений в этом у Степы не осталось). Следовало делать то же самое.

Степа был близок к верному решению, когда ему пришла в голову мысль переименоваться в «Гамма-банк». Чем это кончилось, известно — из

пустоты ему навстречу вывалился Ослик Семь Центов («Почему ослик? Ну почему? — в сотый раз подумал Степа, и в сотый раз повторил себе: — Не отвлекаться!»). Однако неудача с проектом «Гамма-банка» не означала, что порочна сама идея — ее можно было воплотить в жизнь множеством способов.

Если «34» нельзя было спрятать в названии финансовой структуры, его можно было тайно вставить, например, в название телепередачи. Такое решение было значительно мощнее с энергетической точки зрения — высветить заветное число на экране было все равно что записать его огромными цифрами на небе.

После кропотливого просеивания вариантов Степа придумал нечто такое, чему приятно поразился сам. И чем больше он думал о своей новой находке, тем сильнее она его радовала. Но надо было спешить — времени оставалось в обрез.

Мюс дулась на него в последнее время, и он рад был лишний раз показать, как ценит ее помощь.

— Мюсюсь, — сказал он, — без тебя опять никуда. У Пикачу появилась идея новой телепередачи. Помнишь, нам один человек придумывал текст для стенда на Рублевке? Циничный специалист? Можешь его найти, киска? Возможен большой заказ. И кстати, подготовь по нему самому информацию — дело такое, что надо знать, с кем работаешь.

Циничный специалист прибыл на следующий день. Ознакомившись со справкой, которую приготовила Мюс, Степа заранее проникся к нему

смесью уважения и брезгливости, но впечатление от встречи перекрыло все ожидания.

Его звали Малюта. Это был здоровенный мрачный жлоб с жидкой ленинской бородкой (она казалась не просто козлиной, а именно ленинской оттого, что Малюта рано облысел). Одет он был в камуфляжные штаны и красную майку с закавыченной надписью:

«Ghostmodernizm Rulez!»

На первой минуте разговора Малюта потребовал аванс в десять тысяч долларов.

Степа хотел указать ему на дверь, но вспомнил, что в сочиненном недавно хайку присутствовала эта же цифра, взявшаяся непонятно откуда. Могло ли быть так, что числа посылали ему знак? Степа нажал клавишу селектора и попросил Мюс приготовить деньги. А затем предложил Малюте показать какие-нибудь из своих работ.

— У меня такая профессия, — сказал Малюта, — что лучших своих работ я показать не могу. Хотя все их видели. Все делается строго конфиденциально. Поэтому у меня тут в папочке в основном экспортные проекты. Ну и болванки — просто чтоб ознакомить со спектром возможных услуг...

Степа открыл папочку и углубился в чтение.

Внутри было много всего, в том числе разработки PR-концепций для Наполеона Бонапарта, Бату-хана и прочих кровавых исторических фигур. Раздел под названием «Персидские мотивы» был посвящен вооруженному исламу. Он был большей частью на английском, так как предна-

значался, по словам Малюты, для богатых нефтяных арабов. Степа особенно выделил два слогана для Аль-Каеды:

«Al-Qaeda. People who care»¹.

и

«Al-Qaeda. Men in White»².

Был и слоган для «Хамас»:

«Hamaz. All it takes is a gentle touch of a button!»³

Снизу была приписка карандашом: «Украдено CNN text». Кое-чего из персидских мотивов Степа просто не понял, как, например, следующую рекламу виски:

«No matter what your journey is, keep walking!
Johnny Walker Lyndh, Taliban USA.
The Green Label»⁴.

Степа поднял глаза.

— И чего, покупают?

— В Саудовскую Аравию со свистом уходит, — ответил Малюта. — Правда, не знаю, что они там с ними делают. Может, в гаремах на стены вешают.

— В Саудовскую Аравию? — недоверчиво переспросил Степа.

Малюта кивнул.

— Очень реальная клиентская база, — сказал он. — Нормальные люди, нам бы таких побольше.

---

¹ Аль-Каеда. Люди, которым не все равно.

² Аль-Каеда. Люди в Белом.

³ Хамас. Просто нажми на кнопку!

⁴ Куда бы ты ни направлялся — продолжай шагать (слоган виски *Johnny Walker*)! Джонни Вокер Линд, Талибан США. Зеленая этикетка.

Я им даже апгрейд национального флага придумал. В оригинале пальма, а под ней две сабельки. А у меня эскиз есть, где вместо сабель скрещенные *box-cutters*, в смысле эти разрезатели коробок. И выглядит современно, и национальный колорит сохранен...

— И чего они сказали?

— Я не показывал, — ответил Малюта. — Пока рано. А вот лет через пять, как обстановка дозреет, можно будет говорить. Вполне реальный вариант, между прочим.

Отдельное место в папке занимала полностью разработанная концепция-болванка для политической партии крупных латифундистов под названием «Имущие вместе». Она включала моцартиански-вдохновенный манифест на десяти страницах, назидательное обращение к согражданам, тезисы по работе с сельской молодежью и прочее. Насколько Степа мог судить, все было сделано очень грамотно. Особенно впечатляла центральная идеологема движения — «*Семейные ценности*». Степа даже не сразу понял. А когда понял, уважительно кивнул головой — это дорогого стоило. Главное, такая гуманистическая идеология выигрышно смотрелась бы на международной арене, где никто и не понял бы, о какой семье речь.

Концепция включала визуальные материалы. Сильное впечатление на Степу произвел плакат, где озверевший бородатый чечен, похожий на молодого Карла Маркса, тянул загнувшую лапу-свастику к груди матери-родины, которая держала на руках младенца с полными византийской грусти глазами. За спиной матери-родины был

сельско-индустриальный пейзаж со свекольно-алюминиевыми коннотациями. Усатый гренадер в кивере с двуглавым орлом втыкал в лапу чечена сине-бело-красный штык. Плакат пересекала тревожная кровавая надпись:

«Руки прочь от семейных ценностей!»

Был и другой вариант, где бородатый чечен с красным флагом, покрытым зелеными письменами, и гранатой в зубах пытался взобраться на сверкающую нефтяную вышку, но луч прожектора, которым управляли brave ребята в триколор-трико, вырывал его зловещую фигуру из темноты (этот плакат Степе понравился меньше — он определенно был содран с одной из известных картин на тему «штурм Рейхстага»).

Малюта разработал не только лозунги нового движения (*«Семейные ценности — это наше все!»*; сокращенный, энергичный вариант — *«Наше все!»*), но и в общих чертах наметил, откуда исходит угроза миру:

«Конкретное наполнение образа врага будет обдумано позднее. В настоящий момент предлагается только название-идентификатор „Козлополиты“ (вариант — „Лолиты и Козлополиты“), обеспечивающее такую же культурную преемственность, как и представленные визуальные решения, ориентированные на генеральную линию по активации „дремлющего“ подсознательного психосостава».

Еще через страницу Степа наткнулся на загадочный лист с рукописными строчками:

«Ветер в харю, Yahoo! — ярю».

«В папку „либеральные шествия“: баннер «За Е. Боннер!»»

«Человек рожден для счастья, как птица для полета! Чикен Макнаггетс» (вариант — «Фуа гра»).

«Тунец в собственном соку. Stay Tuned! ¹ (украдено CNN news)».

— А это что? — спросил он, показывая лист Малюте.

— Так, — ответил Малюта. — Эскизы. Пока клиента ждешь, много полезного в голову приходит.

Степа остался доволен собеседованием. С таким человеком можно было не тратить времени на предисловия. Все же, чтобы произвести на Малюту впечатление своей осведомленностью, он заглянул в справочку, подготовленную Мюс.

— А правда, — спросил он, — что ты с самим Татарским работал?

Малюта перекрестился.

— Первый учитель, — сказал он. — Всем худшим в душе обязан ему. Только я из политики давно ушел. И не переживаю — денег меньше, зато черти не снятся. Так что этот старый пиардун никакого отношения ко мне теперь не имеет.

Степа начал объяснение издали, потому что ему самому было не до конца ясно, какой должна быть задуманная им передача. Он твердо знал только ее название. Кроме того, после слов Малюты о Татарском он с самого начала хотел разъяснить, что к реальной политике проект отношения не имеет.

---

¹ Оставайтесь на нашем канале.

Усадив Малюту в кресло с орнаментом из разноцветных кружков (такой же паттерн был на всей мебели в офисе: три черных пятна, перекрывающих четыре красных кружка, и так — много раз на каждом метре обивочной ткани), Степа принялся излагать общие соображения, которыми Малюте следовало руководствоваться.

— Понимаешь, — сказал он, — страна долгое время производила гораздо больше политики, чем требуется для внутреннего рынка. А время такое, что не очень понятно, чем этим политикам заниматься и на кой они вообще нужны. С другой стороны, без политики тоже нельзя. Это как культура там или футбол — убери, и сразу будет чего-то не хватать. Так вот, есть идея, что политику следует постепенно перевести в спортивно-игровую плоскость, где она будет шумно бурлить, никого реально не обижая. Понимаешь?

— Угу, — отозвался Малюта и сделал пометку в блокнотике.

— В общем, надо, чтобы все тяжелейшие вопросы, которые будоражат сегодня русский ум, решались в легкой и юмористической манере, снимающей классовый антагонизм и межнациональные трения. Для этого нужно придумать пару мультимедийных героев, которые будут эти проблемы остро ставить и еще острее снимать. Цель — проложить в уме телезрителя первую борозду, вдоль которой он мог бы думать дальше, углубляя ее при каждом движении мысли... Я понятно говорю?

— Еще как. А имена у героев есть?

В кабинет вошла Мюс с плотно набитым конвертом в руках.

— Есть, — сказал Степа, взял у нее конверт и написал на нем два слова остро отточенным карандашом (чешский «Koh-i-noor», правильная вещь).

— Вот они, — сказал он, протягивая конверт Малюте. — Таким же будет и название передачи.

Малюта прочитал название и хмыкнул.

— Все понятно, — сказал он. — Сделать можно. Но постмодернизм, вообще-то, уже давно неактуален.

— Что это такое — постмодернизм? — подозрительно спросил Степа.

— Это когда ты делаешь куклу куклы. И сам при этом кукла.

— Да? А что актуально?

— Актуально, когда кукла делает деньги.

Степа решил, что это намек на его бизнес и на него самого. Он разозлился.

— Запомни, Малюта, — сказал он. — Медицина утверждает, что пидарасы бывают трех видов — пассивные, активные и актуальные. Первые два вида ведут себя так потому, что такова их природа, и к ним претензий ни у кого нет. А вот третий вид — это такие пидарасы, которые стали пидарасами, потому что прочли в журнале «Птюч», что это актуально в настоящий момент. И к ним претензии будут всегда. Понятно?

— Я понимаю, что вы хотите сказать, Степан Аркадьевич, — спокойно ответил Малюта. — Но мне кажется, что картина несколько сложнее. Есть еще более страшный вид пидарасов, четвертый. Это неактуальные пидарасы. Именно сюда относятся те пидарасы, которые выясняют, что

актуально, а что нет, в журнале «Птюч». Кроме того, сюда относятся постмодернисты. О чем я, собственно, и пытался вам сказать...

Степа понял, что с его сабелькой лучше не лезть в атаку на этот могучий пулемет, особенно при внимательно слушающей Мюс (не было сомнений, что она занесет все услышанное на одну из своих перфорированных карточек). Кроме того, он понял, что Малюта вряд ли хотел его обидеть, но если захочет, сможет легко.

— Ладно, — успокаиваясь, сказал он, — запомним для ясности... Ты, короче, не вычисляй, что актуально, а что нет. Все, что надо, я уже вычислил. Талант у тебя есть, это я вижу. Твори, как сердце скажет. Только тихо-тихо.

— В каком смысле?

— Просьба ничего не разглашать. Коммерческая тайна.

— У матросов нет вопросов, — отозвался Малюта и как-то странно поглядел Степе в глаза.

Ровно через три часа позвонил капитан Лебедкин.

— Я тебе зачем жизнь спас? — грозно спросил он. — Чтоб ты в политику совался?

— Я... — начал Степа.

— Да не ссы, — весело сказал капитан. — Шу-чу. Идея всем понравилась. Как раз о чем-то таком думали, понимаешь, только нащупать не могли. Проект теперь курирую я. Так что сплотимся еще теснее. Если серьезно, Степ, придумал отлично. Выношу благодарность перед строем.

— Служу Советскому Союзу, — ответил Степа.

— Ты никогда так больше не говори, — серьезно сказал капитан. — У меня с юмором хорошо,

а у других наших — нет. Подумают, что ты на присягу намекаешь. Кинут обидку, попадешь на лэвэ, тебе это надо? И это повезет еще, если на лэвэ. За честь офицера, Степа, вообще захуячить могут только так. И Малюту не грузи, что он к нам пошел, личная просьба. У него такая работа, что нельзя иначе.

— Понял, — ответил Степа.

— Ну как, приятная неожиданность? — хохотнул Лебедкин.

— Ничего особенно неожиданного в этом нет, — ответил Степа. — Но все как-то очень внезапно, капитан...

34

Проект был представлен Малютой через неделю после встречи. Степа читал его за столом в кабинете, усадив Малюту в принесенное из бухгалтерии низкое кресло, в котором любой посетитель выглядел глупым и маленьким — хотелось отплатить за пережитое унижение. На первой странице папки, по дизайну чем-то похожей на документ из иракского отчета о вооружениях, весело сияли два слова:

«Зюзя и Чубайка»

Степа поежился от удовольствия, увидев эти имена. «34» сияло в них ясно и отчетливо, безо всяких вычислений, подтасовок и сепаратных договоренностей с самим собой. Русский язык действительно был могуч — он делал возможным ма-

невр, соединявший в себе полную обнаженность с абсолютной маскировкой.

Малюта описал героев так:

«Зюзя, в тельняшке и кепаке, с грубо-народным лицом, искаженным гримасой подступающего гнева, напоминает резиновый манекен для боксирования. Таким манекенам специально делают хари, вызывающие страх и естественное желание его преодолеть».

Чубайка, на чьей стороне немедленно оказываются симпатии зрителя и особенно зрительницы, — очаровательно улыбающийся хитрюга, одетый в безупречную черную пару с галстуком-бабочкой».

Их роли Малюта увидел следующим образом:

«Первым в кадре появляется Зюзя, который работает чем-то вроде канала народного самосознания. Он выговаривает накипевшее у всех на душе с предельной откровенностью, так что у зрителя аж дух захватывает. После того как захват духа произведен, в кадре оказывается Чубайка. Не ввязываясь в спор по существу, он отпускает беззлобно-ироничный комментарий, рождающий в зрителе робкое понимание того, как следует думать и говорить, чтобы когда-нибудь покинуть зону этого самого народного самосознания и быть принятым в ряды немногочисленных, но отлично экипированных антинародных сил».

Малюта сумел не только сформулировать то, что сам Степа представлял себе более чем смутно, но и написал несколько примерных диалогов, за которыми уже просматривались контуры бу-

душей передачи. Поскольку это был только проект, Малюта не церемонился, включая своего внутреннего Зюзя на полную мощность. Было настоящим наслаждением наблюдать, как его внутренний Чубайка поднимал из окопа ствол и делал бедному Зюзе очередную дыру.

Степа заметил в тексте явное эхо недавней дискуссии об актуальности постмодернизма:

«Непонятно, Чубайка, почему либеральную буржуазию называют либеральной. Это носитель запредельно тоталитарной идеологии. Если разобраться, весь ее либерализм сводится к тому, что трудящимся разрешено в свободное время еб...ть друга друга в ж...пу».

На что Чубайка отвечал:

«Извините, Зюзя, но это большой шаг вперед по сравнению с режимом, который даже это считал своей прерогативой».

Иногда Зюзя брал верх в споре:

«Главная задача обработки нашего сознания, Чубайка, может быть сформулирована так: несмотря на то что нам разрешается думать только о деньгах, у нас ни на секунду не должен возникать главный вопрос по их поводу».

«Какой главный вопрос, Зюзя?»

«Вот, Чубайка, видите, насколько эффективно обрабатывается наше сознание».

Впрочем, Степа допускал, что это ему показалось, будто Зюзя взял верх, а у зрителей сложилось бы совсем другое мнение. В любом случае

было видно — Малюта рубит фишку, как капусту. Степа окончательно утвердился в этой уверенности после короткого спора, который произошел у него с Малютой по поводу следующего отрывка:

«У российской власти, Чубайка, есть две основные функции, которые не меняются уже много-много лет. Первая — это воровать. Вторая — это душиТЬ все высокое и светлое. Когда власть слишком увлекается своей первой функцией, на душевное время не хватает, и наступает так называемая оттепель — ярко расцветают все искусства и общественная мысль...»

«Так что ж вы, Зюзя, воровать мешали? Не жалуйтесь теперь, что вас душат».

Степа поднял глаза на Малюту и сказал с раздражением:

— Чего? Когда это коммуняки воровать мешали? Кому?

— Вот, — с удовлетворением сказал Малюта, — работает.

— Что работает, дубина?

— Концепция. Вызывает эмоции.

Только тут Степа опомнился, все понял и стал читать дальше. С каждой строкой он испытывал к Малюте все большее уважение как к профессионалу. Тот на ходу улаживал такие проблемы, о существовании которых Степа даже не догадывался, и с балетным изяществом перепрыгивал пропасти, у которых заведомо не было дна.

Малюта использовал интересную технологию обращения с проклятыми вопросами. Надо было не отвечать на них, а разъяснять телезрителю, что возня вокруг этих тем не сделает счастливым ни-

кого. А человек — на чем предлагалось сделать акцент — имеет право на счастье.

«Задача проекта, — писал Малюта, — не разубедить телезрителя в том, что страной распоряжается компания жуликов (в настоящее время это представляется нереальным по причинам объективного характера). Задача в том, чтобы на ярких и запоминающихся примерах разъяснить, какое следует делать выражение лица, услышав разговоры на эту тему („Ой, Зюзя, ну как же вы надоели своим занудством... Посмотрите, на улице лето, птички поют. Неужели вас ничего не радует в жизни?“)».

Прочитав этот абзац, Степа ощутил волну светлой энергии.

Он понял, что эти летние птички — те самые «иные птицы» из его хайку. «Запели, запели, — подумал он. — Как не спеть за десять тонн». Похоже, что числа были на его стороне: это, без сомнений, был знак.

— Аванс ты отбил, — сказал он, вставая из-за стола и с удовольствием потягиваясь. — Начинаем работать всерьез.

— У матросов нет вопросов! — повторил свою присказку Малюта и тоже встал из своего позорного кресла.

— Я тут говорил с капитаном Лебедкиным, — сказал Степа, глядя на него со значением. — Знаешь такого?

Малюта кивнул головой. Он выдержал Степин взгляд, никак не показав своих чувств — если они у него были.

— Он теперь все это курирует. Бюджет, план, сетка... Так что «крыша» у нас над головой надеж-

ная — не протекает. Думай и пиши. Ничего не пропадет.

— У големов нет проблемов! — ответил Малюта.

Степа не знал, кто такие големы, но подумал, что это, наверное, те, кто дает матросам не вызывающие вопросов команды. Раз у одних нет вопросов, у других нет проблемов — все логично. Вот только одно было неясно — кто дает команды самим големам. Степа так до сих пор этого не понял, хотя был в бизнесе давно. Имелся и другой вопрос, примыкавший к первому, который тоже часто тревожил его душу: если миром управляют числа, кто же тогда распоряжается числами?

— Кстати, насчет Лебедкина, — нарушил течение его мыслей Малюта. — Я тоже вчера с ним общался. Есть хорошие новости — он говорил?

— О чем?

— Может, лучше он сам обрадует?

— Давай, не темни, — сказал Степа.

— Он еще одного спонсора привлек. Так что теперь бюджет ровно вдвое больше. Развернемся по-настоящему.

— А что это за спонсор? — спросил Степа, которого охватила внезапная слабость, как перед первым толчком землетрясения, о котором еще не знает ум, но уже догадался инстинкт.

— Ослик Семь Центов, — сказал Малюта.

Инстинкт не обманул.

— Кто?? — фальцетом выдохнул Степа.

— Сракандаев из «Дельта-кредита». Знаете такого?

— Слышал, — ответил Степа, садясь на стул, с которого только что встал.

— Вы чего, Степан Аркадьевич? Будто и не рады?

Степа пожал плечами.

— Они в нашу концепцию-то не лезут? — спросил он непослушным ртом.

— Нет, — сказал Малюта. — Со всем согласны, удивительное дело. Только одна мелочь. Их специалисты поставили условие — чтобы название было не «Зюзя и Чубайка», а «Чубайка и Зюзя». И правильно, так точней. Нам же Чубайку двигать надо, да? Вот пусть он первый и канает. Успели поменять в последний момент.

— Какой последний момент?

— Перед тем, как на самом верху утвердили... Степан Аркадьевич, вы чего? Вам воды? Эй, секретарша! Степану Аркадьевичу плохо! Секретарша!

34

Решение убить Сракандаева созрело в Степиной душе мгновенно, словно кто-то выдвинул ее центральный ящик, положил туда написанный кровью протокол о намерениях и со стуком водвинул ящик на место. Проснувшись на следующий день после встречи с Малютой, Степа понял, что все уже решено. Сомневаться или переживать по этому поводу не стоило.

Стоило спешить. Если Бинга говорила правду. А пока что все указывало на это. Времени до дня рождения оставалось так мало, что он начал строить планы прямо в кровати.

Организовать дело через солидный канал он уже не успевал. А поручить его наспех найденному «профессионалу» было нельзя. Профессионал возьмет деньги, скажет, что у матросов нет вопросов, а потом раздастся звонок джедая Лебедкина. Оставалось одно — сделать все самому.

Это Степу не пугало — так оно было честнее. Кроме того, это могло быть и безопаснее. Кто подумает, что одну процентщицу замочила другая? Будут, как всегда в таких случаях, искать студента-идеалиста в длинном пальто.

Выходной камуфляж, опробованный в «Дельта-кредите», следовало доработать. К бороде добавились купленная на рынке черная ряса и *скуфейка* — так Степа называл про себя черный головной убор священнослужителя, похожий на бархатный шлем, хотя и не был уверен, что использует слово правильно. Там же был куплен большой нагрудный крест, сияющий водопроводной латунью. Школьный портфель из кожзаменителя сделал его облик окончательно правдоподобным. Кроме того, на вооружение были взяты старые часы «Луч» в квадратном металлическом корпусе и офицерские сапоги. Складывая все это в багажник автомобиля, Степа уже чувствовал себя преступником в международном розыске.

От страха он даже придумал, как взывать к подлинному божеству, ни на шаг не отступая от бессмысленного христианского канона. Делалось это так: сначала он обращался к тройке, бормоча: «Во имя отца и сына и святого духа!» — а потом сотворял четверку посредством крестного знамения. Это действие он отработал на старухах, ко-

которые подходили к нему во время двух тренировочных вылазок в метрополитен. Важно было не ошибиться в последовательности и не перекреститься до того, как призывалась Троица (что-то похожее, смутно припоминал он, делали во время черной мессы).

Когда проблема с одеждой была решена, встал вопрос об оружии. Всякие автоматы с глушителями, пистолеты с лазерным прицелом и прочие голливудские варианты Степа даже не рассматривал. Сначала он остановил свой выбор на длинном кухонном ноже из золингеновской стали. На нем была маркировка, напоминавшая о рассказе Конан Дойла «пляшущие человечки», что делало его подходящим для планируемого макабра. Однако по зрелом размышлении он решил, что это не годится — он вряд ли сумел бы зарезать человека ножом.

У него с давних пор хранился страшный сувенир — стреляющая ручка немецкого производства. Упаковка патронов тоже была — вместе с ручкой она лежала в коробке от сигар «Монтекристо». У патронов, похожих на окурки от дамских сигарет, были белые хромированные гильзы и пули со стальным сердечником. Несмотря на свои небольшие размеры, ручка была грозным оружием.

Степа опробовал ее на даче. С нескольких метров она насквозь пробивала железный горшок. Правда, были недостатки — во-первых, выстрел был громким. Во-вторых, ручку было неудобно держать, и отдача была болезненной. В-третьих, она сложно перезаряжалась — ее надо было развинтить, вынуть стреляющую гильзу, затем свин-

тить с новым патроном внутри и взвести спусковой механизм (на боку выскакивала тугая скобка-курок). Это была длительная процедура. Но дело должен был решить один выстрел. Височная кость Сракандаева вряд ли была крепче пяти миллиметров железа.

Открыв шкаф в спальне, чтобы спрятать ручку в каком-нибудь из пиджаков, Степа увидел обтянутую желтым шелком коробку, про которую уже забыл. В ней хранились три лингама победы, мистические ключи к дзенскому саду камней.

Степе в голову пришла неожиданная мысль.

Поставив коробку на стол, он вынул из нее один из продолговатых приборов, зеленый. Отверстие с торца казалось достаточно большим. Степа приставил к нему ручку, осторожно надавил на нее, и она исчезла внутри.

Однако вынуть ее оказалось непросто. Степа несколько раз махнул членом в воздухе, надеясь, что ручка выйдет из него под действием центробежной силы. Но она, вероятно, зацепилась за резину каким-то выступом.

Степа начал мять член в руках, осторожно сгибая и сжимая его в разных местах, чтобы ручка вышла наружу. В этих движениях было что-то настолько непристойное и одновременно возбуждающее, что на его губах появилась кривая улыбка.

Вдруг оглушительно хлопнуло — словно в руках у него взорвался воздушный шар. Степа увидел, что вместо священного лингама держит в руках что-то похожее на съеденный до половины недозревший банан. Разорванный выстрелом эзотерический инструмент превратился в резиновые лоскуты.

Пуля пробила ковер и ушла в пол. Степа даже не успел испугаться. Держи он член под другим углом, все проблемы могли решиться проще, чем он надеялся, хотя и совсем по-иному. Но, глядя на зеленый огрызок в руке, он задумался не об этом. И даже не о том, что выстрел прозвучал тише, чем раньше.

Сракандаев не был человеком, которого следовало убить по бизнес-необходимости. Для таких дел имелись специальные люди и методы. Сракандаев был мистическим врагом. Больше того, им был даже не сам Сракандаев, а тот дух зла, который опирался на него и действовал сквозь его физическую оболочку. Степа собирался поразить именно этого духа. А для этого мало было огнестрельного решения а-ля Муса и Иса. Степе нужен был не труп, ему нужна была победа над числом «43». Значит, следовало применить мистическое оружие, наподобие тибетского кинжала-пурбы или освященной серебряной пули. Что могло стодиться на эту роль лучше, чем *священный лингам победы*? Определенно, амитафинщиков послала судьба.

Степа взял из коробки другой лингам, взвел пустую ручку и аккуратно вставил ее внутрь. После нескольких минут экспериментирования выяснилось, что спуск безотказно срабатывает, если сильно сжать резиновый член посередине. Все остальные манипуляции были безопасны — можно было даже многократно ронять лингам на пол. Степа знал, что на резиноподобном пластике такого рода, скользком и чуть жирном на ощупь, отпечатки пальцев не остаются. Лучшего способа

спрятать оружие не придумал бы и консультант Аль-Каеды по западной психологии.

Возясь с лингамом, Степа снова обратил внимание на буквы, которыми он был исписан. Это была какая-то стойкая краска — Степины пальцы не причиняли ей вреда. Осмотрев содержимое коробки в офисе, он решил, что это какой-то восточный язык. Сейчас он понял, что буквы русские, просто сильно стилизованы под санскрит или что-то в этом роде. Они складывались в странную фразу: «Ом Мама Папин Хум». Над «м» в словах «Ом» и «Хум» были нарисованы маленькие черточки, как над «й». У самого основания инструмента странная фраза была несколько раз записана другим почерком и латиницей: «Om Momey Padme Whom», но стилизация под санскрит оставалась такой же тщательной. Лингам расписывало как минимум два амитафинщика. Видимо, начали делать экспортную версию, а потом подоспел Степин заказ, и пришлось переориентироваться на внутренний рынок.

Степа припомнил слышанное у Простислава. Кажется, подобные надписи делали на ритуальных предметах с целью отпугнуть злых духов. Слова «мама» и «папа» являлись скорее всего ритуальным обращением к мужскому и женскому принципам, «Инь и Ян». Или все было еще проще: ребята записали какое-то восточное заклинание русскими звукосочетаниями, чтобы испугались подмосковные бесы, незнакомые с экзотическими языками.

«Скоро проверим, — подумал он, — на самом злом духе, который только есть».

Надев резиновые перчатки для кухни, он тщательно протер спиртом патрон, затем детали ручки. Собрав ручку, он взвел боевую пружину и осторожно вставил металлический стержень в лингам. Затем он вырезал из красного резинового плунжера, взятого в ванной, аккуратный кружок диаметром точно с основание лингама, пометил его поверхность невидимым числом «34» и приклеил кружок к основанию японским «superglue»¹ из шприцеподобного тюбика. Получилось чудо как хорошо и аккуратно.

Проделявая эти операции, Степа ощущал редкий в последние месяцы душевный комфорт. Он совсем не думал об их конечной цели, словно занимался каким-то безобидным хобби вроде выпиливания лобзиком. Завершив работу, он положил лингам и резиновые перчатки в портфель.

Портфель показался слишком легкий — там, несомненно, должно было лежать что-то еще. Подумав, он положил туда две книги — том «Добротолубия» и «Братьев Карамазовых». Поразмыслив еще, он добавил банку сардин в оливковом масле, бутылку водки, походный несессер и смену белья. Водочную бутылку Степа установил в неглубоком среднем отделении так, чтобы горлышко торчало из портфеля наружу и у встречных с первого взгляда возникала покойная ясность относительно хозяина. Портфель убедительно распух, а водочное горлышко сделало его вид безупречным. Чтобы он не попался на глаза Мюс, Степа запер его в сейф. Затем он выкинул отходы производства — изрезанный плунжер, гильзу и вынутую из пола пулю.

---

¹ Моментальный клей.

Степа не очень хорошо представлял себе дальнейшее. Сначала он планировал подстеречь Сракандаева возле одного из ночных клубов, куда тот ходил. Но через несколько дней все решилось иначе.

Помог телевизор. Степа узнал из обзора театральных новинок, что Сракандаев вместе со своими богемными друзьями едет в Петербург на премьеру авангардной пьесы, о которой много говорили. Он был главным спонсором проекта, и в передаче его сравнивали с Дягилевым. Один из артистов назвал дату отъезда и даже номер поезда, в котором был «специальный театральный вагон». Приглашались все ценители нового русского театра. Степа не относил себя к их числу. Но такую возможность нельзя было терять — другой могло не представиться вообще.

В делах как раз было окно. Следовало только сделать первый взнос по «Зюзе и Чубайке» (Степа никак не мог поверить, что теперь это «Чубайка и Зюзя»), но это можно было поручить Мюс. Приготовив платежку, он попросил ее связаться с Лебедкиным, чтобы уточнить реквизиты и сумму.

— Пару дней меня не будет, — сказал он. — Максимум три.

— Куда ты едешь? — спросила Мюс.

— В Питер, — ответил Степа, зная, что лучше говорить правду обо всем, кроме самого главного. — У Простислава доклад в музее сновидений. На тему «„И Цзин“ и фехтование».

Мюс хмыкнула, но ничего не сказала.

Вечером они пошли ужинать в «Скандинавию». Обычно Мюс одевалась совсем просто, но

в этот раз на ней было какое-то удивительное платье, похожее на плащ без рукавов. Оно очень ей шло. Но за ужином Степа заметил на ее лице морщинки, которых не видел раньше. И антенны на ее голове уже не казались такими упругими и длинными, как прежде. Странно, но эти морщинки наполнили его сердце такой нежностью, что он почувствовал на глазах слезы. Чтобы Мюс не увидела их, он взял недокуренную сигару и отправился на балкон.

«Я совсем о ней не думаю, — размышлял он, глядя на людей в камуфляже, суетившихся во дворе. — Бедной девочке уже тридцатник, а кто она? Секретутка-референт. Наверно, ей тяжело. Тем более что второй месяц общаемся исключительно по плану Маршалла... Или третий? Ох... Если все будет нормально... — При мысли о предстоящем деле Степа почувствовал волну липкого страха. — Если все выгорит... Женюсь. Честное слово».

Пронзительный порыв ветра со стороны Кремля бросил пепел с сигары ему в лицо. Степа поежился.

«Заодно и паспорт английский сделаем», — подумал он, пыхнул последний раз дымом и пошел к Мюс, показавшейся в дверном проеме.

Отправив ее с шофером на дачу, он зашел на московскую квартиру. Портфель и камуфляж были уже здесь.

Первым делом Степа включил огромный вентилятор на черной штанге, напротив которого висел в стальном кольце раскрашенный деревянный попугай с распростертыми крыльями. Попугай вместе с вентилятором были привезены из Санто-

Доминго, где он купил их в бутике на главной улице — они располагались на том же расстоянии друг от друга, что и в магазине, в точности воспроизводя поразивший его эффект. У попугая с крыльев свисало множество бамбуковых трещоток, которые начинали раскачиваться, издавая при этом нежный, мелодичный и чуть грустный звук. Душе от этого становилось свободно и прохладно, как стало Степе много лет назад в струе воздуха от могучего винта, когда он вошел в магазин с раскаленной улицы. Ветерок и перестукивание трещоток всегда успокаивали его и, самое главное, каким-то образом наполняли сознанием собственной правоты.

Тщательно приклеив бороду, он посидел в кресле с закрытыми глазами, перебирая приготовления в уме. Клей надо было взять с собой на случай, если бороду придется переклеивать, — про это он раньше не подумал.

Надев рясу, он посмотрел на себя в зеркало. Степы там не было. Был священник неопределенного возраста. В его пегой бороде виднелась ранняя седина. Глаза выдавали скорбную сосредоточенность духа.

Священник подумал, что надо бы сразу взять ключи, чтобы не забыть их в пальто. Он шагнул к вешалке, сунул руку в один карман, потом в другой и обнаружил пакет фисташек, которого там не было до похода в «Скандинавию».

— Мюс, — прошептал он и улыбнулся. — Мюс... Это ведь все для тебя. Чтобы я... Чтобы... Жди меня, и я вернусь. Только очень жди...

Надо было спешить — поезд со Сракандаевым отходил с Ленинградского вокзала через час.

Степе достался билет на место 28. Этот номер не значил в его вселенной ничего, но его близость к числу «29» напоминала, какое опасное дело он затеял. Идти приходилось по самому краю пропасти. Но выбора не было. Каждый раз, когда решимость слабела, он шептал:

— Чубайка и Зюзя? Чубайка и Зюзя?

Поднимавшаяся в душе волна ярости заряжала аккумуляторы, и он чувствовал свежую ненависть и силу.

Поезд удивил его своей чистотой (он давно не ездил по железным дорогам). Пока он был единственным пассажиром в купе. Дождавшись, когда проводник проверит билет, он спрятал лингам под рясой и пошел в «театральный вагон». Там было шумно и весело, играла музыка. Степа сразу понял, в каком купе едет Сракандаев — напротив его двери маячил охранник.

Через час, когда Степа вернулся, в вагоне было еще веселее, но охранник стоял все там же. Стало ясно, что в дороге удобного случая не представится.

Зайдя в свое купе, Степа положил лингам в портфель и, чтобы снять стресс, отправился в вагон-ресторан. Выпив две порции виски у стойки, он взял третью, сел за столик и уставился в телевизор под потолком. Шел фильм «Спайдермен». Фирменная запись прерывалась одним и тем же клипом — рекламой банка HSBC с толстым японцем в очках, который, шутливо пуча глаза, противным голосом пел под караоке в токийском баре:

— Спайдермен-спайдермен, ра-ра-ра-ра, спайдермен!

«Все-таки я не самурай, — подумал Степа, чувствуя, как виски растекается по телу. — Самурай бы не нервничал. И елдак бы под рясой не прятал. Он бы ножом все сделал, из любви к искусству. И охранника бы тоже чикнул...»

Некоторое время он думал о японце из клипа, который произвел на него гораздо более сильное впечатление, чем сам фильм, виденный раньше. Показанный японцем трюк был круче цифровых прыжков с крыши на крышу. Всю жизнь вкалывать на бессмысленной работе, сжигая ежедневные полчаса свободного времени на то, чтобы зайти в караоке-бар, растянуть лицо в добрую улыбку и спеть про «спайдермена», — для этого нужно было такое мистическое бесстрашие, по сравнению с которым все подвиги камикадзе казались детской комнатой. Кто это говорил, что в открытом обществе исчезает героизм? Сорос, что ли? «Наоборот, — подумал Степа, — кроме чистого героизма, там вообще ничего не остается».

Когда он вернулся в купе, там сидел попутчик, вошедший на одной из остановок. Это был коротко стриженный молодой человек с лицом, в котором сквозило что-то монголоидное. Одет он был в черное. На столике у окна стояла плоская фляжка водки, бутылка минеральной воды и стакан. Вежливо поздоровавшись со Степой, попутчик кивнул на фляжку:

— Не желаете на сон грядущий?

— Благодарю, — сухо ответил Степа, лег на свое место и мысленно обматерил себя за то, что оставил портфель в пустом купе.

Попутчик вел себя беспокойно. Сначала он принялся ужинать и долго шуршал каким-то

свертком, распространявшим по купе запах сырого осеннего леса и подмокших грибов. Выпив водки, он надел наушники, и до Степы сквозь стук колес стали долетать искаженные обрывки музыки.

Проснулся Степа оттого, что кто-то трогал его за плечо. В купе было полутемно — горела только тусклая оранжевая лампочка-ночник.

И еще глаза попутчика.

Степа глянул на свой портфель — цел ли. Портфель благополучно висел на крючке в ногах. Он поглядел на столик. Фляжка с водкой была пуста. Сколько прошло времени, он не знал.

— Извините, ради бога, — заговорил попутчик, — вы, наверно, уже спали...

— Признаться, не без того, — ответил Степа. — Чем могу?

— У меня к вам просьба. Но я даже не знаю, как ее высказать, — мне очень неловко.

— Не стесняйтесь, — сказал Степа.

— Так редко случается встретить духовное лицо. Нельзя ли с вами чуть-чуть пообщаться? Мне очень нужно.

— А нельзя подождать до утра? — спросил Степа.

— Но мысли ведь не ждут, — возразил попутчик. — Они, знаете, туда-сюда, туда-сюда. — Он показал руками. — Как волны в шторм. А пловец — ты. То есть в смысле я. А вокруг такие скалы, такие рифы... Я уже час на вас гляжу и думаю — позвать на помощь? Будить? Не будить?

В его быстрой жестикуляции было что-то такое, из-за чего Степе не захотелось перечить. Он

уже понял, что наряд накладывает на него определенные обязательства, примерно как халат врача или милицейская фуражка. Осторожно переместившись в полусидячее положение, он спросил:

— И что же вас тревожит?

— Я издалека, ладно? Чтоб вы поняли, где меня искать.

— Ладно, — сказал Степа. — Попробуем найти.

— Вот скажите, почему, к примеру, распался и исчез Советский Союз? Как вы думаете?

Степа пожал плечами.

— Промысел божий, — сказал он.

— Да, промысел божий, согласен. Но как он проявился в измерении человеческой души?

Степа снова пожал плечами.

— Не спешите, я попробую ответить. Что делали советские люди? Они строили коммунизм. Сначала казалось, что он наступит после революции. Потом эта дата стала отъезжать все дальше и вскоре стала чем-то вроде горизонта. Сколько к нему ни иди, он все равно там же, где был. И тогда, в качестве последнего рубежа, датой наступления коммунизма был объявлен восьмидесятый год. Мы полетели к нему сквозь космос, под руководством КПСС, с песнями КП, и, пока хоть осколок этой веры был жив, весь мир дрожал и удивлялся. Но в восьмидесятом году окончательно выяснилось, что вместо коммунизма будет Олимпиада. Все вокруг, как рассказывают современники, еще казалось железным и несокрушимым. Но всего через несколько лет это несокрушимое железо рассыпалось само. Именно потому, что исчез горизонт. Из материи ушел оживлявший ее дух. Стало некуда идти, понимаете?

— Понимаю, — сказал Степа. Он решил говорить как можно меньше.

— Вы спросите, при чем здесь вы? Сейчас объясню. Вам не кажется, что есть прямая параллель между коммунистическим и христианским проектами? В том смысле, что оба существуют в исторической перспективе и с течением времени их содержание выцветает, потому что исходная метафора видится со все большего расстояния? А в поле зрения каждый день попадает что-то новое. Чтобы быть христианином или коммунистом, надо каждое утро загружать в сознание громоздкий концептуальный аппарат, идеи которого были сформулированы в точке, уплывающей от нас все дальше. В этом их отличие от недоступного интеллекту закона Будды, дворцом и скрижалью которого является настоящее мгновение времени! С другой стороны, христианству тоже негде существовать, кроме как в одной из комнат этого дворца. Вот потому-то мы, тантристы-агностики, и говорим, что Будда — это в том числе и Христос, и Кришна. Но не только. Понимаете?

— Не до конца, — честно сказал Степа.

— Ну посмотрите. Вы, наверно, изучали в семинарии решения пятнадцатого съезда КПСС и сравнивали их с решениями шестнадцатого. Но уже тогда было ясно, что не будет, например, четыреста сорок третьего съезда КПСС. Сама эта цифра свидетельствовала о банкротстве проекта. И точно так же вряд ли наступит пятидесятилетний год от Рождества Христова, согласны? Когда этот год придет, его наверняка будет обозначать какое-нибудь другое число, куда более короткое, отсчи-

тываемое от иной даты. Но мгновение, в котором это произойдет, будет тем же самым, что и сейчас. А это и есть дворец изначального Будды!

— Всяко может быть, — ответил Степа.

— Да, конечно. Вы хотите сказать, что формально у прихода Христа нет четкой даты. Но в христианстве, согласитесь, был своего рода эстетический и эсхатологический контур временной перспективы, в которой разворачивался проект. Это *millenium*, тысячелетие. Был один *millenium*. Ждали, ждали — никто не пришел. Был другой *millenium*. Ждали, ждали — не пришел. Теперь третий. Понятно ведь, что пятого не будет? Христианство, только не обижайтесь, давно проехало свой восьмидесятый год. Уже вовсю идет Олимпиада, понимаете? Чем больше проходит времени, тем меньше остается смысла в словах забытого языка, связанных синтаксисом, из которого давно испарилась жизнь. К тому же мне вообще не верится в существование святых книг.

— Вот это вы зря, — проворчал Степа, чтобы его покладистость не казалась подозрительной.

— Как? Вы не согласны? Но позвольте, слова всегда дуалистичны, субъектно-объектны. Разве нет?

Степа пожал плечами.

— Они способны отражать только концептуальное мышление, а там истина даже не ночевала. Слова в лучшем случае могут попытаться указать направление, и то примерно. Но можно ли считать святыней стрелку указателя с надписью «До святого один километр по воде босиком»? Или ржавый памятный знак с надписью «Здесь было

чудо»? Священным, мне представляется, может быть только то, на что указывает стрелка! А?

— На все воля божья и промысел, — сказал Степа и перекрестился.

Попутчик хлопнул себя по ляжкам.

— Вы удивительный собеседник! — воскликнул он. — Молчун, а бьете в суть! Конечно. Я как тантрист-агностик понимаю это лучше других: дело в том, что поистине нет ничего такого, на что стрелка могла бы указать. Потому понятие святости можно применить только к самой стрелке. Его просто некуда больше повесить, ха-ха-ха! — Попутчик отбил ладонями по своему телу и ногам энергичную чечетку, от которой Степе захотелось выскочить в коридор. — Само понятие святости — тоже из области концепций, в которых путается заблудившийся ум! Поэтому в святом нет ничего святого, ха-ха-ха! И в том, что все обстоит именно так, можно увидеть промысел, да, вы тысячу раз правы. Но это очень тонкий аргумент, которого не поймет почти никто. Как приятно говорить с таким человеком! Давайте-ка за это выпьем! Я знаю, у вас есть в портфеле.

— Откуда знаете? — напрягся Степа. — Что, успели слазить?

— Что вы! Просто горлышко торчит. Я на него уже час смотрю, если честно. То на него, то на вас. Я бы в вагон-ресторан пошел. Но боюсь из купе выходить, сильно колбасит. Потеряюсь в пространстве. А не в пространстве, так во времени.

— Вам водки, — сказал Степа, поднялся и снял с крючка портфель. — Сейчас... Вот, пожалуйста.

— Спасибо, — сказал попутчик. — Очень кстати. А то меня, если честно признаться, еще и плющит. А от этого ночью только водка помогает...

Степу настигло омерзительнейшее озарение. Как он только не понял раньше? Попутчик наверняка нес всю эту пургу, лежа на двадцать девятом месте. Ведь двадцать восьмое было у него самого! Тогда, конечно, тогда чего удивляться... Полной уверенности, правда, не было — номеров он не проверял. Но интуиция подсказывала, что все именно так. Степа незаметно вынул из портфеля лингам и положил его рядом с собой, прикрыв одеялом.

«Бросится — застрелю», — подумал он.

Отвинтив пробку, попутчик налил себе полстакана, выпил и виновато посмотрел на Степу.

— Плющит, — жалобно повторил он непонятное слово. — А сами?

— Благодарствуйте, — ответил Степа. — Я бы отдохнул.

Получив бутылку, попутчик забыл о теологических вопросах. Опять раздалось кваканье музыки в наушниках, а через короткое время — бульканье. Степа несколько успокоился. Попутчик слушал музыку так громко, что можно было узнать песню — «Besa me ticho». Она показалась Степе малоросской жалобой на мучающих душу чертей — впору было начать подвывать. Отвернувшись к стене, он стал думать, как опасно теперь ездить по железным дорогам и какие жуткие люди рыщут в потемках за границей обеспеченного мира. Потом он снова заснул. Сквозь сон до него доносилось тихое бормотание, словно по-

путчик шепотом начитывал однообразные стихи на незнакомом языке.

Когда он проснулся, было уже утро. Попутчик стоял у двери, одетый, с сумкой на плече. Выглядел он на удивление свежим.

— Мне сходить, — сказал он. — Спасибо, вчера очень выручили. Вы по-настоящему добрый и сострадательный человек. А это важнее любых умствований.

— Храни вас господь, — ответил Степа.

— Я только одну вещь хотел добавить. Мне не хотелось бы оставить у вас ощущение, что я метафизический пессимист. Совсем нет! Абрахамические религии уходят, это верно, хотя ислам еще долго будет сотрясать наш мир. Но трагедии в этом нет, потому что следом придет новый мессия. И это, попомните мои слова, будет будда Майтрея!

— Придет Христос, придет и Антихрист, — угрюмо повторил Степа слышанную недавно по телевизору фразу.

— Вот вы как... Ну извините, не хотел обидеть, — сказал попутчик и посмотрел куда-то в район Степиного живота.

Степа вдруг понял, что так и держит под рукой красный лингам — понял по лицу попутчика.

— Возможно, в чем-то ошибаюсь я, в чем-то вы, — сказал тот, внимательно глядя на расписной протуберанец, торчащий из-под Степиной ладони. — Но мне кажется, что мы, люди духа, своими поисками истины не только искупаем ошибки друг друга, но и создаем ту сумму добра, которая, хочется верить, перевесит в конечном счете всю мерзость современного человечества...

Попутчик сделал странный жест — на секунду скрестил перед лицом руки, щелкнув при этом пальцами, словно подзывал двух официантов, стоявших у него за спиной.

— Пускай же все мысли в потоке вашего сознания и все иллюзорные материальные объекты вокруг вас приносят живым существам только радость и оберегают их от зла! — сказал он. — Ом свабхава шудхо сарва дхарма свабхава шудхо хан! Пожелайте мне того же. Еще раз спасибо, и прощайте.

Степа ничего не сказал, только закрыл глаза. Когда дверь за попутчиком захлопнулась, он некоторое время урчал и взвизгивал, дожидаясь, пока утихнет чувство позора.

Утихло оно быстро — сказался многолетний опыт бизнеса. Степа положил лингам в портфель, лег на бок и провалился в беспорядочный железнодорожный сон, куски которого налезали друг на друга.

Сначала приснилось, что он, в акваланге и резиновом костюме для подводного плавания, висит под водой в клетке вроде тех, в которых кинооператоры прячутся от акул. Вокруг клетки плавала золотая рыбка из «Якитории», только во сне она была размером с хорошую косатку. Степа знал, что клетка защищает его не столько прутьями, сколько цифрами «34», нарисованными флуоресцентной краской на табличках, висящих по ее бокам.

Глаза золотой рыбки, огромные, как тарелки из оркестра судьбы, иногда оказывались возле Степиного лица, и тогда ему становилось страшно, потому что рыбка была сильно возбуждена.

— Не, брат, — говорила она, — если бы я знала, ни за что на свете не вписалась бы.

— Извини, пожалуйста, — уговаривал Степа. — Я и сам не знал. Ведь кончилось хорошо?

— Хорошо? А вот это ты видел? — Золотая рыбка скосила глаз в сторону дергающегося грудного плавника. — Думаешь, это я им шевелю? Это он сам!

— Извини, — повторил Степа. Больше ему нечего было ответить.

— За тобой должок. Понял, нет? — сказала рыбка голосом джедая Лебедкина, развернулась и уплыла в синие глубины.

Степа поплыл следом и вскоре выбрался к чердачному окну на романтической крыше. В небе сияла круглая луна, а за окном спал Сракандаев, которого следовало убить до того, как он проснется. Рядом был кто-то еще, кого он никак не мог разглядеть. Сначала Степа думал, что это золотая рыбка и луна — просто ее глаз. Но когда этот кто-то сунул руку ему под рясу и схватил его за член, стало ясно, что это не рыбка.

Во сне было трудно сказать, за какой именно член его схватили — то ли за священный лингам победы, то ли за его собственный. Но путаницы у Степы не возникло, потому что в том измерении, где он находился, это было одно и то же. Когда он это понял, стало ясно и другое: чтобы увидеть нахального приставалу, надо заглянуть в зеркало. Замирая от жуткого предчувствия, Степа приблизил лицо к пыльному стеклу слухового окошка.

Предчувствие не обмануло.

Перед ним стоял мультимедийный герой Пидормен. Он был одет в трико с буквой «Q» на груди и розовый плащ с галунами, а на его лице была дивной красоты венецианская маска. Пидормен вскинул свободную руку в приветствии, и Степа заметил на его плаще блеснувший под луной значок с американским флагом. У Степы отлегло от сердца — он понял, что бояться нечего.

— Кто ты? — шепотом спросил он.

— *I'm your neighbourhood friendly Queerman*¹, — ответил Пидормен.

— Говори тише, — прошептал Степа, — разбудишь гада. Почему ты стал таким?

— Когда-то я был такой же, как ты, — прошептал Пидормен. — Но однажды меня укусила божья коровка... Вот подожди, тебя тоже укусит.

— Чего ты хочешь? — шепотом спросил Степа.

Вместо ответа Пидормен снова потянул Степу за лингам.

— Не надо, — попросил Степа, но Пидормен не послушал и потянул в третий раз.

Степа с ужасом понял, что больше не может контролировать ситуацию. Он несколько раз передернул ногами, и лингам выстрелил.

Пидормен, сделав испуганное сальто, унесся на брызнувших из запястий белых струях куда-то вниз, в горящие неонами джунгли наслаждений. Двигался он быстро, но Степа успел увидеть на его трико овальный вырез, открывавший ягодицы.

Все было кончено — выстрел разбудил Сракандаева. Тот постучал по стеклу изнутри.

— Приехали! — крикнул он.

---

¹ Я дружественный Пидормен, живущий по соседству.

Степа открыл глаза и понял, что кричит не Сракандаев, а проводник в коридоре.

— Приехали! — повторил тот и снова постучал в дверь. — Петербург!

0034

Степа провел день в гостиничном номере. У него было мутно на душе. И не только из-за надвигающегося дела — было непонятно, почему сновидение такого рода вызвало у него мужскую слабость. «Неужели и я в душе пидор? — думал он. — Нет, только не это!»

Большую часть дня он проспал. Ему снились обычные петербургские сны — сначала липкая темнота, в которой ничего не было, а потом холодная мгла, которая все сгущалась и сгущалась. В шесть вечера он принял душ, проверил боевое снаряжение, заново приклеил бороду и облачился в рясу.

Спектакль начинался в восемь в зале на Петроградской. Билетов в кассе уже не было. Покрутившись на улице, Степа нашел билет за двести долларов.

— Скидка для вас, батюшка, — сказал спекулянт, — так они по триста пятьдесят идут. Помолитесь за меня.

— Во имя отца, сына и святого духа, — пробормотал Степа и сотворил небольшую четверицу.

Народ на премьеру собрался, со Степиной точки зрения, самый противный — богема. Люди толпились у стен, на которых были развешены кар-

тины: в фойе проходила выставка современного искусства.

Одна картина, почти до потолка высотой, называлась «Мадонна на фронте». Она изображала певицу в пустыне, среди толпы морских пехотинцев в костюмах полной химической защиты. Мадонна танцевала на крыше вездехода «Humvee», окрашенного в желто-коричневые цвета. Вокруг ее бедер был обернут американский флаг, а грудь скрывало нечто вроде бюстгальтера из снарядных головок, соединенных между собой стальным «пасификом». По бокам вездехода стояло два адвоката, консультативные стилисты по патриотике, антибуржуазности и нонконформизму, вагинальный биомассажист, пресс-секретарь, повар и четыре охранника — все тоже были в костюмах химзащиты, но кто они, было понятно из сделанных на холсте подписей со стрелочками. Мадонна, как всегда, выглядела молодо и актуально.

Следующее полотно называлось «Битва за сердца и умы» (автором был тот самый Лукас Сапрыкин, одну из работ которого Степа видел в офисе Сракандаева). Жанр был обозначен как натюрморт. На этот натюрморт было тяжело смотреть. Сердца, за которые происходила битва между стоящими в песке телевизорами, были разложены на длинном деревянном прилавке. Над ним висела туча сине-зеленых мух, а облепленные песком куски умов валялись на земле среди снарядных воронок. Но тяжело Степе стало не из-за мух и крови, а из-за кучи кала на проигравшем битву телевизоре и голого человека в маске Бэтмена, перелезавшего через забор на заднем плане.

Степа подумал, что человеку в рясе не пристало долго стоять рядом с такими картинами, и отошел к буфету. Заняв наблюдательную позицию, с которой просматривался вход, он стал изучать программку.

Пьеса называлась «Доктор Гулаго» и позиционировалась как трудный первенец российской гей-драматургии («Первый блин гомом», — шутил неизвестный рецензент). Ее авторами значились «Английские драматурги» (49%) и Р. Ахметов (51%). Действующими лицами, в числе прочих, были Джеймс Бонд, доктор Гулаго, Два Королевских Батлера (так, кажется, назывался английский мажордом) и Царственный.

Дочитав программку до конца, Степа понял, откуда взялось такое распределение творческого вклада: хоть контрольный пакет находился у Р. Ахметова, все слова Бонда были взяты из пьес английских драматургов. Кроме Шекспира, в их длинном списке Степа не знал никого. Другой странностью было то, что вместо первого и второго действия пьеса состояла из «активного акта» и «пассивного акта».

Сракандаев с большой компанией появился, когда спектакль уже начался, и Степа прошел за ними в зал. У Сракандаева оказалось место перед самой сценой. Степа устроился на откидном сиденье, с которого был виден первый ряд, и стал смотреть пьесу, стараясь не терять Сракандаева из виду.

Сюжет основывался на том, что между президентами России и США существовала сверхсекретная линия связи, неподвластная электронному наблюдению со стороны транснациональных

масонских структур. Послания, где два лидера обменивались подарками и записками, в которых только и могли высказать все, что действительно думают о жизни, доставлялись на собачьих упряжках через Берингов пролив, и практически никто в мире не знал об этом канале, так называемой «холодной линии». Никто, кроме доктора Гулаго.

Его план был циничен и жесток — он собирался перехватить набор матрешек, который русский президент посылал своему американскому коллеге, и заменить его пакетом корма для мартышек. Оскорбленный до глубины души Буш, по расчетам доктора Гулаго, должен был начать ядерную войну, не дожидаясь следующей собачьей почты. Такова была интрига.

Во время первого акта Бонд охотился за злодеем по всей сцене, но поймать его было не просто — доктор Гулаго умел принимать вид других действующих лиц. Кроме того, он мог окружать себя туманом. Этот туман, подсвеченный десятком лазерных указок, в изобилии стекал в зал со сцены, на краю которой было выставлено несколько лотков с сухим льдом. Параллельно шпионской интриге развивалась и любовная, завершившаяся натуралистичной сценой: Бонду удалось соблазнить мужеподобную помощницу доктора Гулаго, которая в экстазе выдала ему секретное обиталище доктора, ледяную избушку посреди Берингова пролива.

Вскоре Бонд в бобровой парке от Кензо уже подъезжал к ледяному домику на упряжке из десяти белых бультерьеров. Еще несколько минут, и доктор Гулаго с демоническим хохотом пал в

борьбе, разбрасывая по сцене пенопластовые блоки, изображавшие лед. Цивилизация была спасена. Но без спецэффектов это выглядело убого и оставляло открытыми много проклятых вопросов, которые в фильмах обычно удавалось обойти. Кроме того, было непонятно, чем автор собирается заполнить второй акт — все негодяи были обезврежены уже в первом.

Перерыв объявили очень интересным способом — на сцене появился человек в костюме химзащиты и закричал в мегафон голосом, искаженным мембраной:

— *Anthrax!!*¹

Во время антракта приблизиться к Сракандаеву не было никакой возможности: он сразу ушел за кулисы к актерам. На место он вернулся только тогда, когда поднялся занавес и начался второй акт, «пассивный».

Он проходил в другой декорации. Над сценой висела лиловая лента с надписью «United Queerdom». Под ней стоял настоящий «астон-мартин» модели «Vanquish 12», как у Сракандаева, только без мигалки. За ним покачивалось на сквозняке полотнище с огромным белым лотосом. Остальное пространство занимали леса, изображавшие многоэтажный интерьер, где происходило зыбкое сновидческое действие.

Собственно говоря, действия во втором акте почти не было — он состоял из танцев цветных фигур в нишах многоярусной конструкции. Танцы сопровождался монологом Бонда. Он пафосно говорил о вечных истинах (английские драма-

---

¹ Сибирская язва.

турги, догадался Степа), а три видеопроектора, установленные в нишах декорации, демонстрировали танцующим фигурам фрагменты его подвигов. Степа узнал отрывки из фильмов «Moonraker» и «Live and Let Die». Иногда Бонд почему-то сбивался на глуповатые частушки вроде:

Скиньтесь, девки, по рублю
На могилку для «*true blue*»!¹

Это были явно не английские драматурги, а Р. Ахметов. Степе понравилась виртуозная игра освещения — сцена по очереди становилась то зеленой, то красной, то синей, и разноцветные фигуры в нишах издавали протяжные крики, пугавшие притихший зал.

Вдруг свет погас. Это произошло вне всякой связи с действием, и Степа решил, что отключилось электричество. Но через минуту сцену осветило оранжевое мерцание, и стало видно, что декорация изменилась. Над сценой парил огромный череп с похожим на пещеру открытым ртом. Из рта бил свет — за ним виднелся помост, украшенный восточными коврами. Со стороны зала к орту вела лестница, похожая на авиационный трап. Бонд неподвижно лежал на полу — кажется, он был без сознания.

Раздались звуки жуткого распева — не то тибетского ритуала, не то какого-то северного камлания. С противоположных концов сцены к Бонду двинулись две темные фигуры в венецианских масках (увидев маски, Степа похолодел). Это были Два Королевских Батлера. Подойдя к Бонду,

---

¹ Истинный патриот.

они подхватили его под руки и повели по лестнице вверх. Добравшись до рта-пещеры, они слаженными движениями развернули его лицом к залу и опустили на четвереньки.

Степа увидел человека в покрытом вмятинами шлеме с синим плюмажем, похожим на струю дыма. Он очень медленно и плавно перемещался по убранному коврами помосту, словно перетекая из одной позы в другую. Кроме шлема, на нем была военная майка и камуфляжная мантия с черной надписью «NEBUCHADNEZZAR». Степа вспомнил, что так звали древнего царя, и догадался, что это Царственный. Подойдя к Бонду, Царственный остановился, сложил пальцы в замысловатую мудру и, что-то восклицая, несколько раз ударил его бедрами в зад, а затем победительно толкнул ногой. Бонд обрушился по лестнице вниз, и свет снова погас.

«Навуходоносор, — думал Степа в темноте, — это на принца Чарльза намек. Так протестанты Карла Первого обзывали перед тем, как голову отрубить. Про это еще у Дюма было в „Двадцать лет спустя“. А недавно, Мюс рассказывала, у них какого-то мужика изнасиловали во дворце, и батлеры как раз участвовали... Но почему тогда рыцарский шлем? Принц Чарльз ведь не военный... Или как раз для того шлем и все остальное, чтобы формально нельзя было сказать, что это принц Чарльз? Мол, Царственный, и все тут. А то у него небось тоже три адвоката в противогазах. Как у Мадонны...»

Современное искусство, как всегда, было мало понятным и не особо аппетитным. Но Степу по-

разило то, как двигался Царственный, — его шаги, похожие на замедленный танец, вызывали неподдельный страх. Что-то подобное Степа видел в фильме «The Cell», когда огромная женщина-культурист несла бесчувственную Дженнифер Лопес на суд национального подсознания.

Когда свет зажегся, ни Царственного, ни Королевских Батлеров на сцене не было. Вернулась прежняя декорация — «астон-мартин» и многоярусная конструкция, только из ее ниш исчезли разноцветные фигуры. Бонд по-прежнему лежал на полу.

Придя в себя, он кое-как встал на ноги, поправил бабочку, подошел к краю сцены и долго вглядывался в зал, словно «ища человека». Затем он тихо и страшно спросил:

— *Do they take me for a simpleton?*¹

Внезапная смена языка произвела впечатление — по Степиной спине пробежали мурашки. Это явно был не Р. Ахметов, а английские драматурги.

Бонд забрался в «астон-мартин» и произнес оттуда последнюю часть своего монолога, минорную, упомянув какую-то «слишком тугую плоть» и гниль, поразившую Датское королевство.

«Всюду эта политкорректность, — подумал Степа. — Скоро ни одну вещь нельзя будет назвать своим именем».

Оглушительно заиграла песня Меркьюри «Show Must Go On», и заработал поворотный круг. Бонд, раскорякой стоя в «астон-мартине», уплыл за кулисы, въехав прямо в нарисованный на них белый лотос. Представление кончилось.

---

¹ Не принимают ли меня за простеца?

Раздался шквал аплодисментов. Степа не хлопнул в ладоши ни разу — пьеса показалась ему отвратительной. Бонд всегда был для него героем занимательного комикса и симпатичным малым. Было загадкой, почему Сракандаев и многие другие до такой степени радовались его унижению, что аплодировали стоя. Кроме того, Степа не знал, как объяснить висевшую над сценой надпись «United Queerdom» — то ли это дурацкий гэг, то ли ножка буквы «п» потерялась в складках ткани, и стало казаться, что это «г».

«Может быть, — думал Степа, — это порыв квасного патриотизма, вызванный тем, что англичане не выдают нам чеченских эмиссаров? Компенсация за десятилетия национального позора и деградации? Или, наоборот, зрители узнали в прозрачной метафоре судьбу русского человека, посвятившего жизнь Отчизне?»

Видимо, последнее было ближе всего к истине — протискиваясь к выходу вслед за Сракандаевым, Степа ловил обрывки чужих разговоров:

— Все как у нас... Человек всю жизнь горбится на страну, а что потом имеет? Это самое и имеет...

— Да, есть параллели. Только у них все как-то цивилизованней... Опять же, Гольфстрим...

«Но при чем тут Бонд? — думал Степа. — Глупо, пошло и глупо. Правильно кто-то говорил, что вся наша культура — просто плесень на трубе. Которая существует только потому, что нефть нагревают. Причем нагревают ее совсем не для того, чтобы расцвела плесень. Просто так ее быстрее прокачивать... Что за люди... Впрочем, это же гей-драматургия. Чего еще ждать от пидарасов...»

Тут он вспомнил, что за человек он сам, почему он в этом зале и зачем у него в портфеле лежит мистический жезл смерти. По его спине прошел холодок. «Спокойно, 0034, — подумал он, — спокойно. Поздняк метаться. *Live and let die*»¹.

52

Сракандаев отправился в ночной клуб «Перекресток», который располагался прямо напротив театра. С ним остались два богемных персонажа (один в штанах, раскрашенных под шкуру жирафа, второй в свитере с изображением Лары Крофт) и молоденький морячок в бушлате, непонятно как прибившийся к их компании. В клубе их ждали — навстречу вышел администратор, который провел их внутрь.

Степу не ждал никто, и ему в первый раз за много лет пришлось встать в очередь. Он мерз в ней около часа, поглядывая на загадочно мигающее зеленым неоновым словом «Перекресток» и непонятное «anno homini MMIII», вырезанное на бронзовой пластине над дверью. Наконец его пропустили.

Рядом со входом был металлодетектор вроде тех, что стоят в аэропорту. Увидев Степу, фейс-контролеры немедленно попросили его пройти через штангу. Как только машина зажужжала, к нему подошел старший охранник, похожий на испитого Клинта Иствуда, и повел его в комнату для персонала. Обшарив Степу ручным металло-

---

¹ Живи и дай умереть.

искателем (пришлось даже задрать рясу), Клинт Иствуд велел открыть портфель.

Сунув туда руку, он достал банку сардин, осмотрел ее и положил назад. Затем вынул «Добротолубие» и пролистал его, задержавшись над одной из страниц почти на полминуты. Следом его худые нервные руки извлекли из портфеля священный лингам победы. Клинт Иствуд провел по нему пальцем, а потом поднял глаза на Степу.

Весь стыд, доступный человеку по этому поводу, был уже пережит Степой в поезде. К тому же он помнил, что лучшая оборона — это наступление.

— У меня еще один есть, — сказал он и пристально поглядел охраннику в глаза. — Хошь потрогать? Только осторожно, он весь в мозолях...

Клинт Иствуд отвел взгляд и положил лингам на место.

— Вопросов нет, батюшка, — сказал он, подавая портфель Степе. — Желаю счастливого отдыха.

Побродив по переполненному залу, Степа нашел одноместный столик недалеко от сцены.

Интерьер клуба напоминал аквариум. В полутьме горело несколько разноцветных софитов; мимо столиков проплывали официантки в платьях, на которых были вышиты большие пучеглазые рыбы. Степа обратил внимание на одну странную особенность — все официантки были женщинами, а среди посетителей их не было видно совсем. Со сцены помигивали разноцветными огнями какие-то электронные музыкальные ящики. Сракандаева с друзьями в зале не было.

— Что будете пить? — спросила официантка.

Это было кстати. Степа открыл меню и пробежал взглядом по столбику цен. Напротив «3.40 у. е.» стоял коктейль «Б-52». Пять и два в сумме давало семь. Совсем неплохо, подумал Степа.

— Принесите «Б-52»... А это что у вас такое рядом — «Б-2»?

— Это наш фирменный коктейль.

— А чего дорогой такой? Двадцать пять у. е.?

Официантка пожала плечами.

— Хорошо, — сказал Степа, прикинув, что двойка с пятеркой в сумме тоже дают семь, — несите тоже.

Оставалось одно — ждать. Подумав, Степа вынул из кармана мобильный и набрал Простислава. Тот долго не подходил к телефону — наверно, спал. Наконец трубка проквакала:

— Але! Кто это?

— Привет, Простислав, — сказал Степа. — Срочное дело. Можешь выставить мне за это пятьсот долларов.

— Что такое?

— Короче, я сейчас нахожусь в одном... Скажем так, в одной серьезной ситуации. Нужно срочно погадать. А самому мне здесь неудобно. Сделай, а?

— Ладно, — удивленно сказал Простислав. — А что за ситуация такая?

— Вот как раз это я и хочу узнать, — ответил Степа. — Нужен четкий однозначный ответ.

— Перезвони минут через десять, — сказал Простислав. — Посмотрим, куда оно, родимое, движется.

Степа спрятал мобильный в карман и взялся за принесенный коктейль.

Прошло несколько минут, и в зале появились спутники Сракандаева. Жираф и Лара Крофт волокли под руки ошеломленного морячка в расстегнутом бушлате. У бедняги был такой вид, словно он побывал в песне про «Варяга», где его сначала несколько раз вывели на палубу, которой нет, а потом включили ослепительный свет, дали тысячу долларов и велели про все забыть.

Степе показалось, что они, как привидения, появились прямо из зеркальной стены. Потом он понял, что одна из ее секций была дверью. Жираф с Ларой протащили морячка через весь зал, охранник раскрыл входную дверь, и троица исчезла на улице.

Сракандаев теперь был один — где-то там, за зеркальной дверью.

Час пробил.

Степа почувствовал, как ладони покрываются холодным потом. Он вытер их о скатерть и помахал официантке:

— Можно счет?

Официантка положила на стол серый листочек. Степа по привычке просеял цифры глазами и увидел под милым «3,40» равнодушное «25,0».

— Девушка, — сказал он, — вы мне вместе с «Б-52» этот «Б-2» посчитали, а я его даже не видел.

— Все правильно, — сказала официантка. — Это фирменный коктейль-невидимка. Виден только в счете. Технология «стелс», слышали?

Как это часто бывало в последнее время, Степа не понял, издеваются над ним или все следует

принимать за чистую монету. Он не знал здешних порядков. Возможно, это было фирменным розыгрышем для новичков. А могло быть и так, что экономические тенденции цифрового века и впрямь проложили себе дорогу в мир алкогольной рецептуры. В конце концов, у себя в банке он готовил похожие коктейли, только с большим числом нулей. Стоило ли удивляться?

Степа протянул девушке две двадцатидолларовые бумажки.

— Сдачи не надо, — сказал он. — На ремонт аэродрома. А что у вас вон там?

Он кивнул на зеркальную дверь, откуда за минуту перед этим появились спутники Сракандаева.

— Кабинеты, — ответила официантка. — Но сейчас все три заняты.

Подождав, пока она уйдет, Степа вынул мобильный и снова набрал Простислава.

— Это я, — сказал он, закрывая трубку ладонью, чтобы не мешал шум. — Как, посмотрел?

— Посмотрел, — трудным голосом ответил Простислав. — Дело-то важное? Отменить нельзя?

— Чего? — спросил Степа. — Не томи.

— мрачно. Двадцать девятая. «Повторная опасность».

— Так, — стоически сказал Степа. — Понятно. А позиция какая?

— У нас сегодня че, понедельник? Значит, первая, — ответил Простислав. — Слабая черта. Предсказание такое — «Войдешь в пещеру в бездне». Так что ты ето, фонариком запасись. И кошками. Только не теми, которые мяукают, а теми, которые цепляются, хе-хе-хе...

Степа несколько секунд молчал, потом, не прощавшись, сложил телефон и спрятал его в карман.

«А чего ты хотел-то, — сказал у него в голове чей-то голос. — Человека грохнуть — серьезное дело...»

«Нет, — ответил другой голос, — при чем тут — человека. Это же не человек. Это „сорок три“. И решать все надо сегодня или никогда. Нам на одной земле не жить. Как Зюзе и Чубайке. То есть им-то как раз нормально. А вот нам действительно — рядом не жить...»

Над сценой зажглись софиты, и ударила ритмичная музыка. Музыкантов видно не было, и Степа понял, что играет фонограмма. В небольшом пространстве между музыкальными ящиками появился мужчина в черной шляпе-федоре и строгом лиловом платье с низким вырезом на груди. Степа узнал Бориса Маросеева. Он первый раз видел звезду так близко. Боря был бледен. Под его глазом размещался большой синяк, видный даже сквозь грим. По цвету синяк был идеально в тон платью. Сняв с головы шляпу, Боря прижал ее к груди и поклонился. Зал приветственно загудел.

Степа заметил за соседним столиком двух молодых людей в одинаковых темных свитерах. Когда зажегся свет, стало видно, что их лица, как и у многих других в зале, подведены. Но косметика была наложена густо и неумело, словно кто-то наспех накрасил их в полутемном подъезде. Один был мелким бледноволосым юношей сонного вида. Другой был ростом, наверно, метра в два с половиной и напоминал персонажа из фильма Куросавы «Телохранитель» — титанического имбецила,

который сражался деревянным молотом. Косметика смотрелась на его маленьком честном лице немного странно.

Когда Борис Маросеев выпрямился после поклона, сонный юноша дернул титана за рукав. Тот вынул из-под стола похожий на тыкву кулак и, стараясь не привлекать внимания окружающих, экономным движением показал его артисту. Маросеев, как показалось Степе, побледнел еще сильнее. Но это могла быть и очередная перемена освещения.

Музыка стала громче. Начав раскачиваться ей в такт, Боря скрестил руки, запрокинул лицо к потолку и с бархатными интонациями Джо Дасена зашептал в проволочку радиомикрофона:

*Я видел его вчера в новостях,
Он говорил о том, что мир стоит на распутье.
С таким, как он, не тронут ни дома, ни в гостях,
И я хочу теперь такого, как Путин...*

В зале восторженно завизжали. Послышался звон бьющейся посуды и крики — за одним из столиков началась не то потасовка, не то танец. Туда кинулись секьюрити, и Степа понял, что лучшего момента он вряд ли дождется. Подхватив портфель, он встал и быстро пошел к зеркальной стене. Остановившись возле нее, он оглядел отраженный зал. На него никто не смотрел — все были захвачены происходящим на сцене, где Боря, насколько позволяла неважная физическая форма, изображал что-то лыжно-дзюдоистическое.

Степа нажал локтем на зеркальную панель. Она повернулась, и он шагнул в открывшийся проем.

За ним оказался темный коридор с тремя дверями. Степа приоткрыл первую. Там сидела пьяная компания. Он приоткрыл вторую и увидел цыгана с гитарой, который что-то пел двум внимательным голым слушателям.

Сракандаев мог быть только за третьей. Степа вынул лингам из портфеля. Тот неприятно скользил в его мокрой от волнения руке.

«А может быть, — подумал он, поглаживая пальцами упругий пластик, — этот коридор и есть пещера, а бездна за дверью? Тогда все сходится. Вот только какая это бездна? Верхняя или нижняя? Ах, если б знать, если б только знать...»

Надо было спешить.

— Во имя отца, сына и святого духа, — прошептал Степа, натягивая на руки резиновые перчатки. Затем он осенил лингам быстрой четверкой, повернул бронзовую ручку в виде трубящего купидона и потянул дверь на себя.

77

Открывшийся Степе кабинет был просторной квадратной комнатой, треть которой занимала кровать. На полу валялись чьи-то несвежие белые носки. В углу беззвучно работал телевизор. В другом сиял синим и красным торшер на тонкой стальной ноге. Сракандаев в накинутой на голое тело махровой простыне стоял к Степе левым боком, склоняясь к стеклянному столику, на котором лежала журнальная страница, накрытая перевернутой тарелкой. В его руке была бумажная

трубочка, через которую он проворно убирал носом полоску белого порошка со стекла.

Степа прикрыл дверь и бросил портфель в угол. Ему показалось, что дверь закрывается очень медленно, а портфель надолго завис в воздухе — все происходило совсем как в фильме «Спайдермен», когда у героя прорезалась сверхчеловеческая скорость восприятия. Чувствуя, что тело слушается его недостаточно быстро, он пошел на Сракандаева, поднимая руку, в которой был сжат лингам. Степа догадывался, что выглядит грозно — в развевающейся рясе, с крестом на груди и красным копьем судьбы в вытянутой руке, он, должно быть, походил на солдата добра в час решающей битвы.

Сракандаев поднял на него глаза, полные недоумения. Оно сменилось страхом, и Сракандаев стал медленно разгибаться Степе навстречу. Степа заметил облако белой пыли, которое появилось в воздухе возле его носа — должно быть, от испуга он выдохнул только что втянутый порошок.

Когда он полностью распрямил свою спину, Степа приставил красную головку лингама к его лбу и с торжествующим рыком изо всех сил сжал оружие в кулаке.

Но выстрела не последовало. Степа не ощутил даже щелчка, который показал бы, что случилась осечка, — не произошло ничего. Не понимая, что делать дальше, он замер на месте, глядя в полные ужаса глаза Сракандаева.

Время потекло со своей нормальной скоростью. Сракандаев моргнул, потом еще раз, и ужас в его глазах сменился недоумением. Потом инте-

ресом. А потом каким-то новым, незнакомым Степе чувством. Он облизнул губы и вдруг, задрвав подбородок, провел по лингаму языком.

И тут Степе стало страшно.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату ворвались трое охранников во главе с Клинтом Иствудом, сжимающим в руках помповое ружье.

— Все в порядке? — крикнул один из охранников.

— В полном, — ответил Сракандаев, отводя глаза от Степы. — А что такое?

— Да камера в коридоре показала, что к вам... Ну этот...

— Бля, я же просил не беспокоить, — сказал Сракандаев и оглушительно чихнул.

Клинт Иствуд смерил Степу долгим взглядом — недоверчивым и уважительным. Сракандаев указал рукой на выход, и охранники удалились, деликатно прикрыв за собой дверь.

Степа понял, что он, словно какой-то немислимый Ленин, так и стоит с красным членом в протянутой вперед руке. Он опустил руку, но Сракандаев поймал его за запястье.

— Сюда, — сказал он и подтащил Степу к стеклянному столику.

Сняв тарелку с горки белого порошка (Степа отчего-то подумал, что это карликовый сугроб, как бывают карликовые деревья-бонсай), он подгреб часть к краю журнальной страницы.

— Давай, — сказал он Степе, протягивая ему зашмыганную трубку, свернутую из банкноты.

— Я не...

— Я сказал, давай, — хрипло повторил Сракандаев и облизнулся.

Степа решил не спорить. Положив член на столик, он взял у Сракандаева трубку, сунул в нос тот конец, который был чище, и, придерживая другой рукой бороду, втянул в ноздрю отвратительно горький порошок.

— Вторую.

— Мне хватит, я...

— Я сказал, вторую.

Степа перевел дух.

Страница с порошком по виду была рекламной вклейкой из глянцевого молодежного журнала. Два места на ней были помечены желтым маркером. Вверху помещалась фотография, на которой два малосимпатичных человека с мясистыми лицами пожимали друг другу руки на фоне полок с кассетами. Прямо по ним проходила надпись: «Приходи к лидеру, становись дилером. Дистрибуция видеокассет концерна „Премьер-Видеофильм“». Другое подчеркнутое объявление пряталось внизу: «Приходи к дилеру, становись лидером. Метамфетамины таллиннского химкомбината „Старая башня“». Еще ниже начиналась россыпь порошка с кратером, только что оставленным трубкой в Степиных пальцах.

— Объявления читаешь? — сказал сзади Сракандаев. — Моего дилера тоже прикололо. Он уже второй месяц в эту страницу фасует. Такое чувство, что он их сам печатает. Или весь тираж скупил.

Сракандаев говорил в нос, отчего его речь напоминала голос доброго мультипликационного персонажа. Степе показалось, что он уже видел где-то слово «метамфетамины» или какое-то похожее, но вспомнить точно он не смог.

— Ну ты давай, или как?

Сракандаев, похоже, начинал нервничать. Степа подчинился и всосал другой ноздрей еще одну порцию белой дряни.

— Что это? — спросил он, отдавая трубку Сракандаеву.

— Мультивитамин, — ответил Сракандаев. — Формула успеха.

— Это им морячка накачали?

Глаза Сракандаева превратились в две узенькие щелочки. Степа понял свою оплошность. Но было поздно.

«Сейчас охрану позовет», — похолодев, подумал он, и его рука взяла лингам со столика, прежде чем он вспомнил, что магическое оружие отказало. Сракандаев проследил за этим движением, и его лицо прояснилось. А затем и вовсе расплылось в улыбке. Он погрозил Степе пальцем.

— Н-ну хорошо, — сказал он. — Только одно условие.

— Какое? — спросил Степа, чувствуя, что в голове у него нарастает противный зудящий звон.

— Я буду осликом.

Сракандаев подобрал с пола то, что Степа принял за грязные белые носки, и натянул на голову. Это была эластичная повязка-бандана с двумя длинными белыми ушами, которые упали на плечи Сракандаева, придав ему сходство не столько с осликом, сколько с пожилым мудрым зайцем. Заяц шагнул было к отшатнувшемуся Степе, но затем, видимо, вспомнил что-то важное и вернулся к кровати.

— Сейчас, — сказал он, роясь в куче валяющегося на полу белья. — Вот.

В его руках появился прямоугольный предмет, который Степа принял за небольшую картину в раме. Вернувшись к столику, Сракандаев поставил картину на него, прислонив ее к стене, затем озабоченно поглядел куда-то вверх и изменил угол ее наклона. Степа с удивлением понял, что это застекленная фотография Путина в кимоно. Сракандаев еще раз осмотрел комнату и чуть довернул фотографию вправо.

— Теперь можно, — сказал он и сбросил с плеч простыню.

Степа посмотрел на его выпирающий мохнатый живот, стараясь не опускать глаза ниже. Сракандаев ухмыльнулся.

— Некоторые говорят, что это от пива, — сказал он и подмигнул. — Врут. Это для пива.

Отвернувшись, он опустился на колени, крепко уперся локтями в пол и повернул к Степе лицо. На нем изобразилась озабоченность, и его ладонь, просунувшись между ног, закрыла ложбинку между ягодицами.

— Скажи мне честно. Ты, случайно, не марксист?

— Шутите, барин, — с недоброй улыбкой ответил Степа.

— Точно не марксист? — переспросил Сракандаев, игриво нахмурившись.

Степа отрицательно покачал головой. Сракандаев улыбнулся и убрал ладонь.

— Ну хорошо... Возьмем от жизни все, — сказал он. — И-раз...

Степа понял, чего от него ждут, и посмотрел на лингам в своей резиновой руке.

— Ну же, — нетерпеливо повторил Сракандаев и слегка качнул задом.

«Главное, — подумал Степа, опускаясь на корточки, — чтоб охрану не позвал...»

Через минуту он уже не очень понимал, где он находится и что происходит. Глядя на свою мерно работающую руку, он не испытывал ни возбуждения, ни отвращения. Не было даже личной вовлеченности в происходящее — словно он чистил плунжером засорившийся унитаз. Удивительно натуралистичные ослиные крики, которые время от времени издавал Сракандаев, придавали этому занятию какой-то среднеазиатский колорит. Степу занимало только то, чтобы Сракандаев случайно не коснулся телом его ясы, — почему-то казалось, что тогда все обойдется.

Сракандаев снова повернул к Степе раздумывавшееся лицо и сказал:

— Побудь Таней, а?

— Чего? — испугался Степа.

— Да нет, ты не понял. Просто представь себе, что ты — Таня.

— Если честно, — ответил Степа, — я хотел побыть Пикачу.

Сракандаев криво и бесстыдно улыбнулся.

— Слушай, — сказал он, — побудь пять минут Таней, потом всегда будешь Пикачу!

Что-то мягко ухнуло в Степиной голове, и ему стало казаться, что он зоотехник на стреляющей огнями и звуками новогодней ферме. Он сообразил, в чем дело, — действие наркотика наложилось на воспоминание об искусственном осеменении, виденном однажды во время сельхозработ.

— Георгий Варфоломеевич, — сказал он, — вы, надеюсь, понимаете, что я делаю это исключительно из уважения к вам?

— Я так тебе за это благодарен! — ответил Сракандаев, поднимая брови. — Так благодарен! Только зови меня Жорой. И давай уж сразу на «ты»!

Степа заметил на восковом плече Сракандаева татуировку — такие, наверно, были в моде в богемных кругах. Это был штрихкод с тремя шестерками над блоком вертикальных линий разной толщины. Снизу была надпись: «*Торговля с рук разрешена*». Выглядела татуировка очень стильно.

Вдруг Степа понял, что «666» переправлено на «366», скорее всего в кустарных условиях, потому что на месте первой шестерки остался похожий на тень след, а дужка тройки выглядела неровно и грубовато. Его так поразило увиденное, что он отпустил лингам и обернулся, словно ожидая увидеть Бингу, глядящую на них со Сракандаевым в свой волшебный калейдоскоп.

— Давай, Танек, не тормози! — прошептал Сракандаев.

Бинги нигде не было. Степа снова взялся за свою зоотехническую работу.

«Триста шестьдесят шесть, — подумал он. — А почему? Непонятно... Ведь тоже прикидывает человек, считает, боится ошибиться. Надеется, что все обойдется... Про душу думает...»

Цифры означали, что в Сракандаеве, точно так же, как и в нем самом, шла мучительная борьба добра и зла, света и тьмы, только эти вечные субстанции протекали сквозь чужое сердце по неведомым руслам. Степа ничего не понимал про эту

враждебную вселенную, про этот антимир, который был сейчас так близко...

Опустив глаза, он увидел ягодицы Сракандаева и вспомнил фрагмент своего сна — овалный вырез в трико ночного незнакомца. Он отвел взгляд, но увиденного было достаточно, чтобы вспомнилось предсказание, сделанное по телефону Простиславом.

«Войдешь в пещеру в бездне, — изумленно подумал он. — А ведь точно... Все знали китайцы! Пять тысяч лет назад все знали!»

Порошок между тем действовал все сильнее. Степа перестал слышать крики Сракандаева — вернее, перестал их воспринимать. Пронзительное «И-ааа», которое Сракандаев издавал с интервалом в несколько секунд, стало подобием звуковых обоев.

Что-то произошло с его зрением — похоже, начались галлюцинации. В один момент перед ним была дергающаяся человеческая спина в складках жира, а в другой он совершенно ясно видел, что накачивает велосипедным насосом большого толстого зайца, который почему-то кричит ослом. Этот заяц был такой белизны, что Степе пришлось щурить глаза. Потом он закрыл их совсем и понял, что может видеть свои мысли. Одна из них оказалась совершенно поразительной.

Степа увидел белое «34» — совсем как в тот вечер с Мюс. Но ее красного «66», огромного и неподвижного, нигде не было. Вместо этого вокруг летало небольшое синее «43» Сракандаева, описывая безумные рваные круги, как летучая мышь в сумерках. Два числа отталкивались друг от дру-

га, словно магнитные полюса одного знака, и так продолжалось до тех пор, пока после очередного кувырка они не сложились в невозможное, ядовито-зеленое «77».

За этим числом открылась целая галерея образов: они со Сракандаевым, в черных рубахах, с факелами в руках, грохочущим шагом идут к огромному костру в шеренге с такими же крепкими ребятами... Надежное мужское товарищество, воспетое Де Садом... Вскинутая в римском салюте рука... Степа почувствовал, что все это не нравится ему до тошноты. Кроме того, он понял, что число «77» одной природы с «66» — оба сулят ему что-то опасное и дурное, хотя и непонятно почему.

Он почувствовал себя беззащитным и маленьким среди этих огромных цветных цифр — чужих, равнодушных, оглушительно трубящих на него ослом. А ведь у него было свое заветное число... Где оно теперь? Неужели оно покинуло его в этом сумрачном пространстве греха и падения, и осел растопчет его своими четырьмя копытами, трясая над ним тремя отростками — ушами и хвостом?

НЕТ.

Степа снова увидел вверху белое «34», похожее на пару обнявшихся ангелов. Теперь оно казалось совсем маленьким, так глубоко в бездну он сошел по лестнице порока. Но все же его можно было различить. Степа молитвенно поднял руки, заставив Сракандаева недовольно мыкнуть. И тогда из белого «34» ударил луч, который осветил все вокруг и погас, коснувшись Степиного лба.

Число «34» исчезло. Но Степа знал, что это не страшно, потому что теперь оно было в нем. Оно *снизошло*.

Его ум заработал совсем иначе, чем секунду назад.

Осел был могуч. Очень могуч. Но было одно животное, которого он боялся. Был зверь, способный его победить...

«34» сверкнуло в Степиной голове и стало словом «волк».

Это слово начиналось с третьей буквы алфавита. Всего букв в нем было четыре. Тридцать четыре! Три согласных, четыре буквы. Двойное «тридцать четыре»!

«Волк! — подумал Степа. — Как же я не догадался? Волк!»

Он длинно завыл на лампу торшера. Сракандаев повернул к нему рассыпающееся на цветные осколки лицо, ослабил и спросил:

— Ну, как порошок?

Степа опять завыл, а потом его вой превратился в рык такой силы, что Сракандаев согнулся и задрожал, прижавшись грудью к полу.

«Пикачу был маленькой тихой свинкой, — подумал Степа, — но злые люди разбили его сердце. И он стал волком! Он теперь волк! Волк! Волк!»

«34» еще раз вспыхнуло в его мозгу, окончательно сплавив его с собой в одно целое. Когда огонь угас, Степы уже не было. Возле елозящего на коленях Сракандаева стоял Степной Волк.

DER STEPPENWOLF.

Он сильно отличался от Степы.

Степе были нужны какие-то резиновые инструменты. Степному Волку они были ни к чему. У него имелся собственный инструмент — серый угловатый DER, покрытый клочьями жесткой шерсти и вполне готовый к тому, чтобы кого-нибудь дернуть. Степной Волк потянул за красную кочерыжку, и лингам победы выскочил из пещеры в бездне.

— Ну что, ослик... Сейчас ты ответишь за все, — прошептал Степной Волк почти нежно, сдерживая рвущееся из горла рычание. — Сейчас ты узнаешь, что такое Степной Волчий Хуй! На! На! На-На!

— Татьяна! — закричал Сракандаев. — Я не могу! Татьяна!! Нет! Нет! Да! Да!! ДА!!! ТАТЬЯНА!!!!

Он замолотил рукой по полу, словно сдающийся борец.

И Степной Волк понял, что Осел низвергнут.

Как только это стало ясно, Степа ощутил, что он больше не Степной Волк. Он снова был собой, и в темноте перед его закрытыми глазами уже не вспыхивали молнии и не проплывали числа. Степа не понимал, как он мог оказаться в такой дикой ситуации. Но Сракандаев, несмотря на агонизирующие крики, так умело качал своим мягким задом, что ситуация все продолжалась и продолжалась, хотя сам Степа уже ничего для этого не делал.

Он моргнул несколько раз, чтобы привести глаза в фокус, и увидел перед собой чье-то знакомое лицо. Но это был не Сракандаев. Прошло несколько секунд, прежде чем он понял, кто это.

С портрета на столике, добродушно улыбаясь, глядел Путин в кимоно. Глядел он, ясное дело, не

на вакханалию в кабинете, а куда-то вдаль — туда, где простирались зеленые просторы Евразии, свинцовые воды Атлантики и желтые дюны аравийских пустынь. И думал он явно не о них со Сракандаевым, а о чем-то важном, путинском. Но Степа не сомневался, что краем глаза Путин видит не только мировые пожары и бури, но и их со Сракандаевым, и не особо одобряет происходящее в комнате, хотя, конечно, не станет за это карать — не те времена. И все же что-то подсказывало Степе, что после новой галочки в деле спрос с него будет чуть строже. И спрашивать будет не Путин, а он сам. И так же спросит с себя Сракандаев.

А за то, что после случившегося им разрешено будет жить дальше и не просто пресмыкаться где-то во мраке, а дышать полной грудью, не боясь ни травли, ни ночного стука в дверь, он испытал к новой эпохе такую благодарность, такое доверие, такую нежность, что эти чувства, достигнув невозможного зенита, естественно переросли в неостановимую судорогу любви. Со Сракандаевым, видимо, произошло то же самое — не поворачиваясь, он упрямо дернул спиной, взмахнул своими длинными белыми ушами и зашептал жаркой скороговоркой:

— Семь центов, семь центов! Семь центов!

Сидя в вагоне-ресторане, Степа пил коньяк, поглядывая на свое отражение в окне. Когда поезд проносился под мостом или мимо какой-нибудь

темной стены, становился виден мужчина с всклокоченной бородой и ввалившимися глазами, одетый в помятую рясу. Зрелище вызывало тяжелое чувство.

Рядом с бутылкой на столе лежали мятые уши Сракандаева — памятный подарок, который Степа получил в обмен на красный лингам победы. Степа чувствовал весь символизм этой операции, так жестоко рифмующийся с новейшей историей России. Это делало его состояние еще мизерабельней. Хуже всего было то, что он даже не понимал, чем кончилась битва при «Перекрестке» — победой или поражением.

«Но пораженья от победы ты сам не должен отличать», — говорил Пастернак.

Степа со школы уважал Пастернака, зная, как трудно среди отечественных *заложников вечности у времени в плену* найти таких, которые не страдали бы стокгольмским синдромом в острой гнойной форме. Но все равно завет классика не грел.

«Вот оно как, — думал он, глядя на мерцающего в окне грешника. — Едет по России поезд. В нем сидит обычный парень, симпатичный и скромный. И никто даже не догадывается, что это и есть тот самый Пидормен, о котором все слышали столько невероятных историй...»

— Можно к вам присесть?

У стола стоял милиционер из линейного отряда — он уже несколько раз проходил мимо, привлеченный, видимо, романтическим видом Степы. Степа пожал плечами.

Милиционер сел напротив.

— А что это у вас за тряпочка? — спросил он.

Степа молча подвинул ему уши через стол. Милиционер с интересом взял вещицу в руки.

— *Танечке на память о встрече в Зазеркалье*, — по слогам прочитал он черные каракули Сракандаева. — Интересно. А что это за ослик подрисован? Вместо подписи, да? Смешной.

Степа молчал.

— А кто же эта Танечка, а?

— Поверьте на слово, — сказал Степа, поднимая бездонные пропасти глаз, — есть вещи, которых вам лучше не знать. Крепче спать будете.

— Вид у вас усталый. О чем-то тяжелом вспоминаете?

— Угадали, — ответил Степа.

— Не поделитесь?

— Да вам неинтересно будет.

— Попробуйте.

— Охота вам лезть в чужую душу.

— Ну почему лезть. Сами расскажите. Глядишь, и легче станет.

Степа несколько секунд молчал, подыскивая слова.

— Оказывается, я не только пидор, — сказал он наконец. — Оказывается, я еще и тварь дрожащая...

— Да? — тускло переспросил милиционер. — И чем вы это объясняете?

Степа пожал плечами.

— Может быть, подсознательные склонности, в которых не отдавал себе отчета. Раболепие, которым заразили детскую душу в советские времена... А может, порошок такой.

— Понятно. А документики ваши можно?

Степа сунул руку в карман, вытащил сложенную вдвое стодолларовую бумажку и, раскрыв ее книжечкой, протянул через стол. Милиционер взял купюру двумя руками, посмотрел на президента в овале, потом на Степу, потом опять на президента.

— Без бороды снимались, что ли? — спросил он подозрительно.

Степа кивнул. Беседа начинала его раздражать. Милиционер спрятал банкноту, встал и козырнул.

— Ну что ж, отец Бенджамин, — сказал он, — добро пожаловать в город-герой Москву.

Степа налил себе еще коньяку. Ему вспомнились суетливые манипуляции, которые Сракандаев проделывал вчера с фотографией Путина, — словно его пугала даже минутная разлука с этим изображением. А то раболепие, которое проснулось в нем самом, было вообще необъяснимо. Хотелось верить, что это всего лишь эффект проклятого порошка, от которого все утро текли из носа кровавые сопли.

Но Степа подозревал, что дело было глубже.

«Откуда в русском человеке это низкопоклонство, это генетическое холопство перед властью? — думал он. — Непонятно. И ведь самое забавное, что мы хорошо эту свою особенность знаем. Даже слово „ментальность“ научились говорить. Только куда девается то, что мы понимаем про свою ментальность, когда эта самая ментальность включается по первому ментовскому свистку? Говорят — умом Россию не понять. А почему? Да очень

просто. Когда *это самое* начинает шевелиться в душе, ум сразу уезжает в Баден-Баден. А когда отпуск берет *это самое*, ум возвращается и делает вид, что ничего не было и у нас тут чисто Европа, просто медведи белые. Каждый, кто здесь родился, все понимает до мельчайших подробностей. И все равно попадает по полной программе... Сэ ля мы».

Степа посмотрел на лежащие на столе уши, и воспоминание о недавнем кошмаре покрыло его щеки густым румянцем. Он прикрыл глаза, чтобы не видеть своего отражения в окне.

В кармане зазвонил мобильный.

— Алло, — сказал Степа, поднося к уху трубку.

— Здорово, — жизнерадостно крикнул в трубке Лебедин. — Как дела?

— Нормально.

— Тоже осла ебал? Добро пожаловать в члены клуба!

— А? — ошарашенно спросил Степа.

— Запись уже в Москве. Сейчас быстро — по интернету гоним. Всем отделом с утра уссывались, как ты его хуярил. Просто какая-то победа добра и света. Чего это ты руки к потолку так поднимал? Молился, что ли?

Степа ничего не ответил.

— А рычал-то как... Тебе, Степ, в кино сниматься надо, а не в банке штаны просиживать.

Степа снова промолчал.

— Но ты учти, что, когда осел так орет, это всерьез и надолго. Он влюбчивый... Ты чего молчишь?

— Не знаю, что сказать, — признался Степа. — Голова болит.

— А потому что дрянь эту нюхал. Вот этого от тебя, если честно, не ждал. Осла отхуярить — святое дело. Но это-то зачем?

— Будет теперь и на нас с ослом компромат.

— Какой компромат, — вздохнул Лебедин. — Если бы. Осел хитрый. Вот прикинь — на тебя у нас компромат есть. Ты сам на меня материал кое-какой тоже имеешь, знаю-знаю... А вот на осла, которого все ебали, ни у кого ничего нет. А пленки-то есть, и какие пленки! Альмодовар отдыхает. Представь — стоит осел раком и орет в мобилу: «У меня хватит политического влияния в этой стране, чтобы вас всех поставить раком!» И головой трясет, чтоб уши с глаз отбросить, а то самому не видно, кто его пялит. Я реально говорю, на это смотреть для здоровья вредно, так ржешь. Ну и что? Пленки есть, а компромата нету! Можешь представить?

— Нет, — ответил Степа. — Не могу. Как такое может быть?

— А так. Думаешь, зачем он портрет Путина рядом ставит? Потому что знает — в таком виде мы это ни на один сайт не повесим. Умный... Понимает ситуацию. А раньше фото было, где он с Ельциным в обнимку...

Степа долго ничего не мог ответить. Наконец молчание стало невыносимым, и он почувствовал необходимость сказать хоть что-нибудь.

— А почему... э-э-э... а почему вы не можете старые пленки, ну те, где он с Ельциным, сейчас запустить?

Теперь надолго замолчал Лебедин.

— Ладно, — сказал он наконец, — я не за этим звоню. У тебя телевизор рядом есть?

Степа поглядел под потолок.

— Да есть тут один, не знаю, работает или нет.

— Включай. Сейчас первый выпуск «Чубайки». Он, правда, немного неровный, не обкатали еще до конца. Как говорится, первый блин комом. Но людям, кто видел, нравится. Короче, включай.

— Понял, — сказал Степа без особого энтузиазма.

— И еще, — продолжал Лебедин, — личный вопрос. Если не секрет, где это ты так переодеться научился? Что, бля, тоже в Панкисском ущелье тусовался?

— Я... Да нет, я...

— А то смотри. Люди нервничают. Осел, когда ты к нему в банк с этой бородой первый раз пришел, вообще обосрался. В час ночи мне позвонил — он даже не понял сначала, что это ты.

— А он что, он знал? — изумленно спросил Степа.

— А ты думал. Я же лучшая «крыша» в городе. А у него три видекамеры в приемной. Я ему и сказал, чтоб он не парился, — у тебя к нему реального базара быть не может, что-то личное, романтическое. Так что он тебя с тех пор и дожидается. У тебя вазы в офисе есть?

— А что?

— Купи, если нет. Будешь каждый день букет получать с курьером. Знаешь, Степа... Я тебя, с одной стороны, конечно, понимаю — присмотреться к партнеру, то да се... Но с другой стороны, нашел ты геморрой на свою голову, вот что я скажу.

— Почему?

— Ты просто не все про него знаешь. Тебе ведь его не только пялить надо будет, а еще на лугу пас-

ти и волков отгонять. Иначе он реветь будет, и довольно громко. А волками у него на даче два таких сенбернара работают, что ты, прямо тебе скажу, заебешься.

— Все, капитан, — сказал Степа. — Я пошел телевизор смотреть.

— Ну давай, братан. До скорого.

Телевизор под потолком вагона-ресторана работал плохо. Сигнал был слабым — по экрану шли косые полосы помех, и звука почти не было. Как только кончился рекламный блок, экран почернел, а потом взорвался радужной вспышкой салюта. Когда огни угасли, на экране осталась огромная золотая цифра «43». Четверка задрожала, несколько раз крутанулась вокруг оси, качнулась и, как язык колокола, со звоном ударила в тройку. Волнами от удара разбежались веселые разноцветные буквы, сложившиеся в слова «Чубайка» и «Зюзя». Затем между ними с чпокающим звуком вылупилась маленькая зеленая буква «и», напомнившая Степе своим ядовитым цветом число «77» из его петербургского делириума. Он почувствовал подступающую к горлу тошноту, вскочил и кинулся в туалет.

Когда он вернулся, Зюзя и Чубайка были уже на экране. Степа не понял, куклы это или анимация, но сделано было здорово. Они выглядели в точности так, как описал в проекте Малюта, только Зюзя, одетый в эковский ватник с тельняшкой, был даже страшней, чем Степа представлял. Мрачно поглядывая на Чубайку и делая время от времени уродливые медвежьи жесты, он продолжал разговор, начало которого Степа пропустил:

— Чубайка, хотите, я напомним, как в России началась новая эпоха?

— Попробуйте, Зюзя.

— Сидел русский человек в темном сарае на табуретке. Сарай был старый и грязный и ужасно ему надоел. Русскому человеку говорили, что он сидит там временно, но он в это не верил, потому что помнил — то же самое говорили его деду с бабкой. Чтобы забыться, русский человек пил водку и смотрел телевизор. А по нему шли вести с полей, которые тоже страшно ему надоели.

— Разве не жуть, Зюзя?

— Однажды телевизор показал огромный светлый дом с колоннами, каминами и витражами, с красивой мебелью и картинами. А потом, Чубайка, на экране появились вы. На вас был этот же самый смокинг и бабочка. Вы попросили зрителя ответить на вопрос, где лучше — в грязном старом сарае или в этом огромном светлом доме?

— И что ответил русский человек, Зюзя?

— Русский человек ответил, что лучше, конечно, в огромном светлом доме. Вы сказали, что такой выбор понятен, но путь туда непрост и плата будет немалой. И русский человек согласился на эту плату, какой бы она ни была.

— Продолжайте, Зюзя.

— И тогда, Чубайка, вы открыли русскому человеку страшную тайну. За право находиться в этом доме ему придется стать табуреткой самому, потому что именно так живет весь мир, и людей этому обучают с детства...

— Ну и?

— А когда русский человек перекрестился и действительно стал табуреткой, вы объяснили, что

в стране сейчас кризис. Поэтому огромных светлых домов на всех не хватит. И ему, то есть как бы уже ей, временно придется стоять в том же самом сарае, где и раньше. Но только в качестве табуретки.

— Интересно излагаете, Зюзя. И что дальше?

— А затем уже без всяких объяснений на табуретку уселась невидимая, но очень тяжелая задница, которая на своем языке разъяснила бывшему русскому человеку, что не следует интересоваться, чья она, потому что у табуреток тоже бывают проблемы. А лучше подумать о чем-нибудь другом. Например, о том, какая у него, то есть у нее, национальная идея...

— Вот. Наконец-то мы добрались до темы сегодняшней передачи, — сказал Чубайка, повернулся к телезрителю, и камера дала его крупным планом, оставив Зюзю за кадром. — Здравствуйте, дорогие россияне! Меня зовут Чубайка. А это, как вы догадались, Зюзя. Вообще-то, он не такой дурень, каким мог показаться, но до него все слишком медленно доходит. Он не понимает, что табуретка в нынешних условиях молиться должна, чтобы привлечь к себе инвестора. А какой инвестор захочет, чтобы его называли задницей? Кстати, Зюзя, вы с рыночной точки зрения табурет никакой. Скрипите сильно — это я вам как единственный реальный инвестор говорю...

Степа понял, что больше не может выносить этих гуннских плясок на могиле своей мечты. Когда он выходил из вагона-ресторана, на вахту у телевизора заступил замасленный железнодорожный люмпен, непонятно что делавший среди чистых скатертей и сверкающих столовых прибо-

ров. Он переключил программу, попал на новости и довольно осклабился:

— У-у, Колин Пауэлл... А вон и Коля...

Добравшись до купе, Степа рухнул на свое место. Полежав на спине, он понял, что не уснет, и вытащил из портфеля «Братьев Карамазовых». Он никогда не читал этой книги, хотя помнил, что в детстве смешил родителей, выговаривая ее название как «Братья Кармалазовы», а потом два раза писал по ней сочинения в школе («*мучительные раздумья большого художника о судьбах России и духовных поисках живущего в ней человека*», высший возможный балл — «три» за содержание, «четыре» за грамотность).

Сейчас, наверное, поздно было начинать. Но слушать радио было скучно, и он открыл том на неизвестно кем и когда заложенной странице:

«Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, и определить нельзя потому, что бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Иной высший даже сердцем человек и с умом высоким начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским...»

Степа понял, что по радио как раз крутится песня этой самой Мадонны, словно состоящая из заголовков бизнес-ньюз, которые сами собой разворачивались в его голове в чугунные информационные блоки:

«You know that we are living in a material world,
And I'm a material girl...»¹

---

¹ Ты знаешь, что мы живем в материальном мире, и я материальная девушка...

«Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы...»

*«You know that you are living with a material girl,
And this is a material breach...»¹*

Степа поднялся и с такой силой выключил радио, что круглая ручка осталась в его кулаке. Он швырнул ее в угол. «Какие там идеалы, боже мой», — подумал он и стал читать дальше:

«Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота?»

Степа уронил книгу и застонал:

— Ах, если бы, Федор Михайлович! Если бы!

34

Утром Степина машина попала в пробку на Пушкинской, и он задремал за спиной шофера. Придя в себя от гудков, он несколько секунд не мог понять, где находится, пока не увидел рекламу пепси-колы со словами «Бери от жизни все!».

При виде бутылки в руке лирического героя Степа провалился в ассоциации, которые заставили его так сложно наморщиться, что сидевший за рулем соседнего джипа человек заерзал на месте и несколько раз нервно просигналил.

---

¹ Ты знаешь, что живешь с материальной девушкой, и перед нами — существенное нарушение резолюций ООН (дипломатический термин).

Когда машина тронулась, Степа вспомнил, что в обитой шелком коробке остался еще один лингам победы, такого же цвета ультрамарин, как этикетка на рекламе. Цвета удачи, хотелось бы верить... Но оснований для веры было мало.

«Что теперь? — подумал он. — Непонятно. Как в песне — и не разберешь, пока не повернешь... Фу...»

Мюс на работе не оказалось. Степа открыл дверь в бухгалтерию, и на него выплеснулись брызги чужого спора:

— Да чего он гонит-то? А раньше русский человек что, не был табуреткой? Не просто табуреткой, а стульчаком с большой дырой посередине...

Где Мюс, в бухгалтерии не знали. Бледная бухгалтер сказала, что второй день звонит Сракандаев, интересуется, когда Степа будет на месте. В контрольном отделе тоже ничего не знали про Мюс. Зато на ее столе в приемной лежал огромный букет роз, перевязанный муаровой лентой с вытисненным золотым осликом — за полчаса до приезда Степы его доставил курьер из «Дельта-кредита». Кроме того, с букетом прибыло письмо.

Тихо выругавшись, Степа взял его и пошел в кабинет — читать. Письмо, отпечатанное на розовой японской бумаге, было следующего содержания:

*«Степка,
когда я увидел тебя в этой рясе и перчатках, с этим крестом и всем остальным (хо-хей-хо!), я сразу понял, что ты very cool guy, с воображением и стилем. Я люблю ребят вроде тебя, потому что и сам такой — ты, наверно, уже в курсе. Я уверен, что впере-*

ди у нас немало клевых-преклевых обалденных минут, а может быть, даже часов и дней. Когда будет свободная секунда, раздай мне, пожалуйста, звоночек. А то я боюсь перегрузить твой автоответчик и прячь твою секретаршу.

Знаешь что? Выберишься-ка в этот уик-энд ко мне на дачу!

P. S. Как прикольно, что мы работаем над одним проектом! Я сразу понял, что мы одинаково смотрим на мир».

Вместо подписи был подрисован маленький ослик. Степа положил письмо на стол, опустил голову на руки и некоторое время глядел в темноту под веками, считая варианты, как сказал бы шахматист. Ни один не хотелось досчитывать до конца.

На столе звякнул селектор.

— Степан Аркадьевич, — сказала Люся из бухгалтерии, — курьер из «Дельта-кредита» еще здесь. Ему велено без ответа не возвращаться. Что сказать?

— Сейчас будет ответ, — буркнул Степа. — Где же Мюс?

— Не знаю.

Бросив трубку, Степа притянул к себе сракандаевское письмо, подумал немного и крупно написал под осликом:

«Пасись, жопа, пока Таня волков отгоняет».

«Нет, грубовато, — решил он, перечитав написанное. — Или нормально? Может, поменять „жопа“ на „жора“? Тогда с большой буквы надо... Вот черт, теперь еще и об этом волноваться...»

На всякий случай подрисовав под ответом что-то вроде интернетовского смайлика, он нажал на селекторе клавишу со стилизованной «М» (сердечко с двумя вертикальными ножками) и тут же вспомнил, что Мюс в банке нет. Без нее он чувствовал себя как без рук. Взяв письмо, он вышел в коридор. Там ждала Люся из бухгалтерии.

— Вот ответ, — сказал Степа, отдавая ей сложенный лист, — передай курьеру. Меня сегодня больше не будет.

— Степан Аркадьевич, не могли бы вы посмотреть последние платежки? — сказала девушка. — Они у вас на столе, бухгалтерия очень просит.

— Потом, — сказал Степа.

Вернувшись в кабинет, он попытался позвонить Мюс, но ее мобильный был выключен.

«Что же за день такой, — подумал он. — Даже пожаловаться некому...»

Подумав, он решил ехать в ГКЧП к Простиславу.

Простислав успел попасть в передрагу. Его только что отпустили из больницы после отравления соединениями ртути — оно было таким серьезным, что он даже побывал в реанимации. Степа слышал, что от ртути умерли почти все китайские богдыханы, занимавшиеся поисками вечной жизни, потому что в даосские рецепты пилюль бессмертия входила киноварь. Из-за этого в недомогании Простислава чудилось что-то высокое, императорское, и Степе неловко было заводить разговор о своих проблемах. Но к счастью, рассказывать ничего не пришлось — достаточно оказалось упомянуть Сракандаева.

— А, Ослик Семь Центов, — вздохнул Простислав из-под пухового одеяла, и его бледные скулы порозовели. — Тяжелый случай. Его даже свами Макананде показывали, когда тот в Москву приезжал. Макананда етот, значит, сказал, что ослику можно помочь, если найти его гипногешталът.

— Гипногешталът? А что это такое?

— Это внутренняя ось зла каждого человека. То, что делает нас такими, какие мы есть, независимо от воли и желания. Типа незаметно гипнотизирует в фоновом режиме.

— А пример можно? — спросил Степа. — Что им может быть?

— Да все, что хочешь. Например, ребенок растет бандитом, потому что окно его комнаты выходит на афишу кинотеатра, где постоянно всякие гангстеры с пистолетами. Или девочка становится стриптизершей, потому что в серванте стоит статуэтка голой балеринки, на которую она смотрит с рождения, и так далее. Вот, значит, и у Сракандаева тоже где-то есть такой гипногешталът, из-за чего он... Ну ты понял. Но что это такое, никто пока не догадался. Пробовали его гипнотизировать...

Простислав замолчал и покачал головой, словно борясь с каким-то мучительным воспоминанием.

— Ну? — спросил Степа.

— Баранки гну. Он сам так всех загипнотизировал, что вспомнить стыдно. Стали дальше думать. Обыскали дачу, квартиру — думали, может, у него там где ослик деревянный с детства остался. Ничего не нашли. Загадка. А че тебе-то за интерес?

— Он мой партнер по бизнесу, — сказал Степа. — Надо же знать, с кем вместе рискуешь.

— Насчет бизнеса можешь не волноваться, — сказал Простислав. — Тут осел не ошибется. Смотри только, чтоб тебя самого не кинул, — он ушлый. Это я не в смысле ушей, хе-хе...

Разговор с Простиславом запал Степе в душу.

«Вот оно что, — думал он по дороге в банк. — Выходит, „43“ — это мой гипногештальт. Ну нашел. А дальше что? Что мне делать, когда я это понял? Я ведь вроде понял? Или не понял? Вот это как раз ясно не до конца... Надо уточнить у Простислава».

На работе уже никого не было. Степа вошел в кабинет и включил свет. Глаза остановились на плакате «Так надо!» над рабочим столом, и он подумал, что восклицательный знак может сбивать всю настройку, превращая «34» в «35», и его стоило бы заклеить полоской белой бумаги.

На столе накопилась целая кипа бумаг. Степа обреченно вздохнул.

«Завтра с утра посмотрю, — подумал он, — Нет, завтра у нас это самое... Тогда в понедельник».

На вершине бумажной горы лежал сложенный вдвое розовый лист. Степа узнал письмо Сракандаева, которое велел отдать курьеру.

«Чего они, забыли, что ли?» — подумал он и взял его в руки. Оказалось, что оно успело побывать в «Дельта-кредите» и вернуться назад — под его ответом было написано:

«COOL-COOL-COOL!!!»¹

---

¹ Класс-класс-класс!

Снизу была подрисована ослиная морда, широко улыбающаяся, с зажмуренными от счастья глазами и какими-то веселыми звездами, летающими вокруг по неровной орбите. В ослиной морде ясно читалось «43» — немного стилизованную четверку давали челюсти, а тройку — уши.

43

Господин Чжоу И должен был сидеть в последней комнате по коридору, это Степа знал твердо. Проблема заключалась в том, что последних комнат было две — справа и слева. Их симметрично расположенные двери упирались прямо в тупиковую стену, на которой был нарисован алтарь с седобородым духом-покровителем, державшим в одной руке персик вечной жизни, а в другой — бумажный свиток, исписанный мелкими иероглифами. По бокам от духа-покровителя летели по небу бессмертные даосы на белых журавлях. Изображение было очень старым, но сохранилось хорошо.

Над верхней границей алтаря остался еще более древний слой, на котором синела выцветшая надпись, сделанная головастиковым письмом. Степа заметил, что понимает не только значение каждого из знаков, но и общий смысл фразы. Больше того, он знал ее происхождение. Это было даосское изречение-врата для вступления на Путь. Иероглифы означали:

«Лучше журавль в небе, чем... в...».

Два последних иероглифа стерлись, но все было ясно и без них. Степа, вообще-то, уже начинал догадываться об этом и без древних даосов. Но размышлять на эту тему не было времени — надо было понять, в какую из комнат идти, правую или левую. Выбирать следовало быстро, потому что из-за угла уже слышались ленивые разговоры, смех, военные песни Эминема, звуки торопливого совокупления, гудки машин и лай собак — словом, обычный шум погони. Наконец в одной из строк на свитке духа-покровителя обнаружилось число «34», а рядом — указывающая вправо стрелка.

Господин Чжоу И сидел на полу в центре комнаты. На его лице была белая венецианская маска. Это Степа объяснил тем, что между Китаем и Венецией существуют торговые связи — венецианцы меняют маски на шелк. Догадку подтверждал наряд господина Чжоу И — он был в черном блестящем шелке, а его грудь украшал расшитый яркими узорами квадрат. Еще у него был красный шарик на шапке. Перед ним стояли тушечница и кисть. Справа лежал короткий меч с желтой кисточкой, привязанной к рукояти.

— Здравствуйте, господин Чжоу И, — сказал Степа.

Маска поглядела на Степу овальными дырочками глаз, и китаец хлопнул в ладоши. Подумав, Степа тоже хлопнул в ладоши и улыбнулся.

В руках китайца появился лист бумаги, который он положил на пол перед собой. Затем он наклонился вперед и стал мелко трясти головой. Стало слышно металлическое дребезжание. Степа понял, в чем дело. Три монеты, с помощью кото-

рых производилось гадание, были у китайца прямо в черепе. Остановившись, господин Чжоу И взял в руки кисть и провел ею по листу.

Проделав эту операцию шесть раз, он поднял лист и показал его Степе. На нем была нарисована гексаграмма, состоявшая из четырех непрерывных линий снизу и двух прерывистых сверху. Степа хотел спросить китайца, что это значит, но тот показал ему кулак с двумя оттопыренными пальцами — знак «Victory», — а затем опять стал трясти головой, и звон монет сделался таким громким, что Степа проснулся.

Он сразу вспомнил, что сегодня за день. В первые секунды казалось, что дело еще можно замять или поправить, повернувшись на другой бок и заснув опять. Но тут зазвонил будильник, и последний путь оказался отрезан.

Степа поглядел на высокие жидкокристаллические цифры, увидел дату и окончательно убедился, что произошло именно то, о близости чего давно предупреждали логика и здравый смысл. Сделав несколько вдохов, чтобы не дать свинцовому ядру, качнувшемуся в груди, выкатиться наружу, он сел в кровати.

«Когда-нибудь это должно было случиться, — подумал он. — Ну и вот. Что теперь? Ничего. Ведем себя спокойно. Главное, дотянуть до вечера. Завтра легче будет».

Особых оснований для такой надежды не было, но ведь надо было во что-то верить. Степа попытался заставить себя думать о чем-нибудь нейтральном. Например, о китайце из сна. Он помнил даже его имя — «Чжоу И». Следовало выяснить, кто это такой, пока память была свежей.

Взяв мобильный, лежавший возле будильника, он набрал номер Простислава.

— Привет, Простислав.

— Привет, Степа! — бодро ответил тот, словно ждал звонка. — С днем рождения! Мне органайзер все про тебя уже пропищал. Сколько тебе — сорок три?

— Я не отмечаю, — сказал Степа. — Скажи, кто такой Чжоу И?

— Кто? — удивленно спросил Простислав.

— Чжоу И.

— Это не «кто», это «что». Одно из названий «Книги перемен». Чжоуские перемены.

— А человека так могут звать?

— Ну только если очень надо. И за отдельную плату. А что?

— Так. Я, наверно, с Чжоу Эньлаем перепутал. Мне, представляешь, только что гексаграмма приснилась — четыре мужских внизу и две женских наверху.

— Ага, — сказал Простислав. — Номер тридцать четыре, «Мощь великого».

— Какой-какой номер?

— Тридцать четыре. Снизу триграмма «небо», а сверху — триграмма «молния». Типа как полыхнет, и думаешь — что это было? Очередь из «калашникова» или разметка на шоссе? А это уже небо, во как. Хе-хе-хе. Я ж тебе ее объяснял, помню-помню. Ты еще спрашивал, точно ли всем темным силам хана.

— Название я и сам припоминаю. Та-ак. Интересно... Скажи-ка, что это значит в практическом плане?

— В практическом плане? Сейчас. Сегодня у нас че, пятница? Значит, пятая черта... Чего там у нас на пятой позиции?

Слышно было, как Простислав зашелестел какими-то бумагами.

— Вот. «Утратишь козла даже в легких обстоятельствах. Раскаяния не будет». Такой расклад устроит?

— Хм... В принципе подойдет, — сказал Степа. — Если, конечно, не шутишь...

— Не, не шучу.

Степа вспомнил, что собирался спросить Простислава еще об одном.

— Слушай, а помнишь, мы про гипногештальт говорили?

— Помню, — ответил Простислав.

— Я правильно понял, что самое главное — это его найти?

— Вроде да.

— А если ты его уже нашел, что дальше?

Простислав некоторое время думал.

— Дальше, как говорится, надо осознать его пустотность.

— Это как?

— Да вот прямо так взять и осознать.

— И что потом?

— Потом гипногештальт тебе ничего уже не сделает.

— Почему?

— Чего ж он тебе сделает, ежели ты осознал его пустотность?

— А. Ну да, конечно. Ладно, я, может, потом перезвоню.

Сложив телефон, Степа долго сидел на месте. Он догадывался, почему ему приснилась именно тридцать четвертая гексаграмма. Видимо, где-то в складках памяти отпечатался ее внешний вид, и теперь, в тревожную минуту, психика мобилизовывала ресурсы, призывая на помощь все светлые силы.

Как бы там ни было, день начинался удивительно. В самом эпицентре зла распустился ослепительно-белый цветок надежды. Какой-то завораживающей древнеяпонской красотой веяло от этого. Лучшего подарка ко дню рождения придумать было нельзя.

Степа понял, что надо сделать — пойти в дзенский сад камней. Не давая порыву остыть, он оделся, вынул из шкафа обитую желтым шелком коробку, где лежал последний лингам победы, и положил его в карман куртки. Он не смог бы объяснить, зачем это делает, — просто показалось, что надо взять с собой магический ключ.

Ночью выпало много снега. Степа пошел по направлению к трем заснеженным пальмам, думая о словах Простислава про гипногештальт. Надо было срочно осознать его пустотность. Но как?

«Сорок три, — думал он. — Я боюсь этого числа. Это надо признать. Отсюда и вся моя нервозность. С другой стороны, почему я его боюсь? Оно ведь пустое — просто мысль в моей голове. Зачем бояться мысли? Это ведь бесплотная мимолетность. Ее нельзя ни остановить, ни удержать. Как зайчик на стене... Зайчик... Вот ведь бывают пидарасы на свете, а? „Семь центов, семь центов...“ Так, не отвлекаемся... Простислав говорит,

все начинается с пустоты и ею же кончается. Значит, число „сорок три“ по своей сути так же пусто, как это небо...»

Степа посмотрел в близкое серое небо. Оно действительно казалось пустым и бескрайним. Пустота начиналась слева и доходила до заснеженных пальм. Это был ее первый сегмент. Второй и третий размещались между стволами. И последний ломоть серого подмосковного ничего размещался между пальмами и правой границей зрения. «Четыре, — отметил Степа автоматически, уже чувствуя, что на него несется что-то неотвратимо-жуткое. — Четыре. Ну да, а стволы — три. Сорок три».

Сад камней, последний бастион сокровенного, пал так быстро, что Степа даже не заметил, как это произошло. Выйдя во двор, он направился к числу «34», ясно видимому на границе белой земли и серого неба. Когда же он добрался до борта, расписанного разноцветными граффити, выяснилось, что пришел он к отчетливому до тошноты числу «43», хотя в мире за это время ничего не изменилось. У Степы мелькнула мысль, что если бы можно было спрессовать в тридцать секунд человеческую жизнь с ее юношескими надеждами и взрослыми разочарованиями, она оказалась бы чем-то похожим на это путешествие от дома к саду.

Он увидел трех больших птиц, сидевших на бортике. Четко видные на фоне снега, они тоже излучали угрозу. Глядя на птиц, Степа попытался нащупать тот бесценный душевный механизм, который когда-то превращал три темных выступа

на светлом фоне в число «34», и уже, казалось, нашел его и привел в действие, когда новый страшный удар смел последнюю надежду. Степа понял, что птицы были сороками. Этых *сорок* было *три*.

Зарывав, Степа перевалился через борт и побежал к ним, размахивая кулаками. Птицы лениво поднялись в воздух и, сделав над садом каменной круг, полетели в сторону дома. Степа остановился недалеко от пальм. Что-то жуткое было в этих тропических деревьях, пусть даже пластмассовых, под тяжелыми шапками снега. Что-то настолько несоединимое, невысказанное, невозможно-жестокое и вместе с тем изначально-русское, что Степа выхватил из кармана синий лингам, направил его в небо и с ревом сжал изо всех сил, как бы пытаясь выстрелить последней пулей в главную мразь невидимого мира, ответственную за все его муки.

И тогда высоко над его головой что-то сверкнуло. А через несколько секунд донесся глухой раскат грома.

Степа остолбенел.

«Молния? — подумал он. — Наверно. Что же еще. Говорят, зимой бывает, только в землю не бьет. Типа из облака в облако... Что-то сегодня было по этой теме... Ну конечно. Верхняя триграмма — молния! А нижняя — три пальмы!»

Поняв, что это действительно только что произошло, он задрожал от восторга. «34» и «43» обменялись ударами у него на глазах! «Он их высоких зрелищ зритель», — вспомнилась ему заученная в школе строка. Вот, значит, как они про-

исходят — астральные битвы... Теперь, как в фильмах про великих фехтовальщиков, следовало дожидаться, у кого первым отвалится голова.

Судя по вихрю мыслей и вычислений, его голова была в порядке. Больше того. Звенья головоломки, которая была занесена над ней минуту назад, вдруг сложились в ясную и обнадеживающую картину.

С тремя пальцами все было ясно — лежащая на боку триграмма «небо», три сильные линии. А триграмма «молния» была тем, что он увидел, открыв обитую шелком коробку: две пустые ячейки сверху и последний мистический ключ внизу. Гнезда от потерянных лингамов можно было считать слабыми линиями, это соответствовало словам Простислава о том, что тьма есть не самостоятельная субстанция, а просто отсутствие света.

Чтобы все линии всех триграмм сложились в только что явленную ему *мощь великого*, надо было, чтобы сперва из коробки исчезли зеленый и красный лингамы. А это значило, что в жизни нет ничего случайного. Получалось, все взаимосвязано и переплетено — Степа догадывался об этом давно, но чтобы до такой степени...

Смысл гексаграммы тоже сделался понятен: нижняя триграмма, «небо», была его внутренним сиянием, в котором выражалось личное светлое начало (понятно что). А верхняя триграмма — молния — была проявлением этого света вовне...

Степа подумал, что надо бы записать число «34» двоичным кодом и посмотреть на результат. Он никогда не делал такого раньше. Почему-то казалось, что именно такой совет давал господин

Чжоу И, показывая два пальца. Но это можно было оставить и на потом. Сейчас куда интересней было другое.

Войдя в дом, он, не раздеваясь, кинулся на кухню, вытащил из ящика вилку и впился в нее глазами.

— Ах черт, — пробормотал он разочарованно.

Вилка по-прежнему значила «43». Четыре зубца служили оправой трем тончайшим пробиркам с пустотой. Наоборот никак не получалось. Он бросил вилку назад в ящик, вынул три столовых ножа и положил их на стол. Пустая поверхность сперва разделилась на четыре части, а потом хлестнула его тройным хвостом. Перед ним было не просто «43», а «43» с тремя восклицательными знаками.

— Ах черт, — повторил он и понял, что в слове «черт» число «43» присутствует так же отчетливо: четыре буквы, три согласные. А если не так, то по-другому — сначала четверочка, а потом три буквы... Здесь удивляться было нечему — чего еще было ждать от черта, кроме союза с главным злом.

Угнетало другое. Он понимал, что в саду камней с ним только что произошло что-то очень необычное. Когда в небе ударил гром, он был на грани всеведения. Какая-то сила позволила ему на секунду вынырнуть из океана зла, чтобы увидеть свет истины. В тот момент он сумел бы решить любую загадку, и невозможного для рассудка не существовало. Он мог увидеть все, что угодно, даже пустотность гипногештальта. Догадайся он вспомнить об этом, и наверняка случилось бы что-то чудесное, от чего рассеялись бы довлеющие

над ним чары. Но, как назло, именно в ту секунду он совсем забыл про пустоту.

А теперь было поздно. Теперь пустым местом был он сам, а гипногештальт, поднявшись во весь свой сорокатрехметровый рост, шел в атаку. В одной руке у него была вилка. В другой — три ножа. И, хоть первые удары удалось отбить, сколько всего рук у демона, Степа не знал. Поэтому, когда зазвонил мобильный, он закрыл глаза и представил себе, что сидит в невидимом танке «Т-34», сквозь броню которого не может проникнуть никакое зло.

Это была Люся из бухгалтерии.

— Степан Аркадьевич, вам надо сейчас же приехать в банк, — сказала она звенящим от электричества голосом. — Контрольный отдел требует.

— Мюс не может вопрос решить?

— Мюс Джулиановны нет четвертый день, — ответила Люся. — Вам обязательно надо быть.

— Что случилось?

— Нельзя по телефону. Пожалуйста, приезжайте.

Степа посмотрел на свое отражение в зеркале и криво улыбнулся. Он уже много лет знал, что этот день будет непростым.

Когда машина выезжала со двора, он поглядел назад. Над заснеженными кустами была видна башня «тридцатьчетверки» и три птичьих силуэта. Одна сойка прохаживалась по стволу с порушенным заборчиком снега. Две другие сидели на люке. Похоже, это были те самые птицы — просто взяли и перелетели.

«Десять тысяч ли за спиной, — подумал Степа. — А грабли все те ж...»

Beneficiary, то есть получатель, был обозначен так:

McGee International Inc.
29 Shirley Street,
P.O.Box CB-78575
Nassau, The Bahamas.

Закрыв глаза, Степа представил себе этого Мак Ги, которому так понравилось бухать на Багамах, что он решил открыть там свое темное дело. Сжав кулаки, Степа вообразил, как Мак Ги отхлебывает «Liqor 43» из хрустальной рюмки, пускает клуб сигарного дыма в потолок и чешет свой шотландский нос, размышляя, хорошо ли в последнее время работает его прачечная.

Счастье Мак Ги заключалось в том, что Степа был от него далеко. Рядом со Степой Мак Ги не просуществовал бы и двух секунд — Степа перегрыз бы ему горло, одновременно выдавив пальцами глаза.

Но Степа был по другую сторону океана, и Мак Ги мог расслабиться. За один оборот его прачечная отстирала тридцать пять миллионов долларов из далекой северной страны, смыв с них все почтовые штемпели и сделав безнадежной любую попытку отыскать их. Так, во всяком случае, все выглядело на первый взгляд.

Уезжая в Петербург, он оставил Мюс подписанную платежку, чтобы та сделала взнос по «Зюзе и Чубайке», когда Лебедкин скажет, сколько и куда. Мюс сделала удивительно простую вещь — не дожидаясь звонка Лебедкина, вписала в графу

«сумма» восемь цифр в следующем порядке: 35 000 000. А отправились тридцать четыре лимона и лимон вот куда:

ENIKI BANK LTD
LIMASSOL INTERNATIONAL BUSINESS CENTER
P.O. Box 09871
5, Sherley Str., 8745 Limassol, Cyprus
SWIFT: NEBA CY 2NLIM
Account 420-86-8297433-03

— «Эники-банк», — прошептал Степа, чувствуя, как по его щеке катится слеза, словно от горного ветра. — Эники-беники ели вареники, остались от козлика рожки да ножки...

Вот, значит, что происходило в Москве в те минуты, когда влажные пальцы Сракандаева вынимали из его рук красный лингам победы и вкладывали в них памятный подарок — бандану с грязными ушами. Можно было, вообще-то, ожидать. Оставалось только надеть эти уши и зареветь ослом. Но и это было бесполезно. Словосочетание SWIFT НЕВА, похожее на название греческой трагедии в голливудском пересказе, не оставляло надежд ни на что.

С «Эники-банком», конечно, можно было связаться. Не было толку. Степа знал, как делаются такие дела. Точно так же можно было не тряссти мистера McGee, этого циррозного подонка в пробковом шлеме. Денег в его заблеванном бунгало уже не было, как не было их и на счете 420-86-8297433-03 (Степа понимал, что перед ним число «43», только развернутое: между первой четверкой и последней тройкой сидела вся компания, прямо как в фильме «Чужие», где из пасти

инопланетной твари лезла другая, еще более мерзкая пасть).

Все, что удалось бы раскопать, — это номера безликих и уже опустевших счетов, отряды восставших цифр, вооруженных короткими мечами дефисов и овальными щитами нулей. Эти цифры накинута на Степу, окружают его и перережут ему горло, в этом сомнений было мало. Отвечать будет он.

Обвинять было некого. Не за что было даже перестрелять из помпового ружья сотрудников бухгалтерии — с тех пор как «Санбанк» стал карманным банком «Ойл Эве», операции с похожими суммами проходили часто, и там к этому привыкли. Степа вообще мог не увидеть платежки до понедельника.

Мюс оставила письмо. Оно было написано на одной из серо-коричневых перфорированных карточек, где она записывала частушки и прочий фольклор. Частушка за номером 209 (ну еще бы, цинично хмыкнул Степа) была, видимо, выхвачена Мюс из коробки наугад. Она была уже в переводе:

«RE: *festivity, celebrations, metalink#3*

209

*Come, Tatyana, in the dark
We will eat and we will fuck»¹.*

Хотелось верить, что эта пастораль была не о нем лично — Мюс не могла знать. Зато написанное на обороте послание содержало много лично-

---

¹ RE: праздники, гулянья, металинк#3.

Приходи, Танюша, с гусем.

Поебемся и закусим.

го. Так много, что даже непонятно было, как все поместилось в эти аккуратные бисерные строчки:

«Нет, ты не Пикачу!

Почему ты так тщательно скрывал от меня свою озабоченность числом 34? Не потому ли, что это номер злого покемона по имени Nidoking? Это его зазубренный хвост ты так нелепо изображаешь заведенными за спину руками? Жирная, лживая жопа.

Не сомневайся, я замечала все твои издевательства, направленные на то, чтобы оскорбить мою культурно-половую идентичность. Все твои ядовитые укусы сосчитаны. Когда, как бы между делом, ты называл лондонских панков личинками страховых агентов, или говорил, что „Aston-Martin“ — пидорская машина, или предлагал тост за величайшего из хоббитов — Гарри Поттера, все это падало в копилку. Но я бы простила тебе все эти инвективы, если бы не та садистская расчетливость, с которой ты регулярно оскорблял меня, напоминая о нашем национальном унижении — газете „The Sun“. Я терпела это только потому, что собиралась отплатить за все сразу. И вот эта минута настала. Все кончено. Говорить больше не о чем — the discourse has shifted to the extent where you have to fuck off and die.

*Bye, parent abuser
Meowth¹*

ЗЫ. Ты даже представить себе не можешь, какое это счастье — знать, что я больше никогда в жизни не услышу, как ты кричишь „Аллах акбар!“, бродя с „калашниковым“ по центральному Лондону в игре „The Getaway“».

---

¹ Дискурс сдвинулся в точку, из которой тебе придется пойти на хуй и там погибнуть. Прощай, motherfucker. Мюс.

Вот, значит, как увидел его внимательным, но недобрый взглядом этот вчера еще самый близкий на Земле человек.

— И ты Брут, Мюс, — прошептал Степа. — И ты тоже.

Странно, но сильных эмоций не было — словно на высоком этаже души он уже знал про это, с того самого момента, как увидел в петербургском бреду ярко-зеленое «77» и почувствовал, что оно одной злой природы с «66».

На столе зазвонил селектор.

— Степан Аркадьевич, вы в порядке?

— Я в порядке, Люсь, — сказал Степа. — Знаешь, что такое покемон?

— Знаю.

— Подготовь-ка мне короткую справочку по покемону *Nidoking*, номер 34, и покемону *Meowth*, номер не знаю. И заодно про Пикачу.

— Вам когда?

— Вчера, как всегда. Соедини с Лебедкиным. Лебедкин отозвался сразу.

— Здорово, — сказал он, — я тебе как раз звонить хотел. Есть серьезные новости. По Зюзе с Чубайкой финансирование развели. Пока не знаю, кого на тебя повесили. Но не ссы. Тянуть не один будешь. Короче, тебе встретиться надо будет по этому поводу с одним человеком...

Последовательность, в которой Лебедкин поставил Зюзю с Чубайкой, обнадеживала.

— Подожди, капитан, — сказал Степа. — У меня другой вопрос. У меня тут, похоже, капитальное кидалово. Деньги увели через Кипр. Много. Больше, чем могу переварить.

— И че, ты меня на Кипр хочешь за ними отправить?

— Да нет. Я думал, может, у тебя канал есть, как это отследить. Потому что я своими средствами не могу.

— Ты чего, — сказал капитан с веселым удивлением, — хочешь на Кипре бабки отыскать?

— Переведены через Кипр на фирму, зарегистрированную на Багамах, — сказал Степа. — Реквизиты есть.

— Ты даже получателя знаешь? Хотя да, на Кипре его указывают...

Капитан задумался.

— Позвони Сракандаеву, — наконец сказал он. — У него есть что-то на Багамах, он через них уводит под семь процентов. Строго между нами, у него не только бизнес, а еще и база данных — где кто и кто чей. Мы у него сами справки наводим о финансовых террористах. Если кто знает, то он. Только не говори, что это я тебе сказал про Багамы, понял?

— Это и не ты сказал, капитан, — ответил Степа. — Это жизнь сказала. Слушай, а ты сам ему можешь раздать звоночек?

— И че, будем в испорченный телефон играть? Звони-звони. Вы же это, партнеры. Я про телепроект, ты понял, хе-хе-хе-хе...

Степа устался в стол. Мыслей в голове осталось совсем мало. Страха не было. Его состояние больше всего походило на ступор или спячку. Вероятность того, что деньги удастся найти, приближалась к нулю, это было ясно с самого начала. С другой стороны, Лебедкин никогда не давал пустых советов, это Степа знал. Если у ослика была база данных по Багамам, он действительно

мог отыскать какие-то концы. Шанс был крохотным. Но все-таки он был — а кроме него, Степа не видел ни одного просвета во тьме.

Звонить Сракандаеву было так мучительно тяжело, что Степа, наверно, согласился бы потерять деньги, будь они его собственными. Но то, что должно было начаться через несколько дней, было настолько невозможным, настолько чудовищным, что даже думать об этом было страшно. Степа догадывался, что люди, чьи деньги он потерял, сначала начнут стрелять и только потом будут думать — если вообще будут. Хорошо, если сразу грохнут, без кипятильника в жопе...

Степа представил себе толстую проволочную спираль, наливающуюся быстрым румянцем, и в нем проснулся практический экзистенциалист, который прошептал: «Звони, кретин. Время идет!»

«Действительно, — подумал Степа, словно приходя в сознание, — время-то идет!»

Он ткнул пальцем в селектор.

— Люся, Сракандаев телефон оставил?

— Да, Степан Аркадьевич.

— Соедини. Нет, лучше продиктуй. Я с мобильного позвоню.

«Хорошая девушка, — думал он, записывая числа на листе бумаги. — Если выплывем, посажу на дела вместо Мюс. Если выплывем...»

34

В трубке слышались гудки. Они были какие-то странные — двойные, с долгой паузой. Степа не думал о том, что он сейчас скажет, надеясь, что слова придут сами.

— Сракандаев, — сухо сказала трубка.

— Жора?

— Кто это?

Степа молчал.

— Кто говорит?

Степа понял, что Сракандаев сейчас положит трубку.

— Это Танек, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал игриво и загадочно.

— Какой именно?

— Из Зазеркалья.

— А! А! Ужель та самая Татьяна? Степка, ты? Подожди, лапа, я другую трубку возьму.

Степа перевел дыхание. В трубке раздалась последовательность шуршащих и скребущих звуков, затем что-то пискнуло.

— Але, — сказал Сракандаев.

— Чего там пищит?

— Не знаю, — ответил Сракандаев. — Ты куда пропал, старик?

— Да закатало.

— Ну что, завтра приедешь?

— Куда?

— На дачу. Я ж тебе написал. Я тебе своих зверюг покажу, поляну зимнюю.

— Какую поляну?

— Я тебе не говорил? У меня поляна есть зеленая. Типа как оранжерея, только там ничего не растет, кроме травы. Это еще и солярий. Круглый год можно на травке валяться и загорать.

— Жор, это все офигительно, — сказал Степа. — Но у меня тут проблема возникла, с которой только ты помочь можешь.

— Что случилось?

— У меня деньги увели.

Сракандаев молчал. Степа почувствовал необходимость сказать что-нибудь личное, теплое, что переведет разговор из безнадежной деловой плоскости в согретую личными эмоциями зону, где иногда случаются чудеса.

— Подделали платежку, — продолжал он, лихорадочно подыскивая слова, — как раз когда мы с тобой в Питере волков разгоняли... В общем, Тане плохо.

— Куда увели?

— На Кипр.

— Там их, понятно, уже нету, — буркнул Сракандаев.

— Я думаю. Известен получатель — одна контора на Багамах, наверняка подставная. Мне сказали, ты можешь что-то знать.

— Кто сказал?

— Люди, Жор, люди.

Сракандаев некоторое время думал.

— Шансов мало, — сказал он. — Но могу посмотреть. Давай реквизиты.

— Мак Ги Интернэшнл Инк, — прочел Степа. — Два девять Ширли стрит, пи-о бокс...

— Не надо пи-о бокс, — сказал Сракандаев. — Эту фирму я знаю. Какая сумма?

— Тридцать четыре ли... Тридцать пять лимонов.

— Так тридцать четыре или тридцать пять?

— Тридцать пять, — сказал Степа, чувствуя, как на лбу выступает ледяной пот, — тридцать пять.

— Перезвони минут через сорок-пятьдесят, — сказал Сракандаев. — Я посмотрю.

— А тебе точно пи-о бокс не нужен?

— Точно.

Степа догадался, что значат эти «сорок-пятьдесят минут». Сракандаев мудро укрывал свое число силы в большом мягком футляре, где оно было защищено от черного глаза. А Степа только что вывалил свою главную тайну на прилавок без всякой необходимости, просто по дурной неосторожности.

«Еще раз с днем рождения, идиот», — подумал он.

Чтобы как-то занять время, он начал звонить Мюс. Никто не отвечал. Но Степа звонил снова и снова, каждый раз считая до тридцать четвертого гудка, перед тем как нажать отбой. Один раз он попал на чужой разговор — две женщины обсуждали погоду и болезни. Минут десять он слушал их счастливое, сонное щебетание, полное жалоб на какие-то смешные маленькие напасти.

«Люди просто не понимают, — думал он, — до чего они счастливы. До тех пор, пока это счастье не отберут...»

Положив трубку, он уставился в окно — взгляд проваливался в лежащий повсюду снег. Это успокаивало. Степа почти задремал и вдруг заново вспомнил, что с ним произошло. Волна тошнотворной дрожи прошла по животу. Он поглядел на часы. Прошло чуть больше тридцати минут.

«Так, — подумал он, — бороться и искать, найти и перепрятать... А сделаем-ка вот что — позволим на тридцать четвертой минуте. Не думаю, что он время засекал...»

Дождавшись, пока секундная стрелка в настольных часах опишет последний круг, он быстро набрал номер. Сракандаев взял трубку сразу.

— Было дело, — сказал он без предисловий. — Тридцать пять лимонов.

— Что-нибудь можно сделать? — сглотнув, спросил Степа.

— Смотря что, — сухо ответил Сракандаев. — Все вернуть не получится. Слишком много участников.

Степин ум заработал с необычайной быстротой.

— Я понял, — сказал он. — Конечно. Я согласен такой же процент отдать. Тот, под который люди... Ну, которые... Все начинали.

— Тогда можно попробовать, — сказал Сракандаев.

— А где деньги? На Кипре? На Багамах?

— Уже нет. Но я знаю где.

— Что надо сделать?

— Приезжай ко мне в офис. Думаю, решим вопрос.

— Жор, ты это серьезно?

— Сегодня до двадцати четырех ноль-ноль можно отозвать. Потом все. Даже я не смогу.

— Ты точно знаешь?

— Точно знаю.

— А как ты...

— Мак Ги — это моя компания.

«Вот так, — яростно крикнул чей-то голос в голове у Степы. — Понял?»

— Как твоя? — сказал он.

— Так. Записана, конечно, не на меня. Сам понимаешь.

Степа минуту молчал.

— Слушай, Жор, — сказал он наконец, — вот все эти удивительные слова, которые ты мне

только что сказал... Я вот думаю — неужели такие бывают на свете?

— Хочешь, чтоб я повторил?

— Эх, Жора... — Степа почувствовал, как на глаза ему наворачиваются слезы. — Я только сейчас понял, кто ты.

— Кто?

— Самый важный для меня на Земле человек... Сракандаев хмыкнул.

— Кстати, насчет Мак Ги, — сказал он. — Ты Малюту знаешь, который нам телепроект делает? Он говорит, что часто с тобой общается.

— Знаю Малюту.

— Он для этой конторы даже рекламу придумал.

— Какую?

— «Но трогать ее не Мак Ги за ее малый рост, малый рост».

— А почему малый рост?

— Ну, в смысле, процент небольшой.

— Ну да, небольшой. Это семь-то процентов?

— Чего? — напряженно переспросил Сракандаев.

Степа понял, что прокололся и вывернуться будет тяжело — придется рассказывать про Лебединку, и непонятно, как обернется дело... Но Сракандаев вдруг мелко захихикал.

— Тут ты меня подколол, — сказал он. — Одиноль. Думаешь, раз семь центов, значит, и процентов семь? Хи-хи-хи... Ну ты и язва, Степка, я тебе попомню... Нет, жизнь жестче. Десять.

— Десять? — переспросил Степа. — Да это ж грабеж.

— Грабеж, это когда у тебя тридцать пять лимонов уводят с концами. А когда ты десять процентов платишь, чтоб их вернуть, — это чудо. Вот как думать надо. Во-первых, ослик имеет право претендовать на упущенную выгоду. А во-вторых, ты понимаешь, сколько людей в цепочке?

— Догадываюсь.

— Я же никого из них обидеть не могу. Мне с ними и завтра работать, и послезавтра. Я уже не говорю о том, что клиента кидаю. Он, правда, говно, клиент этот, и не со мной работал. Там еще посредник, которого я тоже кидаю.

— Его грохнуть надо, — не сдержался Степа, — клиента этого. И посредника.

— Э-э-э, так нельзя, — протянул Сракандаев. — Грохнуть и все поделить? Шариковых нам тут не надо. Пускай он тебя кинул, но ко мне-то все по нормальным каналам пришло. Обычная транзакция. Бизнес. Ты подумал, чем я рискую? Не только тем местом, по которому ты скучаешь. А еще и головой, понял? Даже еще не факт, что все получится. Далеко не факт...

Степа быстро произвел вычисления. Три с половиной миллиона потерять было можно. Это был удар, возможно, даже нокдаун, но не нокаут. А вот тридцать пять миллионов — это был даже не нокаут, это был ствол «калашников» в прямой кишке. И хорошо, если без подствольного гранатомета.

— Я тебя понял, Жор, десять так десять.

Сракандаев молчал.

Может быть, он уже жалел о своей ошибке? Степа укусил себя за щеку так, что почувствовал

вкус крови во рту. Нужно было срочно подкинуть пару веток в костер разговора, но, как назло, ничего не приходило в голову. Степа стал лихорадочно припоминать, какие советы на этот случай давал Дейл Карнеги в книге «Как приобретать друзей». Вспомнилась заповедь — *интересуйтесь людьми*.

«Надо что-нибудь такое срочно спросить, — подумал Степа, — чтобы перевести разговор в дружеское русло...»

— Слушай, Жор, может, не по теме. Я тебя все спросить хотел — что это у тебя за цифры на плече? Триста шестьдесят шесть?

— Число здорового зверя.

— Ага. А что такое семь центов?

— Пока что ты еще не такой близкий мне человек, — ответил Сракандаев. — Позже расскажу. Может, сегодня вечером. Ты дорогу помнишь?

— Да.

— Тогда двигай ко мне прямо сейчас, пока я добрый. Делов-то немного — звонок сделать да код ввести. Потом пошалим, если время останется... Нет, Степка. Сперва пошалим. А потом дела.

«Ты смотри, Карнеги-то работает, — подумал Степа. — А люди не верят...»

— Когда на Багамах полночь? — спросил он, глядя на часы.

— Приедешь, покажу, — хихикнул Сракандаев. — Давай, жми на газ, а я пока подготовлюсь к встрече. Только рясу эту с бородой не надевай, ладно? Один раз классно было, ну и хватит.

— Понял, — сказал Степа.

— И вот еще. Тебе от меня пакет приходил, ты прочел?

- Тут гора бумаг, меня долго в офисе не было.
  - Короче, найди там пакет от меня и прочти по дороге. Это важно. Жду.
  - Уже еду, — сказал Степа.
- Бросив трубку, он еще раз посмотрел на часы, сгреб в портфель всю корреспонденцию со стола и нажал кнопку селектора:
- Срочно машину!

5

Пакет, о котором говорил Сракандаев, был большим желтым конвертом без почтовых штемпелей — его тоже доставил курьер. Он был легким — похоже, внутри лежал небольшой предмет вроде зажигалки или флакона духов.

Отъехав от банка, Степа на всякий случай передвинулся за спину шофера — кто его знает, что прислал ослик, — и оторвал перфорированный край. Ему на колени выпал баллончик спрея, густо покрытый маленькими иероглифами. Кроме иероглифов, баллончик был украшен портретом сурового пожилого китайца в круглых очках. Степа повертел флакончик в руках — ни одного понятного слова или даже символа на нем не нашлось. Тогда он еще раз заглянул в конверт. Оказалось, там была записка:

*«Пика,
есть вещи, которые надо обсудить один раз, чтобы
потом навсегда забыть. В тот раз в Питере все бы-
ло дивно. Если не считать того, что от боли я чуть
не заехал копытом тебе в лоб. Карамба! Разве ты не*

знаешь, какое это чувствительное место — анал? Ты что, хочешь отправить ослика на тот свет? Зачем тебе это дилдо? Вещица, конечно, неплоха. Но лучше танцевать без костылей, особенно танго.

Поэтому рискну сделать одно предположение. Если мимо, сразу забудь. Может быть, у тебя проблемы с эрекцией и ты боишься меня разочаровать? Глупый. Для меня в отношениях это совсем не главное! Но на всякий случай вот тебе спрей. Эта штука будет посильнее виагры — правда, чуть пощипывает. Если Танечка думает, что знает об эрекции все, она будет очень удивлена. Спрысни головку члена за полчаса до action, и мы спокойно облетим с тобой все небо, мой электрический зверь».

Снизу был подрисован знакомый ослик. Сейчас он показался Степе добрым, умным и удивительно милым животным. Под осликом было добавление:

«P. S. Ясное дело, двум джентльменам совершенно не обязательно поднимать эту тему в разговоре».

«Надо запомнить, — подумал Степа, — не ляпнуть ему чего про „астон-мартин“... А это еще что такое?»

Он повертел в руках флакончик. Сегодня Сракандаева нужно было слушаться, как маму в детстве. Степа поднял глаза на спину шофера. Увидит? Или не увидит? Лучше было не рисковать.

— Сколько ехать еще? — спросил Степа.

— Если пробок не будет, минут двадцать. А с пробками весь час.

— Тормозни где-нибудь, — сказал Степа. — У кафе или ресторана. Мне выйти на пять минут. Отлить.

Шофер остановился возле небольшого кафе под названием «Прелюдия» — очень подходит, подумал Степа, выходя из машины.

Туалет внутри, к счастью, нашелся. Степа брезгливо проделал требуемую процедуру, и сразу почувствовал жжение, которое с каждой секундой делалось все сильнее. Вернувшись в зал, он заказал чашку кофе и выпил ее у стойки, разглядывая артефакт советских времен — огромную чеканку, изображающую грустного витязя с луком в руке и поверженную стрелой лань.

— Чего так морщитесь? — спросила буфетчица. — Кофе наш не нравится? Или картина?

— зуб болит, — соврал Степа.

Ставя чашечку на блюдце, он заметил, что у него дрожат пальцы.

«Нервы ни к черту», — подумал он.

Когда он вернулся в машину, внутри играло радио. Боря Маросеев пел английскую версию стратегического хита «Тату», чуть приспособленную под его хриплый баритон: «All the thing he has running through my ass...»¹ Его голос был полон боли и тоски по несбыточному — выходило грустно и как-то по особому проникновенно. Отметив, что переделка не вполне грамотная (правильнее было бы «the whole thing he has», Мюс поправляла его, когда он делал похожую ошибку), Степа вдруг вспомнил, что у слова «ass» в английском есть два значения — «осел» и «жопа».

— У-у-у! — промычал он и хлопнул себя ладонью по лбу. — Так это жопа семь центов! Вот как ларчик открывается!

---

¹ Вся целиком, его штуковина проносится сквозь мой зад.

— А? — испуганно повернулся к нему шофер.

Степа прокашлялся и сделал серьезное лицо.

— Ты чего радио включил? — спросил он.

— А сейчас из банка звонили, Степан Аркадьевич. В общем, им там тоже кто-то позвонил, я не понял, вроде из «Дельта-кредита», куда мы едем. Короче, просили включить «Авторадио» — сказали, там сейчас сюрприз для вас будет.

— Сюрприз? Для меня?

— Ну да.

— И чего?

— Вот играет, — водитель кивнул головой на светящийся синим щиток магнитолы. — Но сюрприза пока не было.

— Ну и поезжай спокойно, — сказал Степа, — послушаем по дороге.

После Бори запел неизвестный Степе исполнитель — у него был низкий, как у Воланда, голос, а текст был таким замысловатым, что Степа перестал слушать и погрузился в раздумья.

«Даже и не только „осел“ и „жопа“. Кажется, там еще одно значение есть — человеческая личность в ее сексуальном аспекте... I want some ass tonight... Kick some ass... Уж больно глубоко выходит. Интересно, сам он до такого додумался или какого-нибудь Малюту нанял? Сейчас ведь что квартиру обставить, что душу — со всем помогут, был бы лавандос... Так, секундочку... Но ведь душа — это вроде ты и есть? Для кого же ее тогда обставляют, раз становишься просто табуреткой? Наверно, для того, кто на табуретке сидит. А кто это? Зюзя говорит, кто-то невидимый, но с очень тяжелой жопой. А Чубайка надеется,

что эта жопа — он сам... Господи, всюду жопа... А еду-то куда? Нет, лучше не думать, не то из бизнеса уходить придется. А мы еще повоюем за место под солнцем, нас так просто не возьмешь...»

Песня доиграла только до середины — когда низкий голос пропел слова: «And then you slip into a masterpiece», далекая рука убрала звук. Напористо затараторил диск-жокей, стараясь втиснуть как можно больше болтовни в дорогие эфирные секунды:

— Какая глыба, какой матерый человечеще! Это был Леонард Коэн, который вляпался в очередной шедевр — примерно так можно перевести слова прозвучавшей песни. А сейчас для тех, кто в дороге, мы хотим передать маленький привет от осла Жоры. Только что порадовавший нас Леонард Коэн в свое время посвятил нашей следующей исполнительнице такие слова: «Giving me head on the unmade bed», что в дословном переводе значит: «Ты давала мне голову на неубранной кровати». На досуге подумайте сами, что делали на этой кровати Джанис Джоплин и Леонард Коэн! А для тех, кто уже понял, — бессмертный хит «Me and Bobby McGee» в исполнении той самой Джанис Джоплин! Леонард Коэн, выходит, был в ее жизни не первым кавалером. Итак, «Me and Bobby McGee» по заказу осла Жоры для тех, кто в дороге... В дороге куда? К сожалению, уже поздно спрашивать об этом осла Жору. Поэтому напомним дорогим слушателям, что на этот счет существуют разные мнения. По одному — все дороги ведут в Рим. По другому — все они ведут в никуда... Противоречие здесь только кажущееся,

если вспомнить, что место, где мы находимся, дорогие радиослушатели, и есть третий Рим!

Последние слова диск-жокея утонули в музыке.

Заиграла одна из тех бесчисленных американских песен, которые не вызывали в Степиной душе никакого эмоционального отклика — наверно, надо было иметь за спиной иное детство и юность, чтобы ощутить хоть какой-то резонанс. Сначала он разбирал только отдельные словосочетания-штамповки: «everything we done», «secrets of my soul» и что-то в том же роде, — а затем стала повторяться строка, в которой, несомненно, было заключено все послание:

«Freedom's just another word for nothing left to lose»¹.

Эти слова женский голос выводил отчетливо, так, что ошибиться было нельзя. Но было еще одно слово, которое Степа ясно понимал. Куда более важное и значительное слово, чем все, что волновало Джанис Джоплин. Это было само имя «McGee». Его певица выкрикивала, как глагол в повелительном наклонении: «Моги! Моги! Моги-и-и», отчего в песне появлялось что-то ницшеанское.

Степа подумал о том, что ему сейчас предстоит. Это было, конечно, неподъемно. Но по сравнению с другими вариантами грядущего этот был сказкой.

— Моги, Степа, — прошептал он себе. — Ох, лучше моги...

Песня кончилась, и пошла рекламная вставка.

— Степан Аркадьевич, — нарушил молчание шофер, — а можно спросить?

---

¹ Свобода — это когда нечего терять.

— Валяй.

— Я вот думаю, как интересно получается. Смотрите, тысяча миллиметров — метр. Тысяча миллиграммов — грамм. А тысяча миллионов? Выходит, *он*?

— Логично, — согласился Степа. — Он и есть.

Довольный, что развлек шефа, шофер засмеялся.

— Подъезжаем, — сказал он. — Вон тот поворот. Последний.

— Да, — сказал Степа. — Как это в песне — заезжайте за ворота и не бойтесь поворота...

— Как раньше пели! — пробормотал шофер. — Не то, что сейчас. Почему так?

— У слов смысл изменился, — ответил Степа. — Они вроде те же самые, но значат теперь совсем другое. Петь их сложно стало. Если это не твой бизнес, конечно.

— Точно, Степан Аркадьевич, — вздохнул шофер, закручивая руль к цели, — совершенно точно говорите.

Когда машина поравнялась с будкой охраны у знакомых ворот, по радио тихо запел Гребенщиков:

Меня зовут семнадцатый Идам¹.
Меня вы знаете сами
по чаше с кровью, девяти ногам
и скальпу с волоса-ами...

Слова были мрачноватыми и, как это частенько случалось у Гребенщикова, не до конца понят-

---

¹ Персональное медитативное божество, визуализируемое буддийским практиком.

ными, но появление числа «17» (тридцать четыре, деленное на два) было превосходным знаком. Именно такого проблеска света и не хватало перед жутким испытанием впереди. Степа почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы.

«Спасибо, Боб, — подумал он. — Ты единственный не проданся...»

Но на всякий случай он вылез из машины побыстрее — вслед за семнадцатую в песне мелькнула непонятная девятка, а это значило, что дальше могли пойти и другие числа.

43

Кабинет Сракандаева был просторной комнатой с плотно занавешенными окнами и огромным количеством изображений осла — можно было подумать, что это какое-то ослиное святилище. Особенно впечатляли натурализмом эстампы с ослом из мультфильма «Шрек» в разных фазах экстатического танца.

Слева от входной двери стоял рабочий стол с двумя мониторами и клавишной доской. На его краю белела плоская тарелка с горкой порошка, двумя бритвами и свернутой банкнотой в пятьсот евро. Между окнами помещалась этажерка с керамическими статуэтками, где тоже преобладали осла (печальная очкастая обезьянка и похожий на Жириновского воробей были явно добавлены для плюрализма).

Справа от двери стоял мохнатый греческий диван. Напротив нависала бронеплита встроен-

ного в стену сейфа — его дверь была приоткрыта, и за ней виднелась обивка из красного бархата, намекающая на богатство и тайну. Пол был покрыт ковром, рисунок на котором изображал золотых рыбок, плавающих среди темно-зеленых водорослей.

На краю ковра расплывалось темное пятно. В этом пятне, привалившись спиной к стене, сидел мертвый Сракандаев. Его мозги веером покрывали стену в полуметре над головой — словно кровавая блевотина, раскатанная ветром по дверце автомобиля. Труп был совершенно голым, если не считать белых чулочков и головной повязки с ушами, когда-то тоже белыми, а теперь набухшими кровью.

Глаза Сракандаева умудренно и таинственно смотрели на ковер, покрытый рваными ошметками красной резины. В метре от его подогнутой ноги стоял гипсовый бюст Путина. Рядом лежал стальной цилиндр стреляющей ручки. В воздухе пахло порохом, кровью, вечностью и свободой.

— Когда? — спросил Степа.

— Только что, — сказала заплаканная секретарша. — Пяти минут не прошло. Сейчас Лебедкин будет, я уже позвонила. Что вы так морщитесь?

— Да глаза щиплет. Где у вас туалет?

Когда Степа вышел из туалета, приемная кишела озабоченными людьми. С ними приехали похмельный Лебедкин и тот самый человек в форме войск связи, которого Степа видел в «Якитории» в день прощания с Мусой и Исой. Но теперь на нем были погоны полковника, и Лебедкин держался с ним очень предупредительно.

— Ничего не предвещало, — рассказывала секретарша. — Он был в отличном настроении — вышел из кабинета, велел полить цветы и предупредил, что сейчас приедет Степан Аркадьевич. Сказал взять пальто и немедленно провести его в кабинет, у них там какое-то срочное дело было. Потом закрыл дверь и стал готовиться к встрече. Минут через двадцать закричал: «Татьяна! Татьяна!» Потом раз пять прокричал как обычно. Кричал громко, я слышала через звукоизоляцию. А еще через несколько минут что-то хлопнуло...

— После того как он закрылся в кабинете, кто-нибудь звонил? — спросил Лебедин. — Я имею в виду, непосредственно перед тем, как крикнуть «Татьяна»?

Секретарша отрицательно покачала головой.

— Бля, прямо Маяковский, — мрачно сказал полковник связи.

Степа сомнамбулически прошел в кабинет и встал в сторонке, наблюдая за суетящимися криминалистами. Один пинцетом собирал с ковра кусочки красной резины и укладывал их в прозрачный пакет. Другой фотографировал Сракандаева под разными углами, и вспышка каждый раз расцветивала пятно на стене тошнотворными мокрыми бликами. Третий рылся в сейфе, иногда поворачиваясь, чтобы показать остальным находки — пакетики белого порошка, плотные пачки евробанкнот, несколько пар разноцветных ушей на эластичных повязках.

Степа уставился на рыжее пятно на стене. Оно казалось картой таинственного архипелага, местом, где располагался офшор загробного мира.

Там стояло бунгало старого алкоголика Мак Ги. Туда ушли Степины деньги. Теперь эта земля была навсегда отрезана от мира людей, как мистический Авалон. Где-то там, на одном из мокрых пятен, на берегу неведомого острова бились в последних конвульсиях цифры кода, который следовало куда-то ввести. На другом островке высушал и исчезал номер телефона, по которому надо было позвонить. А единственный человек, который мог свести эти числа вместе, наполнить их смыслом и силой, был уже ни на что не годен. Но Степа все никак не соглашался в это поверить — как будто, пока он не верил, оставалась надежда.

Рядом остановились полковник связи и Лебедкин. Они тихо обсуждали случившееся.

— Растрата? — спросил полковник.

— Исключено.

— Несчастливая любовь?

Лебедкин покосился на Степу.

— Да вроде нет, — сказал он. — На этом фронте все хорошо было. Насколько я знаю.

Полковник тоже посмотрел на Степу.

— А это кто? Что здесь делает?

— Я... — начал Степа.

На помощь пришел Лебедкин.

— Да это Степа из «Санбанка». Вы с ним уже встречались, Владимир Михайлович. Жорин партнер. Он за консультацией пришел. По офшорной проблематике.

— Тот самый Степан Аркадьевич, про кого секретарша говорила?

Лебедкин кивнул.

— Понятно, — сказал полковник. — Получается, вообще никаких зацепок.

— Может, просто обнюхался? — предположил мужчина в штатском и кивнул на стол.

— Сомнений мало, что обнюхался, — сказал Лебедкин. — Нюхал он постоянно.

— Анализ, конечно, покажет, сколько он принял, но это явно не объяснение, — сказал полковник. — А откуда этот елдак резиновый?

Лебедкин пожал плечами.

— Да у него полный сейф таких игрушек. Кнуты, хомуты, упряжь какая-то... Я другого в толк не возьму, зачем он его на ствол надел?

Полковник криво усмехнулся.

— Это я как раз понимаю. От сердечного омерзения. Видать, крепко его люди обидели. Сейчас многие так делают... Ну не так именно, конечно. Каждый по-своему. Как бы прощальный горький упрек. Мол, хотели меня достать? Получите, сам все сделаю. Вон, на той неделе один нефтяник, фамилию называть не буду, повесился. Все новости смотрели... Только в новостях не сказали, что он, перед тем как повеситься, вырезал себе бритвой на лбу слово «киркук».

— Что такое «киркук»?

Полковник развел руками.

— В словаре Ожегова нет. Бандиты тоже так не говорят. Только сам он и знал, наверное. Я думаю, символ того, что угнетало его психику. Да по звучанию уже можно понять. Типа как «кирдык», только совсем-совсем без надежды. Время жесткое, душа дымится, как тормозная колодка. Вот и не выдержал.

У Степы в кармане зазвонил мобильный. Он отошел в сторону и поднес его к уху.

— Але.

Это была Люся из бухгалтерии.

— Степан Аркадьевич, докладываю, — заговорила она, глотая слова от волнения. — Покемон *Meowth*, номер пятьдесят два. Это такая кошечка, очень симпатичная. Будете смеяться, похожа на Мюс Джулиановну. Такие же стрелки торчат из прически. Или из шерстки, не знаю, как правильно. Обожает круглые вещицы. По ночам бродит по улице, подбирая оброненные вещи. Если *Meowth* находит круглую вещицу, она не может перестать играть с ней, пока не заснет. Особо любит монеты, которые собирает в клады.

— А круглые суммы тоже любит? — спросил Степа.

— Об этом информации не было, — ответила Люся.

— А как тогда понимать шестьдесят шесть? Что, для отвода глаз? Или просто два кружочка с хвостиками?

Полковник связи посмотрел на него и что-то сказал Лебедкину.

— Простите, Степан Аркадьевич? — напряженно спросила Люся.

— Нет, ничего. Давай дальше.

— Пикачу, номер двадцать пять. Это электрический покемон. Жарит орешки и твердые ягоды с помощью электричества, чтобы они стали мягкими и их можно было разгрызть. Поднимает хвост, чтобы проверить свое окружение... Тут я не поняла, что имеется в виду. Иногда при этом в хвост бьет молния.

— В курсе, — буркнул Степа.

— И ваш любимый номер. Тридцать четыре. Нидокинг. Это грозный покемон. Он использует свой могучий хвост, чтобы свалить свою жертву, задушить ее, а затем переломать ей кости. Его хвост настолько силен, что он без труда может перебить им позвоночник врага. Это все, что я пока нашла. Нужно что-нибудь уточнить?

— Нет, — ответил Степа, сложил телефон и спрятал его в карман.

Подошедший Лебедкин обнял его за плечи.

— Знаешь что... Езжай-ка домой, выпей, успокойся. Нечего тебе тут делать. Не мешай осмотр проводить.

Степа провел языком по сухим губам.

— Надо было код ввести, — сказал он, глядя на рыже-красную карту денежных островов. — Лебедкин, мы бы десять раз успели до полуночи. Ты можешь себе представить, а? Всего один звонок по телефону... А теперь что мы имеем? От мертвого осла уши. И те к делу пришьют. Типа замкнутый круг. Безвозвратно. Знаешь, как это пятно мозгов на стене называется? Архипелаг Гуд Лак... Или нет, я с доктором Гулага путаю...

Лебедкин недоверчиво покачал головой. Потом морщина на его лбу разгладилась, будто он что-то понял.

— Говорил ведь тебе, не нюхай эту дрянь, — сказал он тихо. — Ой, Степа... Как брата тебя прошу — остановись, пока можешь. Сам видишь, что с человеком происходит. Сначала становишься пидарасом. Потом холуем. А потом...

Лебедкин кивнул в сторону ковра.

— Да чего я тебе объясняю, все ведь перед глазами.

Он вдруг нахмурился и поглядел Степе на штаны, где бугрилась заметная выпуклость.

— На что это у тебя хуй встал, а? — спросил он с отвращением. — Совсем, что ли, совесть потерял, изверг?

360

Над словами «*Табуретовка*™ (та самая!)» был нарисован табурет. На нем сидел насупленный Зюзя, в ватнике и резиновых сапогах, с мормышкой в руке. Улыбающийся Чубайка, предупредительно изогнувшись, стоял рядом с подносом в руках; на подносе была бутылка, на которой можно было различить две крохотные фигурки в тех же позах: одну на табурете, а другую, изогнувшуюся, — с подносом. Подразумевалась бесконечность.

С другой стороны бутылки была наклейка поменьше, со слоганом «*Семь раз фильтруем базарчик*™!» и неровным столбиком текста. («*Размещенные прямо на бутылке отрывки из диалогов, знакомых по эфиру и газетам, — объяснял Малюта в концепции, — помогут потребителю отождествить продукт с бутилированной телепередачей, вовлекая его в непрерывный цикл потребления, что и является главной задачей 360-градусного маркетинга с использованием главных российских массмедиа — водки, телевидения и газет.*».)

Отрывок на наклейке был созвучен Степиному настроению:

З: «*Знаете, Чубайка, что такое история России в XX веке? Страна семьдесят лет строила лохо-*

трон, хотя никто толком не знал, что это такое и как он должен работать. Потом кто-то умный сказал: „Давайте его распилим и продадим, а деньги поделим...“»

Ч: «Может быть, не все в нашей истории так мрачно и бессмысленно, Зюзя? Может быть, вы просто пропустили момент, когда лохотрон заработал?»

«З» и «Ч» стояли на этикетке в правильной последовательности. Только это совсем не радовало. А вилка, которой Степа выковыривал креветок из ледяного салата, совсем не портила настроения, несмотря на четыре зубца. Испортить его было нельзя.

С утра Степа наблюдал интересный и жуткий эффект, похожий на полное солнечное затмение. Он заключался в том, что число «34» больше не содержало в себе ничего греющего душу. Обращаться к нему было бесполезно — Степа знал, что оно полностью исчерпало свою светлую суть. Точно так же и в числе «43» теперь не было ничего пугающего. Столько же эманаций зла исходило от любого другого сегмента мироздания.

Он понимал, как все произошло. Это было похоже на поединок Пересвета и Челубея, поразивших друг друга насмерть: числа взаимно аннигилировали, исчезнув во вспышке света. Вслед за вспышкой пришла тьма, в которой Степа и находился. Затмение обещало быть не только полным, но и окончательным, потому что свету неоткуда было взяться. Разве что из телевизора.

На его экране беседовали трое: бритый наголо татарин в майке с надписью «КІКА», отечная

женщина с красными волосами и юный морячок — тот самый, которого Степа видел в клубе «Перекресток». Москва прощалась со Сракандаевым.

— Что больше всего поражало, — запинаясь, говорил морячок, — это его наблюдательность, его удивительно глубокое понимание искусства. Во время нашей последней встречи мы целый вечер говорили о пьесе Родиона Ахметова, которую перед этим смотрели, — это, как вы знаете, спорное и даже скандальное произведение. Мне оно показалось фарсом. Но Жора сказал, что это невероятно глубокая вещь, настоящий шедевр. И можете себе представить, за несколько минут он меня убедил. Я и не понял, что Царственный на самом деле был доктором Гулаго! Только когда Жора сказал об этом, я вспомнил, что Царственный во время экзекуции восклицал: «Unlucky, eh?» — точно так же, как доктор Гулаго бормотал в первом акте!

— Потрясающе! — сказала красноволосая женщина.

— Но это еще не все. Жора сказал, что разноцветные огни, которые освещают сцену во втором акте, — помните, там все то зеленое, то синее, то красное? — так вот, эти огни указывают, что действие происходит в Бардо, где мертвый Бонд пожинает плоды своих земных дел. Потому что на самом деле он замерз в Беринговом проливе, когда пытался проехать на своих бультерьерах к ледяной избушке доктора Гулаго! А соблазненная помощница доктора Гулаго была самим доктором Гулаго, который направил Бонда по неверному маршруту. Я спросил — а почему доктор Гулаго тоже оказался в Бардо? Да потому, сказал Жора,

что Буш получил корм для мартышек. Помните эту секунду, когда гаснет освещение, а потом зажигаются оранжевые лампы? В Бардо оказался не только доктор Гулаго. Там оказался весь зрительный зал. И никто не вспомнил, сказал Жора с какой-то просто разрывающей сердце грустью, что в Бардо надо идти к свету. Никто — ни в зале, ни на сцене... Никто... Эти слова так потрясли, так напугали меня, что мне стало дурно, и Жориным спутникам пришлось везти меня домой...

— Он предчувствовал! — сказала женщина. — Он знал! Теперь это совершенно ясно. Действительно, в последнее время Жора интересовался духовными вопросами — видимо, ощущал приближение конца. Говорил, что заново открыл для себя Библию. Помню, с удивлением повторял: «Со всеми заповедями согласен! Вот только не пойму, почему любовь грех...»

Степа переключил программу и увидел Зюзю с Чубайкой. Анимационная группа успела среагировать на весть о трагедии — на рукавах Зюзи и Чубайки были траурные повязки, причем у Зюзи она была с красной полосой посередине. Одетый в бархатный халат Чубайка лежал на диване, покуривая кальяничик, а Зюзя в мокром ватнике стоял неподалеку и время от времени ударял лбом о стену, производя глухой загадочный звук.

— Знаете, Чубайка, — говорил он в промежутках между ударами, — наше общество напоминает мне организм, в котором функции мозга взяла на себя раковая опухоль!

— Эх, Зюзя, — отвечал Чубайка, выпуская струю дыма, — а как быть, если в этом организме все остальное — жопа?

— Чубайка, да как вы смеете? — От гнева Зюзя ударил головой в стену чуть сильнее.

— Зюзя, ну подумайте сами. Будь там что-то другое, опухоль, наверное, и не справилась бы.

— Так она и не справляется, Чубайка!

— А чего вы ждете, Зюзя, от опухоли на жопе?

На следующем канале был поэтический вечер. Выступал седой титан-шестидесятник Арсений Витухновский. Махая в воздухе кулаком (что делало его слегка похожим на Зюзя), он читал:

Плачьте, бинокли и трубы подзорные!

Скушали ослика волки позорные.

Не доиграв, он уходит со сцены.

В черную щель закатились семь центов...

«А этот откуда про семь центов знает? — подумал Степа, переключая канал. — Хотя да...»

— ...невероятно разносторонняя натура, — за-тараторила красноволосая женщина. — Знаете, офис у Жоры находился на улице Курской битвы. Не знаю, по этой причине или нет, но он уже долго работал над экспериментальным романом о крупнейшем танковом сражении Второй мировой. Его мыслью было увидеть великие дни нашей истории глазами Достоевского...

— Да-да, — перебил морячок. — Роман назывался «Приказание и наступление». Он рассказывал, что ему помогают два текст-билдера, но на какой стадии проект, не уточнял...

— Кроме того, — неприязненно покосившись на морячка, продолжала красноволосая, — он рисовал картины и писал музыку. Короче, обеспечивал работой человек пятнадцать. Помните его любимую поговорку? «Красота спасет мир и до-

верит его крупному бизнесу!» Если бы все наши банкиры были такими, мы бы жили при втором Возрождении!

— Да, энергии ему было не занимать, — вздохнул морячок и почему-то покраснел.

— Но откуда она бралась? — спросила женщина. — В чем была его, так сказать, основополагающая мотивация? Может быть, вы скажете, Насых Насратуллаевич?

— Я? — переспросил бритоголовый Кика с таким видом, словно его обидело это обращение. — Извольте. Но это трудная тема. От нас ушел не просто чей-то друг или партнер. От нас ушел Алеша Карамазов русского бизнеса. Он был не просто яркой, глубокой и страстной личностью. Он осознавал себя как капиталист. И был полон решимости доказать, что капитал может все. Ах, если бы кто-нибудь записывал за ним его слова! Со временем вышла бы книга, достойная лечь на чашу весов напротив «Капитала». Как помогла бы нам она в эти трудные годы! За все свои дары человечеству, говорил Жора, капитал хочет совсем немного — чтобы мы согласились забыть себя, играя простые и ясные роли в великом театре жизни. Но где взять на это сил? Здесь, полагал Жора, может помочь только стоицизм. Сила обретается в постоянстве внутреннего жеста, который может быть произволен, но должен переживаться на сто процентов всерьез... И слово у него не расходилось с делом. Единственное, в чем я иногда по-товарищески упрекал его, — это в том, что он чересчур полагается на своих концептистов, хоть все они были художники с мировыми именами. Жора, говорил я ему, ну посмот-

ри, во что они тебя превратили! Как ты не понимаешь, что современный художник — просто презерватив, которым капитал пользуется для ритуального совокупления с самим собой? Почему ты так слепо веришь этим штопаным гандо...

— И что он отвечал? — торопливо перебила женщина.

— Он смеялся. В этом и дело, говорил он. Смысл жизни только в самовыражении. Но у бизнесмена не может быть иной самости, кроме капитала. А лучшие формы самовыражения капитала дает современное искусство. Так почему не сделать произведением искусства всю жизнь, превратив ее в непрерывный хеппенинг? Я спрашивал — но зачем же именно так? А он говорил — помнишь, как это у Пастернака: «И чем случайней, тем вернее...» С ним невозможно было спорить на эту тему, за ним надо было записывать, записывать, записывать...

Степа щелкнул пультом и опять попал на поэтический вечер. Теперь на сцене стоял другой пушкин, похожий на Чубайку. Он был одет в расшитую васильками рубашу навыпуск. Застыв в характерной для театра Кабуки позе, он медленно разводил поднятые над головой руки, словно разрывая на две половины невидимый парус:

Пахнет сеном тропинка
в навек наступившее сатори,
Над тесемкой смешною
уже не рыдают смычки.
Только совесть страны,
академики Познер и Сахаров,
Все никак не протрут
запотевшие кровью очки...

Степа поморщился от ассоциаций, которые возникли у него со словом «очко» во множественном числе, вздохнул и вернулся на канал, где беседовали красноволосая женщина, морячок и бритоголовый Кика.

— А сколько невероятных слухов ходило про эти ослиные уши и все, что их окружало! — всплеснула руками женщина. — Как вы считаете, верно ли, что так проявлялась его репрессированная гомосексуальность, в которой он до самого конца не хотел себе признаться, пытаясь спрятать от себя то, что ему, человеку классической культуры, казалось невозможным принять? Даже не спрятать, неправильное слово... а как бы вынести за скобки личности путем предельного остранения?

— Знаете, я не психоаналитик, — наморщился Кика. — Не знаю, какие там у личности скобки. И меня безумно раздражает этот педерастический детерминизм, который сводит к репрессированной гомосексуальности все, что чуть выходит за умственный горизонт биржевого маклера. Поэтому давайте не будем слишком углубляться в эту тему. Да, он часто краснел, когда занимался любовью. Но это можно объяснить просто-напросто тем, что его голова склонялась слишком низко к полу. И я уверен, что анальный секс никогда не был для него главным. Вряд ли он вообще имел какое-то значение, кроме чисто метафорического...

— Да-да, — влез морячок. — Я тоже так думаю. В последнее время мне стало казаться, что его настоящей мишенью был голливудский оскал американского национал-капитализма. Вспомните, что осел — это эмблема республиканской партии

США! Я уверен, проживи Жора дольше, он ударил бы и по демократам.

Красноволосая женщина снова поглядела на морячка с неприязнью. Кика никак не отреагировал на его слова.

— Накладные уши были куда важнее секса *per se*, — продолжал он. — В первую очередь они требовались ему для того, чтобы довести ситуацию до абсурда, даже не довести, а выстроить как изначально абсурдную. Знаете, он обожал Ги Дебора и часто повторял: «Мы еще заставим общество спектакля аплодировать нам стоя!» Это была гениальная игра сильного и одаренного человека. Но настал день, когда неутолимая жажда жизни сменилась усталостью и разочарованием...

— Вы полагаете, это была гениальная игра? А зачем тогда он надел их, ну... Перед самой кончиной? Когда был совсем один?

— Ну, знаете ли... Как сказал кто-то из великих французов: «Сегодня мы играем без зрителей. Сегодня мы играем свою жизнь».

60

Зазвонил лежащий на полу мобильник. Степа посмотрел на него с опаской, словно это был ядовитый зверек, пронзительным визгом предупреждающий об атаке. Мобильный все звонил и звонил. Степа чертыхнулся и поднес трубку к уху.

— Тридцать четвертый, тридцать четвертый! — сказал в трубке неестественный бас. — Я сорок третий! Прием!

— Кто это? — дернулся Степа.

— Это Леон, — сказал Лебедкин своим нормальным голосом. — Че, напрягся? Не надо, зря. Джедаи про всех все знают. У них работа такая.

— И что, — спросил Степа, — много интересного?

— Так... Всякое разное. У кого коровий череп в сейфе. У кого эсэсовский нож в столе. Один жабу лижет, когда дробит, другой белой крысе молится. Имен называть не буду, сам, наверно, уже догадался. А есть и такие, кто вообще только в деньги верит. Эх, знал бы ты, Степа, что за люди миром правят. Стал бы циником.

— А я и так циник, — сказал Степа.

— Да, — согласился Лебедкин, — я заметил вчера. Кстати, раз уж ты сам об этом заговорил. Ты не в курсе, что это за «семь центов»? Жоре теперь не повредит, скажи.

— Не в курсе, — вздохнул Степа. — Опоздал.

— Понятно. Значит, никогда уже не узнаем... Что там у тебя булькает? Пьешь?

— Пью, — ответил Степа. — Не берет.

— Больше эту дрянь нюхай. Ладно, чего я тебя лечу, как ребенка. Сам выводы делай...

Лебедкин замолчал. Слушая тишину в трубке, Степа водил пальцем по стеклянной плоскости журнального столика.

— Я, вообще-то, попрощаться, — сказал Лебедкин после паузы. — Меня на другой участок переводят. С тобой Тарас Козулин работать будет. Мы его Тарантиной зовем. Скучать не будешь, обещаю. Он тебе на днях позвонит. Уши передать и вообще познакомиться.

— Какие еще уши?

— Из Жориного сейфа, — сказал Лебедкин, — я для тебя взял три комплекта. Синие, зеленые и красные. Нарушение служебной инструкции, конечно, ну да ладно.

— Зачем мне?

— На память, — с удивлением ответил Лебедкин. — Ты ж вроде просил, нет? Боялся, что к делу приобщат. Да и вообще... Подумай, сколько они на Сотби через десять лет стоять будут!

— Бог с ним.

— Не хочешь душу беречь? Тоже понимаю. Ну смотри, не надо, так не надо. Сам тогда Козулину объяснишь. Только деликатно, ладно? Он обидчивый.

— А куда уходишь? — спросил Степа.

— На интернет. Ты, кстати, не знаешь, чего бы по «Виндоуз» почитать? Какую-нибудь нормальную книжку, чтоб понятно было.

— Лучше начни сразу с *Unix*, — сказал Степа. — Все-таки двадцать первый век на дворе. А что случилось-то?

Лебедкин чуть помолчал.

— Помнишь Мусу этого? От которого я тебя спас?

— Еще бы.

— Оказалось, у него кореш есть, который спит и видит, как бы ему за покойничка вписаться. В общем, Степ, проблемы и у джедаев бывают.

— А что за кореш?

— Да какой-то Джибраил.

— А кто он?

— В том-то и дело, что никто не знает. Умар клянется, что не родственник. В общем, пока не

все еще ясно. Но серьезный товарищ... Не поверишь, Степ, что на «стрелке» было. Так что наши велели мне пока в спокойном месте поработать. Да я и сам, Степ, давно хотел интернетом заняться. Интересно ведь. Человек расти должен, развиваться. А у меня что за жизнь? Туда бабах, сюда бабах... Как кочегар. Надоело. В общем, перехожу в пятое главное управление по борьбе с терроризмом в интернете. Оно как раз в бункере под Лубянской. Где раньше космический центр был.

— А чего, в интернете тоже терроризм бывает? — спросил Степа.

— Еще какой. Ладно, о терроризме потом, давай с делами сначала закончим. Тут вопрос к тебе есть серьезный по Зюзе и Чубайке.

— Ну?

— За тобой должок. Когда деньги переведешь? Уже второй взнос скоро, а у тебя еще первый не прошел. Ты чего, Степ? Я дела сдаю, а тут выясняется, что мой коммерсант не расплатился. Хочешь джедая без выходного пособия оставить?

— Лебедкин, я, наверно, не смогу участвовать, — морщась от каждого своего слова, ответил Степа. — У меня денег нет. Совсем.

— Степа, это не базар, — спокойно сказал Лебедкин. — Надо было заранее думать, во что играешь. Сам видишь, какие колеса закрутились.

— Лебедкин, ну ты понимаешь, что денег нет?

— Степ, ты голову включи и подумай, что будет. Я про твои проблемы все знаю. Но только деньги тебе все равно придется найти.

— А если не найду?

— Будем рассматривать как финансовый терроризм. Ты меморандум о намерениях подписывай.

вал? Подписывал. Значит, будем брать на арбитраж.

Степа поднялся на ноги, и пальцы его свободной руки сами сжались в кулак.

— Это как? Убьете? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и насмешливо.

— Убивать не будем, не абреки. Но ты ведь понимаешь, что прихватить тебя можно по целому ряду статей. Хочешь, сам номер выбери, какой тебе больше нравится. Перечислить?

— Ты эти свои номера будешь пингвинам в цирке показывать, — разозлился Степа. — Ты в каком веке живешь, Лебедкин? Что у меня, адвокатов нет? Ну посижу неделю, две максимум. И выйду. Тебе легче станет?

— Не, Степа. Для тебя это не вариант. В камеру тебе попадать не стоит.

— Почему это?

— Ну ты чего, Степ. Такие вопросы задаешь. Пушкина не читал?

— При чем тут Пушкин?

— А при том, что это по паспорту ты Степа. А по распоняткам ты Татьяна. Типа русская душою.

— Чего?

— Забыл? Не ссы, люди напомним. Мы в *privacy*¹ не лезем — то, что ты осла ебал, твое личное дело. Но вот то, что ты при этом Татьяной согласился побыть, — это, извини, уже нет.

— Это как понимать?

— А так, что будешь теперь Пикачу. Как Сракандаев и обещал.

---

¹ Частная жизнь.

— Кому?

— Тебе. В клубе «Перекресток». Зачем он, потвоему, «Татьяна» кричал, когда ты его в жопу пялил? Ослик тебя на двойные вилы брал, а ты и не понял, глупый.

— Подожди-подожди, — сказал Степа, опускаясь на диван. — Ты про что?

— Про это, Степа, про это. Здесь ты главный покемон, а на зоне будешь пидор гейный. Сразу, как кассету спустим. Такая вот энциклопедия русской жизни. Ты ее за неделю до дыр зачитаешь, обещаю. А сидеть, кстати, не меньше года будешь. Такие в этой стране понятия, и никто их пока не отменял. Понял, нет?

Волшебные слова, которые кидал в трубку Лебедкин, обдавали страшной ледяной силой. А то, что он знал даже про покемонов, было непереносимо. Степа почувствовал, как где-то под ложечкой заработал небольшой, но мощный холодильник.

— Как не понять, — ответил он и принял еще водки. Она так и стекла по полированному боку этого холодильника — в душу не попало ни капли.

— Ну наконец. А я уже волноваться стал за твою голову. Это ж твой хлеб, Степ. Основы высшего менеджмента.

Степа издал произвольный физиологический звук — что-то между икотой и всхлипыванием.

— Вот именно, — ответил Лебедкин. — Ну так что, будем дополнение к меморандуму подписывать? Или так обойдемся?

— Так обойдемся, — сказал Степа, наливая себе новую стопку.

— Как скажешь. Пошустри по комьюнити, возьми корпоративный кредит, ну ты понял. Крутись, не мне тебя учить. И не обижайся. Я тебя всем сердцем люблю, ты в курсе. Жизнь тебе лично спас. Только сделать ну ничего нельзя. Как говорил Платон, Аристотель мне друг, но деньги нужнее, хе-хе-хе-хе... Не для себя стараюсь. Ты хоть знаешь, сколько людей в цепочке?

Степа вспомнил, что недавно, совсем в другой вселенной, уже слышал эту фразу.

— Знаю, — сказал он. — Вся страна.

— Это раньше была вся страна. А теперь весь свободный мир, понял, нет? И несвободный тоже.

— Понял, понял. Классная у тебя работа, Лебедкин. Пришел, увидел, победил.

— Это раньше было — пришел, увидел, победил, — хохотнул Лебедкин. — А теперь знаешь как? Выебал, убил, закопал, раскопал и опять выебал. Темп жизни совсем другой. Главное — не отстать. Так что давай, холодный душ и к станку. И чтоб деньги сегодня пошли.

Степа послушно поплелся в душ. Минут пять он стоял под холодной струей, приходя в себя. Когда холод стал нестерпимым, он понял, что сейчас сделает. Это было так просто. И сразу решало все проблемы. Раньше, правда, он считал, что это недостойный выход и так поступают только слабые люди.

«Что ж, — подумал он, — выходит, и я просто слабый человек».

Удивительно было, до чего легко оказалось принять это решение, представлявшееся когда-то таким непостижимо-жутким. Ничего жуткого в

нем на самом деле не было — просто выход из ситуации, хотя и довольно грустный... Но сначала следовало уладить несколько мелких дел.

Во-первых, хотелось окончательно разобраться с числами. Хоть это уже не играло никакой роли, почему-то не давала покоя мысль, которая пришла в голову сразу после удара молнии над дзенским садом камней — записать число «34» двоичным кодом.

Вернувшись в комнату, он сел за стол и взял в руку карандаш. Как это делается, он помнил с института. Тридцать четыре получалось из двух в первой степени плюс два в пятой. Коэффициенты при всех остальных степенях, от нулевой до четвертой, были равны нулю. Эти коэффициенты следовало записать справа налево. Результат был таким:

100010

Степа сразу понял, что у него получилась еще одна гексаграмма «Книги перемен». Это становилось интересным. Он набрал номер Простислава.

— Але, Простислав? Срочно консультация нужна. Что это такое — вторая и шестая линии сплошные, а все остальные — прерывистые?

— «Ошибки молодости», — ответил Простислав.

— Что — ошибки молодости?

— Гексаграмма такая — «Ошибки молодости». Номер четыре. Мын по-китайски. Другой перевод — недоразвитость...

— Понятно... — прошептал Степа.

— Понятно? Ну и ладушки. Ты как сам-то? Я слышал, у тебя как бы сложности?

— Пустяки, — сказал Степа. — У големов нет проблемов.

— А... Это до тех пор, пока у матросов нет вопросов, хе-хе... Ну покедова. Пойду того... валенки чинить.

Степа положил трубку. С числами все было ясно до тошноты. И с людьми тоже. Он подумал, какие у него еще остались дела. Можно было проверить автоответчики на двух московских квартирах — он давно их не слушал. Первый оказался пустым. На втором было одно новое сообщение.

— Привет, — раздался в трубке невозможный голос. — Это Сракандаев. Не знаю, какой это номер, домашний, рабочий и твой ли вообще. Такой дали. Я уже в Москве, а ты, наверно, еще в Питере. Слушай, если не считать некоторых чепуховостей, все просто волшебное. Закрываю глаза и смеюсь... Ладно, сам не люблю телефонные нежности. Все при встрече. Пожелаю тебе самых разных клеветок. А главное — чтобы ты, Степка, всегда слышал тихий голос истины...

Раздались гудки. Степа нажал звездочку, потом четверку. В трубке пискнуло, и механический голос сказал «no message»¹. Сракандаева больше не существовало.

Комментарий к пятой позиции гексаграммы «Мощь великого» обещал: «Раскаяния не будет». А оно было. Несмотря на двойные вилы, Сракандаева было жалко. И не только из-за пропавших денег. Точно так же Степе было жалко сбитого машиной ослика, которого он видел ребенком на

---

¹ Нет сообщений.

отдыхе в Сухуми. Но что теперь оставалось делать? Раскольников в похожей ситуации пришел к людям, чтобы сказать: «Это я убил». Степа мог бы, конечно, выйти на ступени перед памятником Достоевскому, надеть грязные сракандаевские уши и зареветь на всю площадь: «И я! И я! И я!»

Но вряд ли Сракандаеву нужна была такая эпитафия. Ему уже ничего не было нужно. А сам Степа собирался сделать нечто такое, что упразднило все сомнения по поводу прожитой жизни.

Он встал и принялся одеваться. Затем вынул из шкафа поясную сумку и проверил ее содержимое: чешский паспорт, колода кредитных карт, русский загранпаспорт с открытым Шенгенom и десять тысяч долларов наличными. Повесив сумку на живот, он присел на диван. Была, он помнил, такая примета — посидеть перед дорогой. Теперь не оставалось ничего иного, кроме как полагаться на приметы.

— Тихий голос истины, — пробормотал он, оглядывая вещи, которые покидал навсегда. — А что это такое — истина? Кажется, нам так этого и не объяснили...

Через минуту, уже в пальто и шляпе, он открыл входную дверь, сделал шаг наружу и замер на пороге.

На улице был первый день весны. Это становилось ясно сразу. Светило солнце, небо было голубым и чистым, и, главное, в воздухе чувствовалось что-то такое, из-за чего сердцу, несмотря ни на что, хотелось жить дальше. Сердце понимало — есть из-за чего. Степа улыбнулся и вдруг почувствовал себя толстовским дубом, старым деревом

из «Войны и мира», которое просыпается к жизни после зимней спячки, чтобы вновь зазеленеть в тысячах школьных сочинений. Все, что он чувствовал в эту секунду, было совсем как в великом романе, за одним исключением — за прошедшие полтора века русский дуб заметно поумнел.

— Зеленеть в офшоре будем, — пробормотал Степа, швырнул мобильный в сугроб и пошел к задней калитке, от которой начиналась тропинка, ведущая к Рублевскому шоссе.

Ощущение весны и того, что чудо где-то рядом, не покидало его всю дорогу. Постепенно оно переросло в спокойную уверенность, что у жизни есть что-то для него в запасе. Иначе откуда было взяться в душе этому радостному предчувствию невозможного?

Шоссе было уже рядом. Выйдя из-под сени деревьев, он зажмурился от солнца и голубизны. В ясной пустоте над дорогой висел диск, похожий на маленькое светило. Он нестерпимо сиял, отражая солнечные лучи.

Степа не помнил никакого диска в этом месте. Это мог быть только недавно повешенный на растяжке дорожный знак. Когда он прошел еще несколько метров, знак перестал отражать солнце. Степа увидел белый круг, окруженный красным кольцом. В круге была цифра «60». Рядом висел синий прямоугольник со стрелоподобной руной «Тир», похожим на журавля самолетиком и словом «Шереметьево-2».

«Вот оно, новое солнце, — почти спокойно подумал Степа, поднимая руку навстречу потоку машин. — Как все просто... Семнадцать лет ни

о чем не волноваться. Вот только когда ноль шесть будет, тогда, наверно, придется круто. Ноль шесть или ноль девять? Опять в школу, весь джихад по новой... Ну да это не скоро. Не здесь. И наверно, уже не со мной».

Пелевин В.

П 24 Числа : роман / Виктор Пелевин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 288 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-13542-0

Банкир Степа всю жизнь строит как служение числу 34 — и даже в юности всем прочим музыкальным группам предпочитал *Von Jovi*; еще он боится числа 43 и Курской битвы. Приближение возраста в 43 года наполняет его подлинным ужасом, и неминуемая встреча с адептом числа 43 грозит самыми неожиданными последствиями. Сам Виктор Пелевин говорил: «Я просто позволил этой истории рассказать себя, и мне неизвестно, почему она оказалась именно такой, — герои со мной не советовались, какими им быть. Спрашивать надо у них, особенно у Ослика Семь Центов, но он, увы, уже слишком далеко».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ВИКТОР ПЕЛЕВИН
ЧИСЛА

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Габовой
Корректор Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.10.2017. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 12,69.
Заказ № 5054/17.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-VAK-21726-01-R

**ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

**Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества**

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/

Банкир Степа всю жизнь строит как служение числу 34 — и даже в юности всем прочим музыкальным группам предпочитал *Von Jovi*; еще он боится числа 43 и Курской битвы. Приближение возраста в 43 года наполняет его подлинным ужасом, и неминуемая встреча с адептом числа 43 грозит самыми неожиданными последствиями. Сам Виктор Пелевин говорил: «Я просто позволил этой истории рассказать себя, и мне неизвестно, почему она оказалась именно такой, — герои со мной не советовались, какими им быть. Спрашивать надо у них, особенно у Ослика Семь Центов, но он, увы, уже слишком далеко».

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

ISBN 978-5-389-13542-0

9

785389 135420

01

Cover Art
© istockphoto.com /
polygraphus

www.azbooka.ru

АЗБУКА
КЛАССИКА

Числа

ПЕЛЕВИН